

KNIGHTS OF THE MORNINGSTAR

РЫЦАРИ УТРЕННЕЙ ЗВЕЗДЫ

Путешественник во времени в сияющих доспехах.

Когда синий свет исчезает после его последнего скачка, доктор Сэм Беккет обнаруживает, что держит в руках меч и стоит лицом к лицу с человеком в полном рыцарском снаряжении!

Нет, Сэм не переместился во двор короля Артура. Он сражается на поединке в группе средневековых отдыхающих, сражается за руку прекрасной дамы. Но бой на мечах - не единственное испытание, с которым сталкивается Сэм. В игру вступил зловещий новый игрок. Кто-то, кто угрожает не только Проекту, но и жизни Сэма...

Ещё один путешественник во времени.

Посвящается фанатам телесериала "Квантовый Скачок", которые, как и я, отказываются верить в то, что Сэм так и не вернулся домой.

И также посвящается Скотту Бакуле и Дину Стокуэллу, которые сделали сериал таким приятным для глаз...

ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА

Хотя термины "временная шкала" и "квантовый скачок" в значительной степени взаимоисключают друг друга, для сохранения целостности необходимо использовать эти слова. Действие этой истории разворачивается после серии "Избавь нас от лукавого" и до серий "Возвращения/мести злых путешественников".

[ПРОЛОГ]

Нервная дрожь - мышечная дрожь - кожная дрожь - свет - ослепление - синапсы раскалены до предела...

Нет, это было невозможно. Удар по мозгам не представлял опасности для его работы.

Но иногда казалось, что это именно так.

Как всегда, он попытался зафиксировать что-нибудь в памяти. Одну-единственную простую вещь: человека, место, событие, запах, прикосновение...Но в этом не было

никакого смысла. Люди, которым он помогал, люди, о которых он начал заботиться, вещи, которые он узнал, сделал или предотвратил, — его история, какой она была и какой

теперь не будет, — в это знакомое мгновение небытия он почувствовал, как всё это ускользает.

Он оставил это.

И на какой-то отрезок времени он снова стал самим собой. Перенесённый из одного момента в прошлом, он в мгновение ока

оказался в настоящем и снова стал самим собой: целым и невредимым.

Сэмюэль Джон Беккет. Родился 8 августа 1953 года в Элк-Ридже, штат Индиана. Сын Джона Барретта и Тельмы Кэтрин (урождённой Тейлор) Беккет. Младший брат Томаса Эдварда, старшего брата Кэтрин Луизы. Их лица стояли перед ним, их голоса, звучавшие в его сердце, навевали воспоминания о высокой зелёной траве и тёплом благоухании амбара холодными январскими утрами.

Он вспомнил.

Он вспомнил то утро — ему было не больше двух лет, — когда мама сказала, что Том уйдёт на целый день, отправится в какое-то место под названием "второй класс", — Так что, Сэм, не расстраивайся, всё в порядке, просто... Папа каждый день уезжает (в другое место под названием "Бэкфорти") и всегда возвращается домой, не так ли? Но он всё равно плакал, боясь, что Том не вернётся домой.

Он вспомнил другой день, когда выпал такой сильный снег, что Том не смог пойти во второй класс, а папа — в "Бэкфорти", и как Том разозлился, а потом вытирает глаза, когда застукал Сэма с книгами, которые бабушка Нетти прислала ему на Рождество. Игра в "Что это за слово?" быстро переросла в "Как давно ты читаешь?", а затем в "Привет, мам. Угадай, что произошло". Какое-то время все придавали большое значение тому, что ему было всего два с половиной года, но потом все успокоилось, и бабушка Нетти тоже начала присылать ему книги.

Он вспомнил весеннюю ночь, когда не умолкал гром, молнии раскалывали небо, и дождь хлестал по дому всю ночь напролёт, а в прихожей отец сказал, — "Чёрт возьми, это самая сильная гроза за месяц солнечных дней!", там, где находился доктор затопило дорогу, и Том зашёл к нему в комнату и сказал: "Не волнуйся, Сэм, это просто гром, с мамой всё будет в порядке и скоро придёт доктор". Доктор действительно пришёл, а вместе с ним и их младшая сестра.

Он вспомнил школу: он был слишком умный для своего возраста и слишком застенчивый, чтобы чувствовать себя комфортно. Он проскочил полкласса, потом ещё один, и вдруг оказался слишком низкорослым для того, чтобы постоять за себя на школьном дворе (но драка была только одна; Том позаботился об этом).

К старшей школе он стал высоким и неуклюжим. Том предложил заняться спортом, а поскольку Том играл в баскетбол, то и он занялся этим, тренируя слишком длинные ноги и руки, чтобы они были послушными (если не сказать грациозными) на площадке. Он по-прежнему был слишком умный и слишком застенчивый, но девушки стали смотреть на него с

интересом, а не с презрением. Он также тренировал свой вероломный голос в хоре, а руки — в игре на гитаре и фортепиано - он помнил её восхитительную улыбку, когда играл Шопена, по памяти, хотя видел эти страницы всего один раз...

Как много он мог запомнить благодаря своей феноменальной фотографической памяти! И как она насмеялась над ним сейчас. Он продолжал вспоминать, пока ещё мог, по привычке жадный до информации, зная, что её воспроизведение в его голове продлится недолго.

Колледж: Массачусетский Технологический Институт, степень бакалавра, магистра и доктора философии по физике, полученные так быстро — и другие кампусы, другие степени, докторская степень в...В...

Он не мог вспомнить.

Нет, не сейчас, пока не надо, — пожалуйста!

Стэнфорд? Гарвард? Университет Джона Хопкинса? Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе? Где? Воспоминания затуманились. Это случилось так скоро. И слишком рано.

Школа, учёба, экзамены и лабораторные работы, рефераты, диссертации, дипломные работы и докторские диссертации... Проект "Звёздный Свет"...

Нобелевская премия...

В нём было что-то еще, должно было быть. Итог его жизни не мог быть всего лишь академической биографией. Он начал пытаться вспомнить всё сначала (Сэмюэль Джон Беккет, родился 8 августа 1953 года —), но теперь над ним нависло более близкое прошлое, требовавшее его внимания. Прошлое, которое он пережил дважды: один раз будучи самим собой, а другой - в виде отрывков и кусочков из жизни других людей.

Он существовал в фрагменте своего времени, в своей собственной личности. И то и другое менялось по мере того, как изменения, которые он внёс, меняли его самого. Воспоминания менялись по мере того, как время делало над ними свою работу, отражая его работу. Мир закружился вокруг него ярким бело-голубым вихрем, в центре которого было его ошеломлённое замешательство — неужели он действительно так много сделал? То, что он помнил, вращалось и сливалось с тем, что он также помнил; проблески и впечатления, загадочно переплетаясь, проносились вокруг него. Отдельные истины и различные реальности, наложенные одна на другую, два изображения друг друга сливаются в размытое пятно, а затем обретают чёткость...

...стройная темноволосая женщина в забрызганном кровью розовом костюме

...девочка десяти или двенадцати лет, чьи мудрые, красивые глаза напомнили ему о Кэти (но в её лице также было что-то и от него?)

...гордая пожилая леди, стоящая на коленях перед могилой своего мужа.

...ещё одна маленькая девочка, винящая себя в том, что она не была тем сыном, которого потеряли её скорбящие родители.
...очаровательная молодая женщина в белой форме медсестры Военно-Морского Флота США, сжимающая в руках букет калл.
...старик с глазами сокола, полный решимости умереть на земле своих предков.
Его разум пытался систематизировать их, придать смысл и упорядочить. Его сердце взывало к знанию, к уверенности в том, что всё произошедшее было правильным, что изменения были к лучшему.
Мир, доктор Беккет. Всё так, как и должно быть.
Яркий вихрь успокоился, и его вопросы стихли. Все, кроме одного. Если всё было так, как должно было быть, то...
Ещё нет. Дом ждёт тебя. Но не сейчас.
В нём вспыхнул бунт. КОГДА? - беззвучно кричал он.
Ответа не было. Его никогда не было. Возможно, его никогда и не будет.
Тогда его жизнь ускользнула от него, радужный танец воспоминаний растворился в сиянии чистейшего света. Все лица, имена, чувства, поступки — даже его собственное имя — исчезли.
Он оставил это.
И, как всегда, он ухватился за одно слово. Мантру, сосредоточенность, обобщение всего, что было для него важно — всего, чем он был на самом деле.
Дом....

Время и реальность снова слились воедино. Его тело и мозг перестали звенеть.
И он почувствовал, как его правая рука обмякла под тяжестью чего-то тяжёлого, зажатого в его пальцах. Он моргнул, повёл плечами и поднял руку.
На руке была блестящая кольчуга. На ладони была потёртая кожаная перчатка. Пальцы сжимали длинный сверкающий меч.
Он услышал глухой стук, от которого у него, должно быть, отвисла челюсть. Он посмотрел вниз. С места, зажатого между его локтём и бедром, на землю упал серебристый шлем с зелёным плюмажем.
Меч снова опустился рядом с ним. Разочарование (от того, что он снова не вернулся домой, это место было точно не его домом) сменилось внезапным приливом острого любопытства и столь же сильного замешательства. Когда? Куда? Кто? Почему? Сильнее всего ощущалась настоящая

необходимость делать и говорить правильные вещи — или, по крайней мере, избегать неправильных поступков, пока не будут даны ответы на эти четыре основных вопроса. Обычно это было сложнее всего, поэтому он решил это отложить. (Кроме того, ему не очень нравились последствия ношения этой кольчуги). Где обычно было проще всего; всё, что ему нужно было сделать, это посмотреть. Что он и сделал. И судорожно сглотнул.

Вокруг него расстилалась лесная поляна, залитая летним солнцем и средневековым великолепием. Разноцветные вымпелы, как простые, так и с гербами, развевались на тёплом ветру. Жонглёры в костюмах придворных шутов и менестрели в пёстрых нарядах, прекрасные дамы в развевающихся одеждах, бродячие торговцы, выставляющие напоказ товары того времени, оруженосцы с мечами и щитами, рыцари в кольчугах - вся лесная обстановка определенно напоминала рыцарские убранные 1450 года или около того. Не хватало только замка на вершине холма.

Он вздрогнул, когда откуда-то из-за деревьев донёсся рёв. Раздались радостные возгласы и аплодисменты — по крайней мере, он не переместился в гущу сражения, с облегчением подумал он и тут же почувствовал себя дураком. Кто-нибудь из этих людей выглядел обеспокоенным? Они все отлично проводили время — все, кроме парня, который, присев на корточки, крутил гриль, на котором над кострищем медленно вращалось нечто, похожее на целую корову. Ощущение полного идиотизма усилилось, когда он услышал за спиной несколько металлических ударов. Обернувшись, он увидел деревянный конёк, к которому были прислонены щиты, мечи и копья, пока его удивлённая реакция на радостные крики не опрокинула их.

Он принялся собирать их. Они снова зазвенели, когда кто-то крикнул: "Сэр Персиваль? Сэр Персиваль Йоркский!" У Сэма возникло странное — и тягостное — чувство, что сэр Персиваль - это не кто иной, как он сам.

На Сэма надвигался глашатай. Он мог быть только глашатаем: из-под его пурпурной туники, словно непослушные перья, торчали свёрнутые свитки, на поясе болтался медный охотничий рог, а на обтянутой бархатом груди была вышита золотая корона - знак королевской службы.

"Сэр Персиваль! Вы выступаете следующим в поединке против лорда Раннульфа" - указал рукой глашатай.

Неподалёку рыцарь разминал свои боевые мускулы, нанося удары мечом по воздуху. Лорд Раннульф был ростом в шесть футов четыре дюйма и весом в 225 фунтов, облачённый в сверкающую кольчугу. Конан-Антиквар. Он выглядел так, словно был способен в одиночку крушить черепа. Могучий взмах клинка развернул его в сторону Сэма. Их взгляды встретились. Его светлость ухмыльнулся. Всё, что смог вымолвить Сэм, это слабое - "О, Боже."

[ГЛАВА 1]

...Знаете, я уже начал думать, что перепробовал всё. Ну, по крайней мере, большую часть. Я вспомнил, как был певцом в лаунж-баре, наёмным убийцей мафии, адвокатом с

Юга, ведущим ток-шоу, полицейским — несколько раз, я думаю, - и даже был беременной девушкой. Вроде бы.

Но никогда, никогда в жизни я не перемещался в москитную сетку пятнадцатого века.

Так вот, это не мог быть настоящий пятнадцатый век. Я имею ввиду, что я могу совершить скачок только в пределах своей собственной жизни, верно?

Боже, я надеюсь, что смогу совершать скачки только в течение своей жизни. Потому что это действительно похоже на пятнадцатый век...

"Сэр Персиваль?" - спросил глашатай. - "Вы готовы к рыцарскому турниру?"

"Э-э..." - с этим Маттерхорном средневековой мускулатуры? Сэм снова сглотнул. — "Я, э-э..."

Не обращая внимания на немногословные реплики — что, вероятно, означало, что "сэр Персиваль" обычно был таким же косноязычным, как и Сэм сейчас, - глашатай кивнул и

бросился прочь, зовя кого-то по имени лорд Годвин. Сэм оторвал взгляд от массивного лорда Раннульфа и наклонился, чтобы поднять свой плюмажный шлем.

В трёх футах от него внезапно появилась пара изящных кожаных туфель ручной работы. Сэм медленно выпрямился. Над туфлями виднелись тонкие лодыжки в жёлтых

чулках. Остальная часть ног была скрыта широкой красной юбкой. Она сужалась к кожаному поясу с замысловатой резьбой, с которого свисал бархатный кошелек на шнурке и

кинжал в ножнах с ярко-зелёным камнем в рукояти. Поверх всего этого был жёлтый кружевной лиф, из-под которого грозила вывалиться значительная часть женской анатомии.

Сэм, наконец, встретился взглядом с девушкой: у неё были зелёные, как листва, глаза, и вьющиеся каштановые волосы, увенчанные белой шапочкой. Она улыбалась ему. Один из глаз с длинными ресницами подмигнул.

"Хо, сэр рыцарь! Не хотите ли выпить чашечку из бодрящего кубка перед турниром?" - она протянула ему оловянную кружку с героической порцией, в котором было, скажем,

полгаллона или около того. Сэм рассеянно отметил, что у неё ирландский акцент. Более или менее.

Жонглируя мечом и шлемом, он в конце концов уронил и то, и другое. Снова. Либо к нему вернулась его юношеская неуклюжесть в общении с хорошенькими девушками, либо сэр

Персиваль был не только невнятен, но и настолько неуклюж, что это повлияло на последствия скачка. А если это окажется

действительно так, то у него были бы ещё более серьёзные проблемы с лордом Раннульфом.

Ещё более серьёзные проблемы? Меч весил тонну, а он понятия не имел, как им пользоваться. Хуже не придумаешь.

Понимая, что девушка ожидает ответа, он промямлил: "Э—э...нет, нет, спасибо..."

"Значит, вам нужна ясная голова? Ради Бога, сэры рыцарь, я бы сначала сделала хороший глоток, чтобы притупить боль!" - она указала на лорда Раннульфа, который всё ещё нарезал приятный ветерок. - "Что ж, будем надеяться, что вы останетесь живы и сможете выпить его после! Он выглядит в отличной форме на этом турнире!"

Разве он не... Сэм вздрогнул, представив свою шею на пути трёх футов сверкающей стали. Вызванный таким образом образ не был утешительным.

Ещё раз подмигнув, девушка неторопливо удалилась. Сэм снова подобрал с травы меч и шлем. Когда он повернулся, на стойку с полированными щитами и другими предметами средневекового хлама упал солнечный свет — и его искажённое отражение.

Сэр Персиваль был примерно одного роста с Сэмом и по меньшей мере на двадцать фунтов худее. Ему было тридцать с небольшим, и он выглядел так, словно ему следовало

носить карманный защитный костюм, а не кольчугу. Его волосы немного редели (возможно, это было следствием кривизны щита, но Сэм сомневался в этом), образуя

неестественные мышинные волны, которые нуждались в стрижке, а доминирующей чертой его лица с удлинённой челюстью был нос, которому мог бы позавидовать только

носорог. Сэра Перси спасли от окончательного превращения в зануду его удивительно красивые глаза необычного орехового оттенка с искорками зелёного и золотого цвета,

обрамлённые густыми прямыми ресницами.

И всё же он вряд ли походил на отважного странствующего рыцаря.

Громкий свист, раздавшийся неподалеку, заставил Сэма обернуться. Это появился Эл — наполовину в стволе дерева, наполовину высунувшись из него.

"Ты как раз вовремя," - прошипел Сэм. Затем он оглянулся ещё раз. - "Что, во имя Джорджио Армани, на тебе надето?" (Джорджио Армани — итальянский модельер и

предприниматель, основатель компании Armani, один из богатейших людей Италии. прим.пер)

Вместо белой униформы, положенной Контр-Адмиралу, Объединенного Военно-Морского флота США, Элберто Эрнесто Джованни-Баттиста Калавичи был одет в костюм, цвета

которого сильно напоминали фруктовый салат, украшающий Кармен Миранду (Кармен Миранда (урождённая Мария ду Карму Миранда да Кунья) — бразильская певица, танцовщица,

актриса португальского происхождения. прим. пер). Брюки из лимонного атласа. Виноградная рубашка "Конкорд". Пиджак

мандаринового цвета с лацканами цвета лайма. Малиновый галстук. Оранжевые мокасины.

Сэм покачал головой в искреннем изумлении. У этого человека не было стыда. И вкуса тоже.

Эл не обращал на него ни малейшего внимания. Сверкая круглыми, как блюдца, карими глазами, он наблюдал за происходящим с выражением крайнего блаженства на лице. Даже дым от его сигары, казалось, клубился с особым удовольствием.

Сэм отступил за дуб, когда мимо прошла пара жонглёров, позвякивающих колокольчиками и одетых в зелёные и оранжевые клетчатые костюмы, в которых Эл бы выглядел почти консервативно.

"Эл? Где...нет, вернее в каком времени я нахожусь? Эл!"

"Ммм?"

"Чёрт возьми, выйди из этого дерева и поговори со мной!"

"Что? Ах это," - он услужливо шагнул вперёд. Сэм почти пожалел, что Эл не остался в дереве — левый рукав мандаринового пиджака заканчивался манжетой бананового цвета.

"Ты, конечно же, на средневековом турнире. Сэм, разве это не невероятно? Как будто ожившая книга сказок!". Он ел это ложкой (идиома, которая используется в ситуациях, когда кто-то проявляет большой энтузиазм по отношению к чему-либо или кому-либо прим.пер). Ещё минута, и он начнёт декламировать "Идиллии короля". ("Идиллии короля" - Цикл из двенадцати повествовательных стихотворений английского поэта Альфреда, лорда Теннисона, в котором рассказывается легенда о короле Артуре, его рыцарях, его любви к Гвиневре и ее трагическом предательстве по отношению к нему, а также о расцвете и падении королевства Артура. прим. пер)

"Средневековье? Я же не могу совершать скачки через столетия". Он почувствовал приступ паники. "Скажи мне, что я не могу совершать скачки через столетия..."

Эл по-прежнему не слушал. "Знаешь, когда я был ребёнком, мы с приятелями были рыцарями Круглого Стола. Гавейн, Галахад, Ланселот - нынешние дети со своими компьютерными играми упускают всё самое интересное. Мы обычно осаждали крепости — ну, на самом деле это был чердак в приюте, но, если приложить немного воображения, это было довольно впечатляюще. На лестнице устраивались бои на мечах, в гараже нужно было убивать драконов, спасать прекрасных девушек от злобных волшебников..."

Как раз в этот момент, зеленоглазая девушка снова пронеслась мимо, поднимая оловянную кружку в честь Сэма. Эл задумчиво ухмыльнулся.

"Эл." - помахал мечом Сэм перед лицом напарника. Если бы Эл не был голограммой, ему бы потребовалась коррекционная ринопластика. - "Поговори со мной. Расскажи мне, что происходит."

За девушкой следовал глашатай. - "Сэр Персиваль Йоркский, вызывается на поединок против франкского лорда Раннульфа!" Бросив злобный взгляд на Эла, который ничего не заметил, будучи всё ещё очарованным этим воскрешением детских фантазий, Сэм вышел из-за дерева. Он побрёл за глашатаем к огороженной поляне размером с футбольное поле. На одном конце возвышался помост, по бокам которого стояли многоярусные скамьи, защищённые от солнца пурпурным брезентовым навесом. По меньшей мере сотня мужчин, женщин и детей в роскошных средневековых нарядах толпились вокруг двух больших кресел, на которых восседала коронованная чета. Лорд Раннульф как раз кланялся им. Выдавив из себя слабую улыбку, Сэм последовал его примеру. Глашатай с важностью откашлялся. "Если будет угодно Вашим Величествам, поединок рыцарского мастерства между лордом Раннульфом из Франков и сэром Персивалом из Йорка начинается!"

"Рыцарское мастерство?" - дико подумал Сэм. "Означает ли это, что он не попытается проткнуть меня насквозь?"

Королева — очаровательная китайка лет сорока с миловидным личиком, одетая в пурпурное платье и серебряный обруч, поддерживающий её головной убор, - наклонилась вперёд. - "Удачи вам обоим, милорд, сэр рыцарь."

"Благодарю Ваше Величество," - сказал лорд Раннульф.

Почувствовав, что необходимо ответить столь же учтиво, Сэм добавил: - "Ваше Величество очень милостивы."

Королевская чета просияла. Толпа заплодировала. Глашатай отступил. И Сэм приготовился к взбучке.

Но внимание лорда Раннульфа было теперь приковано к хрупкой даме с ямочками на щеках, сидевшей на скамье рядом с королевой. Даме было около тридцати, она была приятно

округлена и очень хороша собой, как подобает девушке из соседнего поместья. Белокурые локоны выбились из-под платка и упали на лоб над голубыми глазами и нежными щеками, которые покраснели на несколько тонов темнее, чем её беспомощно развевающееся шёлковое платье цвета лепестков розы.

Лорд Раннульф отвесил ей низкий поклон. - "Я прошу у вас знака внимания, милая леди, который помог бы мне одержать победу." Леди посмотрела на Сэма.

Значительно.

Полная растерянность в первые часы после скачка не была чем-то необычным, особенно когда от Эла не было никакой помощи.

Сэм стоял, демонстрируя всю свою

сообразительность на уровне комнатного растения в горшке. Это было до боли знакомое ощущение.

Леди, явно разочарованная отсутствием реакции Сэма, отвела взгляд. Через мгновение она бросила лорду Раннульфу белый шарф, который был накинут на её плечи. Он быстро поднёс его к губам — толпа пришла в неистовство — и повязал вокруг левой руки. Последний поклон, и он направился к центру турнирного поля. Всё было сделано очень красиво, в точном соответствии с рыцарскими правилами, и Сэм почувствовал себя неотёсанным мужланом. Возможно, он бы меньше возражал, если бы чувствовал себя неотесанным мужланом, который знает, что, чёрт возьми, происходит. Он мрачно последовал за лордом Раннульфом. Вид массивных плеч, обтянутых кольчугой и шириной около четырёх футов, несколько не укрепил его уверенности в себе. Он украдкой проверил острие своего меча. Он не только не отрубил себе палец, но лезвие даже не оставило царапины на кожаной перчатке.

"Будь настороже," - раздался знакомый голос рядом с ним, когда он шёл. - "И помни, этот меч настоящий и намного тяжелее, чем тот реквизит, которым ты размахивал, когда играл в "Человеке из Ламанчи..."

Сэм очень, очень, очень сильно ненавидел, когда Эл делал бессмысленные намёки. - "Когда я...что делал?"

"Неважно. Наденьте шлем, сэра Перси."

Сэм нахлобучил на уши семь фунтов металла. Ссадина на лбу подсказала ему, почему сэра Персиваль начал лысеть. Когда он повернул голову, забрало с прорезями с лязгом опустилось, закрыв его лицо, и он вздрогнул.

"Я ничего не вижу в этом шлеме. Как, по-твоему, я должен сражаться? И этим мечом даже масло не разрежешь."

"Ты что думаешь, что попал в настоящий пятнадцатый век?"

Внезапно он обрадовался, что на нём надето забрало; оно скрывало жаркий румянец на его щеках.

"Ты действительно...Ты думал, что это по-настоящему!" - захихикал Эл.

"Нет," - пробормотал Сэм.

"Так и было!"

"Не было!"

"Ха! Зигги это понравится!"

"Что ж, давай посмотрим, как у Зигги получится стоять здесь в этой стальной духовке, пока лорд Раннульф будет делать из неё шашлык!"

"Ох, успокойся. Ты же слышал глашатая. Поединки должны демонстрировать мастерство, а не проливать кровь. Всё оружие затуплено."

Лорд Раннульф разминал мышцы. Казалось, что ещё одно движение, и его кольчуга лопнет.

"Представь себе моё облегчение," - сказал Сэм.

"Меч достаточно аутентичный," - продолжил Эл. - "Он просто не острый. Вопрос в том, знаешь ли ты, как им пользоваться?"

Королевский глашатай протрубил в свой медный охотничий рог, доказывая, что объём легких - необходимое условие для такой работы. Лорд Раннульф отреагировал на сигнал и ринулся на Сэма, как танк "Шерман", с мечом наперевес в том месте, где должна была быть пушка. Сэм не успел помолиться; всё, что ему удавалось, - это размахивать руками, стараясь сделать так, чтобы его кожа и меч лорда Раннульфа как можно меньше соприкасались друг с другом.

"Видимо, нет," - заметил Эл.

"Ну же, покажи мне свои штучки!" - поддразнил Сэма его светлость.

"Хороший меч должен быть сбалансирован, Сэм, прочувствуй его, используй инерцию..."

"У тебя такой вид, будто ты тренируешься нарезать колбасу!"

"Давай, Сэм, хватай его!"

Время от времени Сэм затевал сам с собой пустой спор о том, что больше всего его раздражает в квантовом скачке. Те первые минуты или часы неопределённости? Получение хотя бы полуточных прогнозов от капризного компьютера? Выпытывать ответы у вспыльчивого итало-американского Адмирала? Попытаться вспомнить, что он должен отзываться на чужое имя? Всё это были простые вещи по сравнению с тем, что, как он теперь решил раз и навсегда, было самым раздражающим аспектом этого безумия, в которое он попал: вести два разговора одновременно.

Одному из этих двух болтунов придётся заткнуться, иначе Сэм по-настоящему взорвётся.

Он замахнулся на лорда Раннульфа. "Это не теннисная ракетка, Сэм!" - в отчаянии застонал Эл.

"Или, может быть, отбивать мячи клюшкой для гольфа?" - предложил его светлость, сделав выпад, который точно имитировал неуклюжее движение Сэма. Однако, в отличие от

Сэма, он почти попал в цель. - "Вперёд!"

"Наклонись к нему, Сэм! Заблокируй его!"

Разгоряченный, вспотевший и всё более раздраженный, Сэм в последнюю секунду заблокировал следующий удар, а затем бросился вперед, как, по его наблюдениям, делают фехтовальщики. Но они пользовались саблями, рапирами или маленькими тонкими рапирами, или как там они их называли; а эта штука, какой бы сбалансированной и тупой она ни была, весила по меньшей мере десять фунтов. Для того, чтобы олимпийский чемпион по фехтованию мог взмахнуть одним гибким запястьем, Сэму требовались обе руки до плеч и большая часть мышц спины. Он был в хорошей форме, но мышцы, работающие с мечом, были специализированы, и он задействовал все мышцы, но не те, что требовались. Он вспотел, его волосы под тяжёлым стальным шлемом прилипли ко лбу, как у запряжённой в плуг лошади, левый бицепс ныл в том месте, где Лорд Раннульф

получил хороший удар, и кольчуга врезалась ему в шею в том месте, где рубашка и стёганая подкладка съехали вниз. Сэм Беккет был не в восторге.

"О, Сэм, прояви немного изящества!"

Лорд Раннульф теперь выпендривался, одной рукой размахивая мечом, а свободной подзывая Сэма поближе. Из-под его шлема звенящим эхом донёлся смех. Ещё больше небрежных, презрительных кусочков серебра; ещё больше советов от голограммы Эла Кибитца; ещё больше пота, стекающего по лбу и щиплющего глаза и ещё больше возмущенных протестов мышц спины.

"Поддайся вперёд, Сэм, подставься под его защиту - нет, только не так! Это же меч, а не вантуз для унитаза!"

"Вот и всё," - подумал Сэм. "Вот и всё!"

"Если ты не заткнёшься..." - заорал он, угрожающе замахиваясь на Эла.

На Эла, который был голограммой, это совершенно не произвело впечатления. Но лорд Раннульф, воспользовавшись возможностью, нанёс Сэму звонкий удар в грудь плашмя мечом, от которого задрожали все звенья его кольчуги.

"Хоум-ран!" - воскликнул его светлость. (Хоум-ран в бейсболе — отбитый мяч, улетевший за пределы поля, приносящий одно очко. прим.пер)

Сэм приземлился на спину в мягкую, сладко пахнущую летнюю траву. К несчастью, прямо под травой была жёсткая, сухая летняя земля. Он ушибся до самых волос.

Слева от него возвышался лорд Раннульф, справа - Эл. Оба качали головами — и явно не от изумления перед мастерством Сэма. Раннульф снял шлем и ухмыльнулся.

"Отличный ход. Тебе придётся научить меня этому. Держу пари, Синтия была в восторге от этого". Он отвесил Сэму насмешливый поклон и направился к королевскому возвышению, чтобы получить награду.

Измученный и сам отнюдь не в восторге, Сэм откинул забрало и пристально посмотрел на Эла.

"Жалкое зрелище," - с отвращением заявил Адмирал. - "Просто жалкое зрелище. Ты когда-нибудь играл в детстве в "Спасение девы"? Захват замков? Пиратские корабли? Нет, наверное, нет. Ты был слишком занят запоминанием логарифмов."

Сэм, всё ещё лежа на земле, направил меч прямо на узел малинового шёлкового галстука Эла. - "Просто скажи мне, почему этот болван в сияющих доспехах пытается меня убить. Не мог бы ты оказать мне эту маленькую услугу? Пожалуйста?"

Фыркнув и ухмыльнувшись, Эл нажал кнопки на ручном пульте: - "Вперёд, сэр Перси. Давайте вернёмся в вашу палатку. Вы неважно выглядите."

[ГЛАВА 2]

Сэм не имел ни малейшего представления о том, где находится палатка. Он просто плёлся по территории лагеря за Элом, который, казалось, прекрасно знал, куда идёт. В

конце концов, у Эла была Зигги.

У Сэма болела спина, ещё больше болела поясница, затылок был натёрт до крови, ныли руки и он ощущал острую потребность в длительной горячей ванне. Палатка, в которую

его привёл Эл, не могла предложить ничего более лечебного, чем аспирин.

И все же современность большого "Белого Оленя" цвета хаки принесла облегчение. Не то чтобы он действительно верил, что находится в пятнадцатом веке...А если бы и верил,

то никогда бы в этом не признался.

Палатка сэра Персиваля была чудом роскоши по сравнению с некоторыми другими, установленными в лесистом палаточном лагере. Здесь было множество старинных палаток времён

Первой мировой войны, тесных маленьких куполов, и даже несколько брезентовых навесов, небрежно натянутых на шесты, с наброшенными на них одеялами в качестве

подстилки. Сэм ещё больше оценил сэра Перси, когда оказался внутри. Этот человек заботился о собственном комфорте, даже когда воплощал в жизнь свои средневековые мечты.

Складная походная кровать была застелена простынями и подушками вместо спального мешка. С центрального шеста палатки свисал фонарь "Коулман". В ведре с чистой водой

плавала губка, и Сэму так и хотелось вылить себе на голову эту воду. Но от этого кольчуга, вероятно, заржавеет вместе с ним. На ум пришли видения Железного Дровосека,

но слова в его голове принадлежали Страшиле: "Если бы у меня только были мозги..."

Деревянная вешалка для одежды стояла на страже в углу рядом со складным стулом, на сиденье которого была аккуратно сложена чистая одежда. Ещё один стул был задвинут

под складной столик, на котором лежали бритвенный набор, аптечка первой помощи (Сэм потянулся за пузырьком аспирина) и магнитофон с коробкой кассет. Он запихнул

таблетки в горло и проглотил их, не запивая, затем вставил кассету с музыкой кельтской арфы в магнитофон на случай, если кто-нибудь случайно окажется снаружи, пока он

будет разговаривать с Элом. Затем он присел на корточки, чтобы достать из холодильника лёд.

Кольчуга очаровательно звякнула, а перкуссией служили потрескивание в левом колене и правом плече Сэма. Он потёр поясницу и снова выпрямился. Первым делом ему

предстояло освободиться из этой жалкой металлической тюрьмы. Он начал то, что оказалось затяжной борьбой с этим, в то время как Эл достал ручной пульт и начал передавать последние новости от Зигги.

"Сегодня суббота, 11 июля 1987 года, и ты участвуешь в недельном турнире, проводимом Средневековой рыцарской лигой. Шесть раз в год они собираются вместе в костюмах,

чтобы вновь пережить славу и романтику прошлого." - Эл принял благородную позу, словно для героической скульптуры. Но он больше походил на жокея на лужайке. — "В

старые времена, когда мужчины были отважны, а рыцарство было в расцвете..."

Сэм хмыкнул, напрягая всё больше мышц, сражаясь с кольчугой. Кольчуга доходила ему до колен, разделённая спереди и сзади до паха — вероятно, для удобства верховой

езды, хотя он никогда не видел и не нюхал лошадей в здешних краях. Небольшие одолжения. "А у этой штуки нет молнии?"

Эл был шокирован самим этим предположением. "Костюмы и доспехи на мероприятиях Лиги должны быть строго аутентичными!"

"Аутентичными. Замечательно. А есть ли какой-нибудь аутентичный выход из этого положения?"

Сэр Ланселот, с которым приходилось считаться, задумался. "Может быть, если ты подвернёшь оба рукава одновременно, как у свитера."

Он не мог бы быть менее полезным, даже если бы не был голограммой. Предложенный манёвр немедленно поставил Сэма под угрозу удушения.

"Ну, попробуй приподнять его над своей задницей, а потом сядь и..."

"Просто расскажи мне, кто я, что здесь произошло и зачем я здесь, ладно?" - перебил Сэм откуда-то из-за двадцати фунтов стальной ткани.

"Боже мой. Какие мы вспыльчивые мы, не так ли? Твоё чемпионское звание - сэр Персиваль Йоркский— Уэн, то есть Йорк.

Манхэттен примерно в полутора часах езды

отсюда." - он неопределённо помахал сигарой. — "Прекрасная дева - это леди Синдария из "Колокольчиков", также известная как

Синтия Маллой, редактор художественной литературы в нью-йоркском издательстве."

"Леди...кто...или что?"

"Будь внимателен, Сэм. Тебе придётся называть этих людей по их чемпионским титулам. Они очень строго следят за тем, чтобы не использовать "мирские" имена. Ты - сэр

Персиваль Йоркский, она - леди Синдария из клана Колокольчиков. Понял?"

"Да, да. Я понял." - ко всему прочему большая часть экипировки висела у него на плечах. Обхватив её обеими руками, он снял её через голову и отскочил в сторону. Она

со звоном и грохотом упала на пол и осталась лежать, как не набитое металлическое чучело.

"Будь осторожен!" - предупредил Эл. "Ты перекрутишь все звенья, и они потеряют форму. Знаешь, кто-то приложил немало усилий,

чтобы сделать это."

"Что, кто-то весь день трудился над раскаленной кузницей?" - осторожно потер шею Сэм. - "Да ладно тебе, Эл."

"Как думаешь, ты сможешь купить что-нибудь из этого оптом в магазине "Шлемы для всех"? Я же сказал тебе, Сэм, что все здесь носят аутентичные костюмы того времени. У

них не только нет застёжек-молний, но даже нет возможности пользоваться швейными машинками. А теперь положи это вон на ту стойку, вместе со шлемом."

Сэм послушно сделал, как было сказано. "Ты говоришь, прямо как моя мама. "Собери свою одежду, Сэм!" "

"Сомневаюсь, что ей когда-либо приходилось говорить тебе, чтобы ты повесил свою кольчугу." - ухмыльнулся Эл. "Знаешь, как её чистили в старину? Они зашивали её в

кожаный мешок, наполненный песком, чтобы соскоблить ржавчину, и отдавали оруженосцам, чтобы те побросали её, как на футбольной тренировке."

Сэм усмехнулся при мысли о том, чтобы бросить пас "Аве Мария", который весил двадцать фунтов. Улыбка исчезла с его лица, когда он увидел шнуровку на своей тунике. Их

было по меньшей мере две дюжины, расположенных на правом боку и завязанных так туго, что он испытывал искушение разорвать их. Но он сдержался; он не хотел портить

имущество сэра Перси, учитывая, что, вероятно, он появился здесь, для того, чтобы спасти кусочки жизни сэра Перси.

Возможно. Может быть. Тут ему пришло в голову, что Эл слишком долго добирается до сути.

"Так зачем я здесь? Чтобы удержать Синтию — прошу прощения, леди Синдарию - от покупки паршивой рукописи?"

"Нет, умник. На самом деле, в ближайший понедельник утром она составит контракт на бестселлер, который сделает её карьеру.

Зигги считает, что она, должно быть, прочитала рукопись на выходных."

Сэм кивнул и накинул стёганую тунику поверх кольчуги. Затем рубашку из тонкого белого полотна, которая была мокрой от пота, с ещё сотней маленьких шнурков спереди. С

застёжками—молниями он был готов согласиться, но разве в 1450 году не знали о пуговицах?

"Если Синтия не при чём, то что тогда?"

Эл ничего не ответил.

Сложив пальцы в узел, Сэм посмотрел на своего друга. Долгая практика чтения по этому выразительному лицу — особенно когда оно, как сейчас, было тщательно лишено

выражения — насторожила его. Эл недоговаривал. Что-то скрывал. И Сэм прекрасно знал, что добиться от него истины было практически невозможно. Он расскажет всё когда

сам захочет, в своё время. Но от взгляда его тёмных глаз у Сэма зашевелились волосы на затылке.

"Лорд Раннульф," - продолжил Эл, - "Парня, который только что сразил тебя мечом, на самом деле зовут Роджер Фрэнкс. Он завоевал чемпионский титул благодаря своему

мастерству в рыцарских поединках. Как, кстати, и наш добрый сэра Перси, и я должен сказать тебе, Сэм, что сегодня ты не очень—то улучшил его репутацию." - он поцокал

языком. - "Во-первых, нельзя держать меч так, словно это курица, которой ты пытаешься свернуть шею. Во-вторых..."

"Прочитаешь мне лекцию потом," - перебил Сэм. — "Просто скажи мне..."

"Зачем ты здесь. Хорошо. Ну, во-первых, это из-за Синтии. Кстати, она делает витражные колокольчики. Отсюда и название. Ты зарабатываешь ранг за мастерство в ремеслах, рыцарских турнирах или музыке, и на каждом собрании Лиги есть шанс заработать очки для получения звания рыцаря, графа или чего-то ещё."

Эл тянул время. Сэм, прикусив нижнюю губу и распутывая пальцами очередной узел, был очень близок к тому, чтобы обвинить его в умышленном сокрытии информации. Но у Эла

обычно были очень веские причины оттягивать неизбежное. Поэтому Сэм просто спросил: "Ты так и не сказал, чем Роджер занимается в "мирской" жизни. Работает вышибалой в средневековом байкерском баре?"

"Очень мило. Нет, он занимается исследованиями в области вечеринок...вечеринок?" - шлепок по ручному пульта вызвал

возмущённый электронный визг. "А. Частицы. Исследователь

в области физики элементарных частиц" (тут имеется ввиду, что слово "вечеринки" на английском - "parties", а слово "частицы" - "particle", что делает начало этих слов

похожими прим.пер). Он смотрел на Сэма сквозь пелену, к счастью, иллюзорного сигарного дыма. Если Сэм и помнил что-то о жизни Д.К.С. (до квантового скачка), так это то,

что Эл курил ужасно вонючие сигары.

"Хочешь узнать, кто ты такой, Сэм?"

Потрясающе. После десяти минут уклонений Эл намекает, что он не желает получить информацию? Сэм поклялся, что когда-нибудь, когда он вернётся домой, Эл по-крупному заплатит за каждую из этих уловок.

Когда-нибудь. Но в данное время, когда пришёл этот момент, Сэм понял, что грядёт кульминация. Он был уверен, что ему это совсем не покажется смешным.

"Филип Ларкин," - сказал Эл.

Оставшиеся шнурки порвались от силы, вызванной реакцией Сэма. Он рывком освободился от рубашки и бросил её на раскладушку. - "Ларкин? "Конденсатор Ларкина?" Тот самый Ларкин?"

"Это ты. Он. Ты помнишь?"

Как же он ненавидел этот вопрос. Помнил ли он семью, друзей, события, песни, уравнения, теорию струн — всё или часть того, что он знал, могло быть ему доступно, а

могло и не быть в тот или иной момент скачка. В один момент он мог свободно говорить по-испански, а на следующий день уже не знал, как правильно произнести buenos días; в один момент он мог быть талантливым врачом, а уже на следующий день не мог подстричь заусенец, не рискуя получить гангрену. Он относился к этому философски, что в большинстве случаев облегчало разочарование. То, что ему действительно нужно было знать, ему обычно позволяли запомнить.

А имя Филипа Ларкина высветилось в его сознании, как рекламный щит на Сансет-Стрип.

"Я помню, во что обошлись права на использование этой штуки! Но мы должны были её приобрести. Этот человек был волшебником инженерного дела, и конденсатор решал всевозможные проблемы," - какие именно, он точно не знал. Возможно, это было как-то связано с потоком энергии. Но он знал, что без конденсатора Ларкина завершение Проекта "Квантовый Скачок" заняло бы ещё несколько лет.

Запоздало он осознал, что употребил имя Ларкина в прошедшем времени, и вспомнил кое-что ещё. "Я никогда с ним не встречался. Он умер ещё до того, как я узнал о его изобретении."

"В октябре 1989 года." - кивнул Эл.

"Точно."

"Если ты так много знаешь," - посетовал Эл, - "То тогда зачем тебе нужны мы с Зигги? Расскажи мне о конденсаторе Ларкина, гений." Слова автоматически слетали с его губ в течение примерно десяти секунд. "Самостоятельный независимый компонент, прикрепленный к каркасу Ускорителя, который регулирует и изменяет неизбежный периодический и нерегулярный поток энергии из...из..."

Он знал имя Филипа Ларкина, и что он изобрёл, и сколько средств ушло на приобретение запатентованного устройства из его наследства, но не знал, как это вписывается в Квантовый Ускоритель.

То, что Сэм назвал бы сосредоточенным выражением лица, Эл, очевидно, воспринял как гримасу необычайной свирепости. Он, защищаясь, поднял обе руки.

"Эй, не смотри на меня так! Вы с Ларкином были единственными, кто когда-либо разбирался в этом устройстве". Электронный вой заставил его вздрогнуть, и последовала короткая пауза для обычного физического воздействия на ручной пульт. "Да, Зигги. Я слышу тебя, Зигги. Сию минуту, Зигги". Он вздохнул. — "Она ворчит хуже, чем моя четвёртая жена, только, в отличие от жены, я не могу с ней развестись. Она хочет, чтобы я сказал тебе, что конденсатор Ларкина, возможно, является одним из сбоев. Возможно, это одна из причин, по которой мы не можем контролировать твои скачки."

Сэм начал расхаживать по комнате, затем спохватился и сел на раскладушку. — "И насколько я помню, как работает Конденсатор..."

"Вот в этом весь мой лучший друг," - вставил Эл. - "Нобелевская премия по физике и разум, похожий на стальное решето."

"Насколько я знаю," - раздражённо повторил он, - "Синий провод может быть вставлен в зелёную розетку или обмотан вокруг рождественской ёлки. Но если Конденсатор вышел из строя, и его можно будет починить..."

Что-то начало kloкотать внутри него, какое-то чувство - удивительное, пугающее, безумное, полное надежды и кричащего предостережения. Сэм сделал глубокий вдох, чтобы успокоиться, и сжал колени в кулаки, чтобы унять дрожь.

"Ларкин там? В Зале Ожидания?"

"Да, он там, я имею ввиду, здесь. Где же ещё он может быть?"

Он больше не мог усидеть на месте. Вскочив на ноги, он попытался не закричать, указывая на очевидное. "Он же изобрёл эту чёртову штуку, не так ли? Значит, он может её починить!"

Эл нахмурился. "Он не в такой уж хорошей форме, Сэм. Некоторые люди не очень хорошо реагируют на перемещение..."

"Что ж, значит растормошите его! Успокойте его! Дайте ему кофе, бренди, успокоительное — дайте ему хорошего пинка под зад, если понадобится! Просто заставьте его поработать над этим!"

"Возможно, есть другой способ. Ларкин запатентовал свою штуковину в 1989 году, проработав над ней четыре года."

Сэм знал этот тон. Таким тоном Эл говорил "я-только-что-сказал-что-то-чрезвычайно-важное", из чего предполагалось, что Сэм сам сделает выводы. Это заняло некоторое время, но Сэм, наконец, понял намёк и начал обыскивать палатку. Раскладушка, простыни, подушки; стол, коробка с кассетами; спортивная сумка с одеждой в углу; портфель под столом...

Он замер. К ножке стола сбоку от холодильника был прислонен потрёпанный кожаный портфель. Медленно, приглушённым голосом, который вибрировал в такт биению его сердца,

он сказал: "Эл...это похоже на то, как тогда, когда я вернулся на ферму...когда я снова увидел свою семью... Я помню этот скачок. Он был для меня. Как и этот. Эл, на этот раз он для меня..."

"Нет, Сэм." - серьёзно покачал головой Эл.

"Как ты можешь так говорить?" - возмутился он. - "Ты не можешь знать этого наверняка!"

"Я знаю это. Боже мой, никто не знает этого лучше меня!"

"Я не хочу об этом слышать." - отвернулся Сэм.

"И если ты не помнишь, я не собираюсь тебе говорить. Мы уже говорили об этом раньше, помнишь ты это или нет! Зигги говорит..."

"И не называй мне никаких чёртовых вероятностей от Зигги! Я знаю, зачем я здесь, Эл. Я знаю это!"

"Если я чему и научился с тех пор, как всё это началось," - продолжал Эл с ужасающей настойчивостью, - "Так это тому, что ни один скачок не может повлиять на нашу

собственную жизнь. Даже если мы этого хотим. Так просто это не работает."

Еще одно напоминание о том, что Эл знал то, чего не знал Сэм. Эл помнил все скачки. Все детали. Сэм сохранил в памяти лишь обрывки воспоминаний, вроде сувениров,

которые он не помнил, чтобы покупал в местах, которые не помнил, или места, которые посещал в отпуске, в котором не был уверен.

Всё, что у него было на самом

деле, - это его инстинкты. И прямо сейчас они все вопили в нём.

Он увидел, как его руки потянулись к портфелю, словно это был Святой Грааль. Что для него вполне могло бы так и быть.

"Я знаю это," - повторил он упрямо и испуганно. - "Даже если я не пойму его заметок, ты можешь передать их Зигги по ручному пульту. Она сможет поработать с ними, и,

возможно..."

"Ох, Сэм. Не делай этого."

"Возможно, я смогу вернуться домой."

[ГЛАВА 3]

Роджеру Фрэнксу не особенно нравились частицы, как в физике, так и в других областях. Он предпочитал более масштабные вещи.

Общую картину. На самом деле, чем больше и

грандиознее была эта картина, тем было лучше. Вот почему он был лордом Ранньюльфом для всех франков, а не только для жителей деревни в Нормандии, откуда он

действительно вёл свою родословную, что дало ему одну из немногих подлинных родословных в Лиге.

Счастливый, облачённый в кольчугу и ставший своим альтер-эго, он крепко сжимал свой символ победы. Это был всего лишь маленький круглый диск из кованого железа, но он

присоединился к остальным, которые Его Величество Король Стефан I (который был родом из племени чероки) непочтительно назвал этот предмет "поясом из скальпов". Этот

предмет, представляющий собой кожаную полоску, к которой ремешками крепились диски, был выставлен перед палаткой

Роджера. В обществах, подобных Средневековой Рыцарской

Лиге были другие правила и знаки отличия от знати, но Роджер предпочитал твёрдые на ощупь кружочки металла размером с ладонь. После каждого турнира он больше всего

гордился тем, что добавлял в свою коллекцию каждый новый сувенир, свидетельствующий о его мастерстве. В конце концов, этого хватило бы на герцогский титул, а через пару лет он получил бы право претендовать на королевский престол.

Теперь рядом с ним шла единственная женщина, которую он признал бы своей королевой.

Синтия выглядела идеальным воплощением средневековой девицы: скромно и элегантно одетая, белокурая, как солнечный луч, под своим платком, и очень красивая. Пока они прогуливались, он внутренне приободрился, зная, что все взгляды прикованы к ним и что они были настолько аутентичны, что могли сойти прямо с иллюстрированной рукописи

или витрины собора. С мечом на бедре и шлемом, небрежно болтающимся в пальцах, он являл собой воплощение благородного рыцаря, сопровождающего свою прекрасную даму с

турнирного поля. И она была его дамой, по крайней мере, до конца вечера. Её шарф, всё ещё повязанный вокруг его предплечья, свидетельствовал об этом. Лёгкий ветерок

играл шёлком, и клочок неуместной женственности зацепился за грозную кольчугу.

"Вам сегодня повезло," - заметила Синтия. - "Обычно с сэром Персивалем не так-то просто сражаться."

"Я думаю, он не в форме." - пожал плечами Роджер, понимая, что она права. Впрочем, объяснение того, что Фил дрался хуже, чем с американцами, сейчас не было его главной

заботой. "Миледи, могу я набраться смелости и зайти к вам в палатку позже? После того, как я смою эту грязь, конечно."

"Лорд Раннульф!". Она хлопнула длинными ресницами, игриво и саркастично одновременно. Ему понравилось первое, но хотелось бы, чтобы оно не сопровождалось

вторым. Настоящая средневековая леди не была бы такой...бесцеремонной.

"Милорд, вы прекрасно знаете, что сказала королева Элинор прошлой весной, когда все рыцари отправились купаться нагишом в ручье!" Она произнесла слово "ручей" с

акцентом, тем самым выдавая своё Вайомингское происхождение: эта девушка была из маленького городка в Стране Большого Неба, получившая степень по английской литературе

в Оберлинском колледже и добившаяся должности старшего редактора в нью-йоркском издательском мире. Небольшая манерность речи разрушила средневековую

иллюзию; Роджер решительно выбросил её из головы.

"Я по-прежнему считаю, что аренда переносных душевых - пустая трата средств Лиги," - проворчал он. - "В этом парке есть отличный ручей, в котором можно искупаться. И

это более аутентично. Тазобедренные ванны ещё были бы приемлемы, но эти душевые..."

"Так я и не говорила, что наша милостивая государыня заботится только о себе," - лукаво продолжала Синтия: "На самом деле, я думаю, она была очень расстроена, когда

мимо проходил местный отряд медвежат Смоки и испортил ей вид." (Медведь Смоки — талисман лесной службы США (англ. United

States Forest Service), созданный для того, чтобы просветить общество об опасности лесных пожаров. прим.пер)

Настоящая средневековая леди определённо воздержалась бы от таких двусмысленных комментариев. Роджер едва не покраснел и, чтобы скрыть это, запустил пальцы в свои взмокшие от пота волосы. Он любил хорошо потренироваться на турнирах, но июльское солнце превратило его доспехи в раскалённую печь.

Синтия скривилась, когда он поднял руку. - "Ваша светлость, от вас воняет. Проглотите свои возражения и идите в душ. Вы можете зайти в мою палатку, только если будете чистыми и только если принесёте с собой знаменитую рукопись."

Это было то, на что он рассчитывал, но теперь, когда она заглотила наживку, ему, как ни странно, не захотелось забрасывать удочку.

"Ну...её ещё никто не читал. Я хотел бы услышать первую реакцию от кого-нибудь, кроме важного редактора."

"Насчёт редактора - согласна. А над "важностью" я ещё работаю."

Она подмигнула ему, её изящные, как птичий пух, ресницы опустились на лазурно-голубые глаза...Его литературное чутье подсказало ему это описание и он сохранил его для дальнейшего использования. Синтия Маллой была поистине вдохновляющей личностью.

"Да ладно вам," - уговаривала она. "Вы уже несколько месяцев намекаете на это! Если вы серьёзно намереваетесь опубликоваться, то вам действительно нужно, чтобы этим занялся профессионал."

Но он всё равно сомневался. "Я даже не уверен, что все запятые расставлены в нужных местах."

Её вздох был чудом терпимости. "Я обещаю, что не верну тебе рукопись, истекающую красными чернилами."

"Ну..."

"Что "Ну"?" - поторопила она.

"Если вы действительно так считаете..."

"Я действительно так считаю." - когда она рассмеялась, то звук был таким же сладко-мелодичным, как пение её колокольчиков, доносимое ветром, которое он мысленно сочинил, - она снова стала леди Синдарией, и он был очарован. "Ну же, господин Раннульф, это робкое колебание вам не к лицу! Смелее!"

Он поклонился так же экстравагантно, как королеве Франции. Синтия в ответ сделала реверанс, её платок изящно затрепетал на летнем ветерке, и он окончательно перенёсся в Средневековье. Его душа наполнилась радостью.

"С вашего позволения, благородная леди," - нараспев произнёс Роджер, выговаривая слова с лёгким французским акцентом, который он иногда использовал. - "Я буду повиноваться каждому вашему слову без колебаний."

"Вперёд, милорд! Вперёд!"

Она снова разрушила иллюзию, подтолкнув его. Но он не возражал. Когда она направилась к своему шатру, могущественный лорд франков Раннульф с трудом сдержал возглас неподдельного ликования.

В портфеле Филипа Ларкина были свежие номера десяти различных технических журналов, счета за телефонные звонки, компьютерные брошюры, фотокопия статьи о битве при Креси, тщательно разработанная поддельная генеалогия сэра Персиваля или Йорка, ярко раскрашенный герб того же рода и тому подобный бесполезный и разочаровывающий мусор.

"Я был уверен, что ты вспомнишь имя Филипа Ларкина," - говорил Эл. - "Но ты ведь не знаешь, кто такой Роджер, не так ли?"
Исписанный лист с заметками оказался списком покупок. Сэм зарычал и продолжил поиски. - "Держу пари, что ты собираешься мне это рассказать."

"Роджер Фрэнкс написал самый расистский, самый сексуальный, самый сочный, самый пикантный и самый дрянной бестселлер 1989 года. "Рыцари Утренней звезды" — это "рыцарь на букву Р". Разошёлся миллионным тиражом. А фильм оказался настолько горячим, что им пришлось выдавать огнетушители вместе с билетами."

Сэм фыркнул. - "Роджер похож на человека, который не способен даже написать письмо. Кроме того, зачем исследователю в области физики элементарных частиц — ха — писать "лиф-потрошитель"? ("лиф-потрошитель" от англ bodice ripper - На североамериканском издательском и книжно-торговом жаргоне обозначает

приключенческий и любовный роман, действие которого происходит в историческом прошлом, в котором сексуальное насилие изображено в романтизированной форме. Романы

"Лиф-потрошитель" рассказывают с точки зрения главной героини историю молодой женщины, которую характеризуют как чрезвычайно привлекательную, но непослушную и

"неукротимую", и немного более старшего, дерзкого и похожего на злодея мужчины, которые находят великую любовь в ходе сюжета, преодолевая конфликты и недопонимания. прим.пер)

"Откуда мне знать? И это не просто "лиф-потрошитель". Я имею в виду, что это не только увлекательная штука, но и научная.

Рецензенты отметили, что всё было тщательно исследовано, и, прочитав книгу Роджера, можно получить довольно хорошее представление о крестовых походах и жизни в средневековой Франции."

"Средневековье," - криво усмехнулся Сэм. - "Также известное как "тысяча лет без единой ванны". (Сэм имеет ввиду выражение Жюль Мишле — французского историка и публициста, представителя романтической историографии. Он сформулировал утверждение "Средневековье — это 1000 лет без единой ванны", что стало основанием для мифа о полном отсутствии гигиены в Средневековье. прим.пер)

"Они, наверное, были намного чище, чем ты сейчас. Боже, как я рад, что ты для меня голограмма. От тебя, должно быть, пахнет конюшней."

Сэм принялся, чтобы проверить. Эл был прав. А в пятнадцатом веке вообще принимали душ? Ну, это был палаточный лагерь в государственном парке, где-то же должны были быть душевые. И мысль о том, что галлоны горячей воды будут литься на его ноющие плечи, была настоящим блаженством.

"Роджер также заработал кучу денег и женился на своей редакторше."

Ну вот, опять этот тон. Сэм решил не обращать на внимания на этот тон, и на Эла и предпочёл сосредоточиться на портфеле.

"Его редакторшей была некая голубоглазая блондинка."

"Угу."

"Которая также состояла в Средневековой Рыцарской Лиге."

"Ммм-хмм."

"Он женился на Синтии, болван!"

Сэм пролистал информационный бюллетень Лиги. "Я надеюсь, они очень счастливы."

"Она развелась с ним после смерти Филипа."

Это привлекло внимание Сэма. "А?"

Снова оказавшись в центре внимания, как ему и полагалось по праву, Эл роскошно затянулся сигарой, прежде чем продолжить. -

"Когда она вышла замуж за Роджера, Филип

погрузился в свои исследования. Ты же знаешь этот тип — сплошная работа, никакого веселья — звучит знакомо же?"

"Нет." - демонстративно ответил Сэм.

"Ха!"

После некоторого раздумья Сэм спросил: "Как умер Филип?"

"Ну, после того, как он покинул Лигу, у него появилось другое хобби. Он начал пить. В октябре 89-го, на следующий день после того, как он зарегистрировал патент на

Конденсатор, он пошёл в бар, напился и в итоге получил телефонный столб в качестве украшения на капот."

Сэм прикусил губу. "Синтия винила себя?"

"Должно быть. У меня есть подозрение, что Роджер тоже винил себя. Больше он не написал ни строчки". После краткой консультации с ручным пультом он добавил: "Он жил на свои гонорары и продажи фильмов до 94-го года, когда неразбериха со сбережениями и ссудами разорила его. Прямо сейчас он занимается обработкой данных в Каламазу". Эл содрогнулся. — "Боже, я бы предпочёл быть в..."

"В Филадельфии!" - подсказал Сэм, недоумевающая, откуда взялась эта сноска.

Для разнообразия Эл был полезным, хотя и саркастичным. "Спасибо, У.К. Филдс." (Уильям Клод Филдс - Американский комик, актёр, фокусник и писатель. прим.пер)

Пока он сортировал бумаги, Сэму не терпелось воспользоваться этим преимуществом и он спросил: "Насколько я понимаю, Каламазу - один из немногих городов, в которых у тебя нет девушки?"

Эл мученически вздохнул. - "Почему ты всегда забываешь обо всём, кроме того, что нужно для того, чтобы отпустить пошлые шутки?"

Самодовольно улыбнувшись, Сэм отложил в сторону ещё одну стопку журналов и продолжил поиски.

"Зигги уверена, что ты здесь для того, чтобы отбить Синтию у Роджера. Судя по тому, что я видел на турнире, она в любом случае склоняется в сторону Филипа. Он просто слишком занудный, чтобы что-то предпринять. Так что всё, что тебе нужно делать, это ухаживать за ней, пока она не поймёт, что к чему, и..."

"И пока найди записи Филипа о Конденсаторе."

Эл приподнял брови, затем глубоко нахмурился. Он ничего не сказал. В этом не было необходимости.

"Я могу сделать и то, и другое, чёрт возьми! Это шанс, Эл! Я могу порыться в его вещах, обыскать его офис и квартиру, если понадобится..."

"А как же Синтия?"

"Я просто не буду торопить события," - сказал он, увиливая от ответа, - "И не скажу ей о своих чувствах, пока не найду то, что ищу."

"Ты же знаешь, что это не сработает."

"Перестань так говорить."

"А что, если что-то произойдёт, что ускорит темп? И так и будет, Сэм. Так всегда бывает."

Сэм закрыл глаза. Через мгновение он спросил: "Если я сведу их вместе и они поженятся, Филип будет жить, верно?"

"Зигги говорит, что это стопроцентная вероятность."

"А что насчёт Роджера?"

"Что насчёт Роджера?"

Снова взглянув на своего партнёра, Сэм спросил: "Он ещё пишет книги? Смерть Филипа и развод, должно быть, сильно ударили по нему."

"О, ты имеешь ввиду творческий кризис из-за чувства вины? Хм. Шансов нет, но я бы сказал, что, скорее всего, он написал бы больше книг, если бы с Филипом ничего не случилось."

Сэм сделал глубокий вдох, чтобы успокоиться. - "А что насчёт Конденсатора?"

"Ну, ты должен признать, что медовый месяц с Синтией был бы отвлекающим..." - Эл замолчал. - "Мне не нравится то, о чём ты думаешь, Сэм."

"Ты понятия не имеешь, о чём я думаю."

"В самом деле?"

"Точно."

"Тогда посмотри мне в глаза."

Сэму это дорого обошлось, но он справился.

"А теперь," - приказал Эл, - "Скажи мне, что ты не думаешь о том, что если Филип не погрузится с головой в свои исследования, а вместо этого будет жить долго и счастливо с Синтией, то Конденсатор не будет изобретён для нашего использования на Проекте "Квантовый Скачок"."

"Это не то, о чём я думал."

"Сэм, когда ты наконец поймёшь, что ты не можешь мне врать?"

Ситуация становилась слишком рискованной. Ему нужно было как-то отвлечься, а поскольку его обезвоженные внутренности нуждались в питье, Сэм вытащил из-под стола ящик

со льдом. Газировка, пиво (он тут же открыл одно и сделал большой глоток), сыр, шоколадные батончики, салями — и огромный конверт, завёрнутый в полиэтилен. Он тупо

установился на него, затем отставил банку с пивом в сторону и поднял свёрток со льда. Из пластика, плотной бумаги и скотча вышло около 800 страниц размером 8 1/2 на 11

дюймов.

"Что это?"

"Похоже на отчёт". Он пролистал громоздкую стопку страниц, слишком взволнованный, чтобы вчитываться в машинопись.

"Возможно, это теоретический трактат, но там нет никаких диаграмм."

"Филип не оставил никаких записей. В этом всегда была проблема. Это сводило тебя с ума, пока я не собрал деньги на покупку второго Конденсатора. Ты разобрал его, чтобы посмотреть, как он работает. И оставил его в сотне кусочков на лабораторном столе, Тина сказала, напомнить тебе об этом."

Сэм уже больше не слушал. Наконец его взгляд остановился на примечательном абзаце. Он прочитал его вслух, с каждым словом поражаясь всё больше.

"Когда он впервые увидел её прекрасное лицо, её шелковистые, выгоревшие на солнце локоны, её губы, похожие на лепестки роз, её сияющие сапфировые глаза, он понял, что навеки поработён радостной, славной и могущественной леди Аликс де Куртенэ, ради которой он готов был перебить целые армии вероломных мавров и погибнуть если понадобится, её именем назовёт свой последний предсмертный вздох — Аликс, Аликс..."

Челюсть Эла уже давно отвисла на пол палатки.

"Это ужасно!" - воскликнул Сэм. "Это хуже, чем ужасно!"

Адмирал стряхнул с себя литературный ступор. - "Это уж точно не квантовая физика, чёрт возьми. Ты сказал, её "сияющие сапфировые глаза"?"

"Это рукопись," - сказал Сэм в полном недоумении. - "Рукопись книги. Паршивая рукопись!"

"Я и сам догадался, спасибо. Что я хочу знать, так это что значит "могущественной"?"

"Откуда, чёрт возьми, мне знать?" - Сэм швырнул страницы на стол, чувствуя себя совершенно преданным.

"Когда-то я познакомился с девушкой по имени Аликс...нет, дважды," — Эл отбросил приятные воспоминания, когда Сэм пристально посмотрел на него. - "Когда-нибудь тебе стоит заглянуть в массовую культуру. Благородная и - как бы там ни было - леди Аликс де Куртенэ - это главная героиня книги Роджера. Но что Филип делает с рукописью "Рыцарей Утренней звезды"?"

Сэм уставился на первую страницу, на которой были указаны название и автор.

"Я думаю, дело в том, что её на самом деле написал Филип."

[ГЛАВА 4]

Когда-то давно - не имело значения, в какое именно время, потому что Эл помнил это совершенно отчётливо, и это было важно - Тельма Беккет приехала в Нью-Мексико навестить своего младшего сына. В эти дни она жила в кондоминиуме (Кондоминиум (лат. *con* — «вместе» и *dominium* — «владение») — совместное владение, обладание единым объектом, чаще всего домом, но также и другим недвижимым имуществом. прим. пер) на Гавайях рядом с Кэти и её семьей; ферма в Индиане осталась далеко позади. Через несколько лет после смерти мужа Тельма продала землю родственникам Джона Беккета, так что она осталась в семье. Но сама она

так и не вернулась.

"Думаю, я могла бы продолжать жить там и дальше," - сказала она Элу за бокалом бренди. "Но дом и так был слишком большим, когда в нём жили только мы с Кэти, и он стал ещё больше, когда она уехала."

Эл понимающе кивнул, поняв намёк на необдуманный побег Кэти в возрасте семнадцати лет. Ни один из Беккетов не произносил имени Чака с сожалением, с момента развода.

"Конечно, я никогда не смогла бы вести хозяйство так долго, как раньше, если бы не Ральф и Сьюзи со своими мальчиками, которые приехали жить к нам на второе лето. Просто мне показалось правильным продать ферму им."

"Лучше уж им, чем той крупной корпорации, о которой мне рассказывал Сэм," - согласился Эл.

"Лучше бы, чтобы деньги не были для человека всем," - ответила Тельма Беккет. "Я думала, что научила этому Сэма, но все его письма полны описаний стоимости того и этого. Он вечно жалуется на прижимистые комитеты в Вашингтоне."

"Это же Проект, миссис Беккет. На самом деле, я не думаю, что Сэм знает, сколько стоит кварта молока."

"Ну, он бы и не стал этим интересоваться, ведь он вырос на молочной ферме." - улыбнулась она. - "А я, кажется, просила тебя называть меня по имени."

Он улыбнулся в ответ и отвесил ей учтивый поклон — немалое достижение, учитывая, что он сидел. "Формальности сохраняют достоинства и приличия, мэм."

Её глаза сверкнули. - "Элберт Калавичи! Я пью твой бренди и сижу в твоих апартаментах, сейчас уже за полночь, и по возрасту я почти гожусь тебе в матери, а ты говоришь о приличиях?"

"Тина очень ревнивая. Можно я налью вам ещё немного?"

Некоторое время они говорили о Гавайях и о том, как они отличаются от Индианы, и как сильно Нью-Мексико отличается от них обоих. И наконец они подошли к теме, которую оба намеревались обсудить с самого начала. Этой темой был Сэм.

"Зачем он это делает, Элберт? - тихо спросила она. — "Со всем тем, над чем он мог бы работать, при всех его знаниях и образовании - почему он хочет путешествовать во времени?"

"Потому что никто раньше никогда этого не делал". Он услышал, как это прозвучало, и поспешил добавить: "Не то чтобы Сэм был эгоцентричен и хотел сделать что-то, чего ещё никто не делал, просто чтобы его имя и работа были уникальными. Он просто...ему просто любопытно."

"Дело не только в этом, - решительно заявила она. - "Я знаю своего сына. Я родила его, вытирала ему нос, шлёпала по попке, и я знаю, как работает сердце этого

мальчика, даже если я не могу понять, что происходит с его мозгами," - она замолчала, и её губы тронула смущённая улыбка. - "Мы с Джоном так и не смогли понять, как у простых деревенских жителей вроде нас родился настоящий гений. Сэм должен был родиться в семье гениев или, по крайней мере, у кого-нибудь богатого, кто мог бы дать ему всё, что он должен был иметь..."

"Тельма, это именно то, в чём он не нуждался. То, что вы дали ему, то, как он вырос, - это было лучшее, что могло быть для него. Так и должно было быть."

Она слегка пожала плечами. Когда она заговорила снова, её голос смягчился. - "А как насчет прошлого, Элберт? Разве история не такова, какой она должна была быть? О, я знаю, почему Сэм это делает. Он хочет выяснить, что пошло не так. Но кто сказал, что всё пошло не так?"

Эл посмотрел в свой бокал. - "Сэм считает, что кое-что изменилось," - медленно ответил он. - "Я не уверен, что не согласен с ним. Я имею ввиду, ты смотришь на то, как некоторые люди попадают в неприятные ситуации в жизни, и это сводит тебя с ума. Не только отдельные люди, но и целые страны. Я думаю, Сэм хочет выяснить, почему история сложилась таким образом, чтобы она не повторилась снова. Старая поговорка о том, что те, кто не извлекает уроков из истории, обречены на её повторение."

"Обречены," - эхом повторила она.

"Он хочет знать, что скрывается за вопросами "Что, если бы". Например, что, если бы союзники разбомбили железные дороги, ведущие к концентрационным лагерям? Мы знаем, что погибло бы меньше евреев. Но почему этого не произошло? Сэм, конечно, не может выяснить это конкретно, потому что он сможет совершить скачок только в пределах своей собственной жизни."

"Это и есть теория?" - она снова улыбнулась, когда он слегка нахмурился в ответ на скептицизм в её голосе. - "О, я не сомневаюсь в формулах Сэма, Элберт. Мне просто интересно, учёл ли он все переменные."

Эл моргнул.

"Кто-нибудь из вас задумывался, что Бог мог бы подумать обо всех этих скачках во времени?" - она сделала паузу, скорчив гримасу.

"Боже милостивый, только послушайте меня — я смею называть Всемогущего Бога переменной величиной!"

Эл задумался. Эйнштейн как-то сказал, что Бог - не игрок в кости, но как вообще возможно включить понятие Божества в расчёты по квантовой физике?

"Ммм..." - замялся Эл, подыскивая ответ.

Но Тельма Беккет вернулась к первоначальной теме со всей прямоотой, которую она унаследовала от своего сына. "Значит, Сэма интересуют важные события. Например, если бы президент и миссис Кеннеди были в тот день в Далласе в пуленепробиваемой машине..." - она вздохнула и покачала головой. - Знаешь, что я думаю? Я думаю, Сэм изучил так много субатомных частиц, что забыл, из чего они состоят."

Эл озадаченно посмотрел на неё. - "Я не уверен, что понимаю, о чем вы."

"Конечно, нет," - она бросила на него взгляд, полный искреннего отчаяния. - "Ты такой же негодник, как и он. Сэм знает всё, что нужно знать, обо всех этих мелочах, о которых никто никогда не задумывается. И таковы большинство людей, Элберт, — миллионы из них не вовлечены в важные события. Они проживают свою жизнь в окружении только своих семей, и их имена появляются только в окружном регистрационном бюро в разделе "Рождения, браки и смерти"."

"И разводы," - добавил он, поморщившись; жена номер пять снова упиралась по поводу соглашения.

"Это уже другой разговор, и не думай, что я уйду отсюда, не поговорив с тобой как следует, Элберт Калавичи," — заявила она.

"Да, мэм," - кротко ответил он. - "Так что насчёт Сэма и субатомных частиц?"

"Ну и что же они делают? Насколько я понимаю, они объединяются и что-то создают."

"Как люди объединяются в общества?"

"Именно так." - она отставила свой пустой бокал в сторону и сложила руки на коленях с таким видом, словно объяснила всё в соответствии со своими собственными строгими требованиями.

Эл изо всех сил старался не отставать — его обычное ощущение в компании Беккетов. "Итак, вы хотите сказать, что историю творят не крупные события. А её творят люди, которые формируют общество, в котором происходят эти события."

Она слегка склонила голову набок, и Эл внезапно увидел девушку, которая, по словам Сэма, сбита с ног Джона Беккета, когда он впервые её увидел.

"Камень скатывается с холма, когда кто-то его толкает," - сказала она. "Но сначала и камень, и холм должны быть на месте."

Это был его первый намёк — за год до прорыва, который привёл к случайным скачкам Сэма — на то, что Время не фокусировалось на так называемом Великом. Незвестные, забытые, незамеченные и не отмеченные: они были тем самым материалом, из которого действительно складывалась история.

Тельма Беккет в своей прямолинейной манере высказала теорию о том, что в истории существуют неизменные и неизбежные тенденции. Что даже если Торквемада (Томас де Торквемада — основатель испанской инквизиции, первый великий инквизитор Испании. прим. пер) никогда не появлялся, кто-то вроде него всё равно появился бы и тысячи людей сгорели бы, независимо от того, кто бы ни сидел в кресле Великого Инквизитора. Если бы Юлий Цезарь умер при рождении,

кто-то вроде него всё равно бы занял место властителя; хотя Риму и недоставало бы его уникального военного таланта, он всё равно продолжал бы расширяться. Вариант той же теории можно применить и к индивидуальному гению. Что бы ни происходило в социально-политической сфере, Бетховен бы сочинял, а Микеланджело - ваял и рисовал (ну, может быть, не последнее, учитывая его отношение к Сикстинской Капелле), Эдисон бы изобретал, а "Битлз" так или иначе гремели бы вовсю. Чёрт возьми, посмотрите на Сэма Беккета: даже если бы никто никогда не придумал квантовую физику, он всё равно оставил бы какой-то след в мире. Истинный гений должен служить самому себе или сгореть дотла в своём собственном огне. Если воспользоваться метафорой Тельмы, он всегда прижимается плечом к той или иной скале или другому камню.

Дело в том, что на вершинах миллионов холмов были тысячи скал, и рано или поздно кто-нибудь даст им толчок. Поэтому было довольно безнадежно рассматривать возможность изменения истории — или изменения будущего на основе уроков, извлечённых из истории, — потому что, хотя тенденции были узнаваемы, они были просто слишком масштабными, чтобы ими можно было управлять. И хотя Эл прочитал и полюбил все до единого романы Айзека Азимова из серии "Основание", он не видел Сэма в роли Хари Селдона, (Гэри Сэлдон англ. Hari Seldon, другой вариант транскрипции — Хари Селдон) — вымышленный персонаж, герой серии научно-фантастических романов Айзека Азимова "Основание". прим.пер) изобретающего версию психоистории, чтобы предсказать эти тенденции и попытаться их контролировать или, по крайней мере, смягчить.

Так в чём же был смысл квантового скачка? Сэм был убеждён, что он был в том, чтобы учиться, выяснять причины прошлого, чтобы в подобных обстоятельствах можно было избежать подобных ошибок. После разговора с матерью Сэма, Эл уже не был в этом так уверена. И как только Сэм начал свои неконтролируемые скачки, он понял, что Тельма Беккет была права.

Вы не сможете изменить весь мир. Но вы можете изменить его к лучшему по частям, одну жизнь за раз. Передвинуть камень так, чтобы он не мог скатиться с этого конкретного холма.

Выравнивать холм было сложнее. Но иногда Сэму удавалось сделать даже это.

Однако на этот раз Эл видел надвигающуюся гору и явную вероятность схода лавины.

Когда Сэм был расстроен, он двигался. В помещении он расхаживал взад-вперёд. На улице он бегал. Это было так, как если бы вся негативная энергия его гнева, замешательства, страха, фрустрации или любого их сочетания стекала по его телу до самых пяток, а оттуда на ковёр, землю или бетон. Однако это заземляло энергию, давало ей возможность куда-то направиться, прежде чем она взорвётся, подумал Эл. Он колебался между двумя толкованиями привычки Сэма. Во-первых, что потому что его ум с запредельным ай-кью обычно был быстрее, чем его проблемы и поэтому Сэм решил, что его ноги должны быть такими же быстрыми. Во-вторых, что на самом деле он пытался затоптать свои проблемы в землю. Сегодня Сэм уверенной походкой на длинных ногах, шёл по территории лагеря. Эл не спускал с него глаз, настроившись на него и то появлялся, то исчезал, по мере того, как Сэм старался преодолеть расстояние между собой, разочаровывающим портфелем и этой дурацкой рукописью. Через некоторое время, когда Сэм наконец сбавил скорость, Эл оказался прямо перед ним на тропинке, ведущей через лес.

"Доктор Бикс говорит, что это распространено среди вас, тех, у кого большой мозг," - начал он, нарочито непринуждённо. "Вам нужен отдых, что-то совершенно не связанное с вашими исследованиями. Ричард Фейнманн стучал по барабанам бонго. Эйнштейн играл на скрипке."

"А Филип Ларкин писал дрянные романы. Плохие дрянные романы, если не сказать больше."

"Полагаю, что ты не помнишь о своём маленьком хобби."

Сэм остановился и настороженно посмотрел на него. "Я...я играю на пианино и гитаре...и немного пою..."

"Попался!" - спрятал усмешку Эл. - "Слово "хула" вызывает какие-нибудь воспоминания?" - спросил он, многозначительно попыхивая сигарой.

"Эл!"

"Тина всегда говорила, что ты выглядишь мило в саронге (Саронг (или сарунг, от индон. sarung) — традиционная мужская и женская одежда ряда народов Юго-Восточной Азии и Океании. прим. пер). Но не так мило, как я." - закончил он с самодовольным видом.

Это сработало. Сэм рассмеялся, и напряжение немного спало. - "На минуту я подумал, что ты собираешься сказать, что моё хобби это носить "юбку из травы и кокосовый бюстгальтер"."

"Ну, был тот раз, когда мы с Живчиком напоили тебя "Май Таем"... ("Май Тай" — алкогольный коктейль на основе рома. прим.пер)

"Хорошая попытка, Эл," - усмехнулся Сэм. - "Но у меня аллергия на ром."

Миссия выполнена. Вернёмся к делу. - "А как насчёт медовухи?"

Сэм выглядел озадаченным.

"Ты будешь пить её сегодня на банкете. Это забродивший мёд, - объяснил Эл. - "Бьётся, как лось на свободе. Считай, что это "Джек Дэниэлс" пятнадцатого века."

Сэм сделал сердитый, пренебрежительный жест. "Я не пойду на банкет."

Вот тебе и снятие напряжения. "Ты должен. Даже если у тебя здесь две задачи, то главной из них является то, как свести Филипа с Синтией."

"Чья это главная задача? Их, моя или Зигги?" - Сэм не стал дожидаться ответа. Длинные ноги в кожаных ботинках до колен быстро зашагали по тропинке.

Удар по ручному пульту перенёс Эла в пространство непосредственно перед Сэмом. Он был совершенно уверен, что его друг не станет просто так проходить сквозь него; голограмма это или нет, но свидетельство его глаз было нелегко игнорировать. Он был прав. Сэм остановился, и хотя это было лицо Филипа Ларкина, выражение на нём было упрямым, чисто Беккетовским.

"Всех," - сказал Эл в ответ на последний вопрос.

Сэм пнул ногой камешек, отлетевший от корня дерева. - "Это было так давно, Эл,"- пробормотал он. — "Время от времени я ощущаю лёгкий привкус надежды или дома...я знаю это, потому что вспоминаю разные вещи. Лица, чувства...не совсем то, что я сделал, или что—то ещё, кроме фрагментов того, что произошло, но ..." - ещё один камешек полетел в небо. "Я просто знаю, что мой дом всё ещё там, где люди, которых я люблю, даже если я не могу вспомнить их имена." Эл слышал кое-что из этого и раньше. Одиночество, обида, тоска по дому — и кто мог его винить? Так продолжалось более четырёх лет. Четыре года он был другим человеком, проживал частички их жизни, налаживал их жизнь — в то время как ему было отказано в том, чтобы жить своей собственной жизнью.

Но на этот раз в депрессии Сэма было что-то другое. Что-то более глубокое. "Шоковая терапия," - сказал себе Эл, мгновенно вздрогнув от этого термина. Самое худшее, что ему когда-либо приходилось испытывать, - это шоковая терапия в психиатрической лечебнице. В тот раз они чуть не потеряли Сэма.

"Сделай это, Сэм! Скажи им, или ты меня больше никогда не увидишь!" - вспомнил Эл слова, сказанные им тогда.

Он отбросил это воспоминание, а затем ухватился за него в поисках совета, как снова стукнуть своего лучшего друга по голове — да поможет ему в этом Бог.

"Похоже, ты чертовски жалеешь себя," - резко и жёстко сказал он.

"Дело не в этом." - моргнул Сэм.

"Звучит именно так."

"Это не так!" - запротестовал он. "Я просто пытаюсь понять, почему это происходит. Почему я перемещаюсь в ситуации, которые напрямую касаются моей жизни. Когда-то я думал, что это награда за хорошо выполненную работу."

"Может, так оно и есть, Сэм."

"Да, конечно."

Ещё один камешек отлетел от носка его ботинка и пролетел прямо сквозь коленную чашечку Эла. Это было сделано намеренно? Эл решил не придавать этому значения.

"Так к чему ты клонишь?" - с вызовом спросил он.

"К чему я клоню?" - Сэм стукнул кулаком по стволу дерева. "Клоню к тому, что я поумнел. Иногда я бываю медлителен, но я не дурак. Проблеск воспоминаний о доме - это морковка, которая заставляет бедного тупого осла двигаться вперёд."

Всё оказалось даже хуже, чем предполагал Эл. Горечь пропитала каждое слово. Шок не помогал, о преднамеренной терапевтической жестокости не могло быть и речи. Эл просто не мог этого делать, не мог, когда Сэм выглядел и говорил таким тоном.

"Что здесь происходит, Эл?" - продолжал Сэм, злясь с каждой минутой всё больше. "Может быть, именно сострадание приводит меня туда, где я, возможно, могу принести себе какую-то пользу? Или это просто случайность?". Его губы сложились в презрительную гримасу, и Эл готов был поспорить, что годовой бюджет Пентагона он никогда не увидит. "О, кстати, пока ты будешь налаживать жизнь того-то и того-то, то ты сможешь снова повидаться со своим отцом..."

"Ты помнишь те времена?" - тихо спросил Эл. - "Когда ты встречался с людьми, которых ты знал раньше?"

Плечи Сэма дёрнулись вверх и вниз, и он снова зашагал вперед. - "Немного помню," - сказал он, когда Эл поспешил его догнать. - Достаточно, чтобы продолжать идти. Продолжать надеяться. Вот почему это происходит. Просто..."

Он развернулся, подняв обе руки, словно пытаясь ухватиться за что-то, чего там не было, а затем беспомощно опустил их по бокам. "Я устал, Эл. Ты хоть представляешь, как я устал? Я хочу домой. И я начинаю думать, что кто-то или что-то, что управляет моими скачками, не отпустит меня домой. Никогда."

(Воздух вокруг замерцал не только от полуденной жары. Из центра хаотичной радуги материализовалась стройная, хищная, рыжая фигура. Из кармана своего малинового шёлкового костюма, в котором Эл узнал бы подделку от Ива Сен-Лорана (Yves Saint Laurent (YSL), также Saint Laurent – парижский дом высокой моды, основанный Ивом Сен-Лораном и его партнёром Пьером Берже в 1961 году. прим.пер) и который он бы с презрением отверг за отсутствие класса

маэстро, она извлекла маленький сложный
прямоугольник, который зазвенел и завертелся перед ней.)

"Ты просто устал, Сэм, как ты и сказал. Всё образуется."

"Образуются ли? Когда?"

(Рыжеволосая удивлённо огляделась по сторонам, а затем, заметив Сэма Беккета, поджала губы и одобрительно присвистнула.

"Ничего себе! Да это же тот самый
красавчик! Лотос! Мы сорвали джекпот!")

Эл попытался снова: "Квантовый Скачок - это же твоя мечта, Сэм. Это же как сон. Ты в центре событий, живёшь этим — а скольким
людям удаётся воплотить свои мечты в
жизнь?"

"А когда я проснусь?" - возразил Сэм. - "Когда же я смогу выбраться из своей постели и увидеть своё отражение в зеркале? Боже
мой, Эл, я почти забыл, как я
выгляжу!"

(Женщина неторопливо подошла ближе, осматривая его. "Мммм...1,85" плюс—минус метр, около 80 килограммов, волосы уложены с
безупречным вкусом - но когда же ты успел
подстричься, сладкие щёчки?". Она обошла Сэма кругом, двигаясь между молодыми деревцами, как будто их не существовало, и с
вождедением разглядывала его. — "Должна
сказать, с тех пор, как мы виделись в последний раз, ты стал лучше одеваться - или, вернее, не виделись, к сожалению. Алии очень
повезло. Я одобряю рубашку поэта. И я
когда-нибудь упоминала, как чёрные кожаные ботинки влияют на моё кровяное давление?")

"А что, если я всё-таки вернусь домой?" - спросил Сэм. "Что будет дальше? Должен ли я буду отправить кого-нибудь другого в
Ускоритель? Я не могу этого сделать. И не
буду. Я знаю, каково это, я знаю, какие искушения сопровождают каждый скачок..."

"Ты не позволишь никому другому делать эту работу, потому что считаешь, что ты единственный человек, который может делать её
правильно?" - Эл почувствовал, как мышцы
его лица напряглись. - "По-моему, это чертовски самонадеянно."

("Разговариваешь по душам со своим голографическим приятелем?" - спросила женщина Сэма. "Жаль, что я не могу услышать его
версию событий. Но ты меня просто
завораживаешь. Продолжай, дорогой мальчик, продолжай.")

"Кто сказал, что у меня всё получается? Кто вообще может сказать: "я всё сделал правильно, и исправил всё, что когда-то пошло не
так?"

("Мы делаем всё, что в наших силах," - вкрадчиво пробормотала она. "Хотя, полагаю, ты бы не назвал это "исправлением". Это всё
вопрос семантики.")

"Даже если бы это было правдой," - возразил Эл, - "Неужели ты не веришь, что, если бы всё было достаточно плохо, ты бы прыгнул обратно и..."

"Я только что избавился от слепой веры, Эл. Я доверяю себе, и я доверяю тебе, вот и всё."

"Я должен чувствовать себя польщённым?" - Эл швырнул сигару на пол Голографической Камеры и растоптал её. Как только сигара покинула его руку, Сэм перестал её

видеть. Эл со злостью вонзил каблук в раздавленный табак. Это была настоящая "Гавана", которая стоила десять баксов за штуку, и он был так зол, что испортил её

половину, и во всём был виноват Сэм. Элу хотелось схватить его за плечи и встряхнуть и он пожалел, что не может сделать этого.

"Допустим, ты вернулся домой," - проскрежетал он. "И ты больше никому не позволяешь входить в Ускоритель. И что ты собираешься делать дальше? А? Отправишься в

отпуск? Проведёшь месяц на пляже Мауи? Съездишь ещё раз в Париж..." — он прикусил язык; он собирался сказать это Донне, и она бы с него за это спустила шкуру.

"Я не знаю!" - воскликнул Сэм. "Но было бы здорово хотя-бы иметь такую возможность для разнообразия! Сколько времени прошло с тех пор, как у меня был выбор, куда идти

и что делать? Я устал от этого!"

("О, бедный малыш!" - проворковала женщина.)

"Так что же произойдёт, когда ты вернёшься из своего небольшого путешествия?" - настаивал Эл. - "Ты снова войдёшь в Ускоритель и начнёшь всё сначала? Или закроешь весь Проект?"

Как и рассчитывал Эл, Сэм отступил. На его лице было достаточно тяжело видеть замешательство и боль, даже если они проявлялись в чертах лица другого человека, но они были предпочтительнее отчаяния.

"Я...я не знаю," - запинаясь, произнёс Сэм. - "Я не уверен, как бы я поступил. Но разве ты не понимаешь, что именно поэтому мне не позволяют это выяснить? Я никогда не

вернусь домой, Эл. Что бы я ни делал с Филипом, Синтией и Роджером и этой дурацкой книгой, что бы ни случилось или не случилось, всё это не имеет значения. Я могу

сделать всё, что должен, все исправить — и это не будет иметь значения. Я никогда не вернусь домой. Никогда!"

На этот раз он побежал сломя голову. Эл не последовал за ним. Он смотрел, как Сэм исчезает за деревьями на холме, потом пробормотал: "Зигги, перемести меня отсюда к

чёртовой матери."

(Женщина, смеясь, широко развела руками. "Бедный, дорогой мальчик! Ты тоскуешь по дому, не так ли? Возмущаешься своей ролью космического мастера на все руки? А я-то

думала, ты идеальный герой! Но, возможно, для тебя ещё есть надежда". Развернувшись на каблуке-шпильке, она ткнула пальцем в

устройство, которое держала в руке. "Не волнуйся, милый. Тетя Зоуи и кузина Алия сделают всё, чтобы всё стало лучше!")

[ГЛАВА 5]

Большую часть дня Сэм просидел на камне.

Он знал, что ему, вероятно, следовало бы быть с Синтией. Но возможность побыть одному было редким удовольствием, и, учитывая его настроение, он в любом случае не

слишком преуспел бы в роли влюбленного медиевиста. (Медиевист - историк, специалист по истории Средних веков. прим.пер)

Поэтому он сидел и думал, а через некоторое время перестал думать. Облака скользили над шепчущимися деревьями, летний

ветерок приносил сухие ароматы шалфея и сосен,

солнечный свет согревал его ноющие мышцы, и на этот раз разум оставил его в покое. Просто быть, не беспокоясь и ни к чему не стремясь, не планируя, не рассчитывая и

не задаваясь вопросами. Это было почти...почти...безмятежно.

В конце концов, он спустился с холма в палаточный лагерь. После турнира, пробежки и пыльного холма ему уже не просто нужен был душ; ему требовалась автомойка.

В спортивной сумке Филипа Ларкина лежал белый махровый халат и жёлтые резиновые стринги. Вооружившись всем этим и набором туалетных принадлежностей для бритья, Сэм

встал в очередь, ведущую к десяти зелёным пластиковым кабинкам, поразительно похожим на переносные туалеты.

Его мечте не суждено было сбыться: не осталось горячей воды. Раньше в начале дня это не было бы проблемой, но июльская жара спала к тому времени, когда Сэм занял свою

очередь в одном из боксов; когда он вышел, солнце уже зашло, а ветерок всё ещё дул. Он, дрожа, направился обратно в палатку, убеждая себя, что холод - хорошая терапия

для ноющих мышц.

В спортивной сумке также была "обычная" одежда Филипа (включая, разумеется, карманный протектор) для поездки обратно в Нью-Йорк, а также безумно романтический костюм

для сегодняшнего вечернего банкета. Поморщившись, Сэм послушно надел белую льняную рубашку, тунику без рукавов из гобеленовой ткани различных оттенков бордового и

зелёного цвета и чёрный кожаный пояс с кинжалом в ножнах. Он обратил внимание на чулки и бархатные тапочки, которые оба были ярко-жёлтого оттенка, который Эл называл

бы "лимонным", а Сэм - "зловещим". Коричневые брюки и чёрные ботинки - этого пожалуй, хватит и на вторую половину дня. Он в

последний раз провел расчёской по влажным волосам и снял нагар с фонаря Коулмана.

Приготовившись к очередной битве с Роджером/Раннульфом, он последовал за толпой к месту для пикника.

В двадцатом веке это место могло бы стать местом для пикника, но некий великодушный волшебник превратил его в средневековый банкетный зал под открытым небом, вмещавший

почти двести человек. Сэм остановился под деревом, на его лице медленно расплылась улыбка, и впервые он почувствовал, что же такое очаровательное находила

Средневековая рыцарская лига.

"Зал" был построен из старых дубов и каштанов, образуя лиственный навес над тридцатью столиками для пикника, расположенными в форме подковы. На ветвях и между

деревьями были развешаны нити рождественских ёлочных гирлянд. Столы, задрапированные скатертями тёмно-фиолетового цвета, светились стеклянными свечами, расположенными

среди плетеных цветов и виноградных лоз. Кружки, кубки и пивные кружки из нержавеющей стали сияли серебристо-светлым блеском, подмигивая драгоценными камнями. Сэм с

улыбкой подумал, что совершенно неважно, что драгоценности были сделаны из пластика, или что тарелки были бумажными, а ножи и ложки - пластмассовыми. Эти люди — эти

мечтатели — с их платьями с глубоким вырезом, сверкающими ожерельями и бархатными камзолами, с их изысканными манерами, верой в честь, ручные поделки и старое доброе

веселье - они были по-своему такими же путешественниками во времени, как и сам Сэм.

Конечно, они получали больше удовольствия. И их энтузиазм был заразителен. Паж указал Сэму — сэру Персивалю — на место чуть ниже Главного стола, за которым сидели

король и королева со своей знатью. Он был недостаточно возвышен, чтобы присоединиться к ним, но и не был посажен ниже соли. Это они восприняли очень буквально: люди,

сидевшие в нижнем конце подковы, регулярно посылали кого-нибудь наверх, чтобы попросить несколько щепоток соли у привилегированных.

Через неравные промежутки времени глашатай выкрикивал имя или имена, и артисты входили в углубление подковы. Среди тех, кто сопровождал обедающих были жонглёры, мимы,

танцоры, трубадуры, игравшие на чём угодно - от лютен до цимбал, и один эпический поэт-декламатор (поразительно похожий на Фальстафа в представлении Сэма (Фальстаф

(Sir John Falstaff) — комический персонаж ряда произведений Шекспира: "Виндзорские насмешницы", "Генрих IV, часть 1" и "Генрих IV, часть 2 прим.пер)). По жетонам,

которые раздавали разные вельможи, Сэм понял, что выступления приносили не только аплодисменты, но и очки.

Поглощая кусочки сочной говядины с жареным картофелем, Сэм начал расслабляться и получать удовольствие. Он беседовал с

достойным рыцарем средних лет, сидевшим слева от него, и с молодой леди, сидевшей справа, - в тот момент, когда она не уговаривала своего сына-подростка есть овощи. Он уже почти покончил с едой, когда напротив него сели две дамы с нагруженными тарелками и полными кубками. Высокая, кареглазая, в очках девушка была одета в алое с золотом платье, с остроконечным головным убором длиной пять футов из шифона. Её спутница, менее пышно одетая, но ещё более экзотичная из-за того, что она была корейской девушкой в средневековом французском платье, она расправила свои жемчужно-серые юбки и упрямо нахмурилась, глядя на свою подругу.

"Мел Гибсон, и это окончательно!"

"Да, точно, они могут назвать его "Безумный Макс и весёлые человечки". Они возьмут настоящего британца, может быть, Габриэля Бирна..."

"Салли," — с бесконечным терпением, - "Он ирландец."

"Как бы то ни было, он великолепен". Салли вытаскила кинжал из ножен на поясе и начала нарезать картофель. "Всё, что я знаю, это то, что мой друг, который получил работу в "Индастриал Лайт энд Мэдджик", встречается с женщиной, чей двоюродный брат работает на студии, которая разрабатывает сценарий. Съёмки фильма начнутся не раньше 90-го года или около того. Не волнуйся, Джен, у нас еще будет много времени поспорить о том, кому достанется главная роль."

"Мел Гибсон," - настаивала Джен.

"Габриэль Бирн. Или, может быть, Майкл Прейд, или..."

"Мел Гибсон!"

"Ммм...вообще-то, Кевин Костнер," - сказал Сэм.

"Что?" - воскликнули обе дамы.

"Фильм о Робин Гуде. У меня такое чувство, что..."

"Кевин Костнер?" - спросила Джен, широко раскрыв глаза. - "Кевин "Идеальная задница" Костнер?"

"Что ты слышал?" - спросила Салли. - "Ты кого-нибудь знаешь? Кто будет играть горничную Мэриан? А что насчёт шерифа?"

"Это всего лишь предположение," - извиняющимся тоном произнёс он.

"Кевин Костнер," - задумчиво произнесла Джен. "Мне это нравится."

"Но он же из Калифорнии!" - завопила Салли.

"Как и моя мать. И что с того?"

"Но...это всё равно что пригласить Майкла Джея Фокса на роль вампира Лестата!"

Поразмыслив как следует, Сэм решил, что будет благоразумнее не упоминать о том, кто будет играть Лестата. (вампира Лестата в фильме "Интервью с вампиром" сыграл Том

Круз. прим.пер)

Светловолосая официантка — в фартуке, босиком, с двумя огромными кувшинами вина — остановилась, проходя мимо. — "Привет, Фил, то есть, сэр Перси, я нашла статью о том парне из Массачусетского Технологического Института, который занимается квантовой физикой. Ну, ты помнишь, того, у которого была безумная теория о путешествиях во времени? Я занесу её к тебе в палатку завтра перед отъездом."

С полным ртом крепкой медовухи Сэм сумел кивнуть. В июле 1987 года ему не исполнилось и тридцати четырёх лет - рановато для статьи в национальном журнале. Вероятно, это была одна из тех историй о мальчике-гении, вундеркинде, Эйнштейне, выросшем на американской ферме, которые были популярны до Нобеля. И после Нобеля. Журналисты и СМИ сожрали бы его на обед с голландским соусом и бочонком белого зинфанделя, если бы он не сбежал в Нью-Мексико. Чтение статьи может вызвать у него некий нездоровый интерес. Но даже если бы он узнал о себе что-то, чего не помнил до 1987 года, что хорошего это ему бы дало? Он бы всё это забыл уже в следующем скачке.

Как раз в тот момент, когда он не хотел снова впасть в депрессию, к Главному столу подошел менестрель с мандолиной в руках. Экстравагантный поклон и приподнимание шляпы вызвали у Салли стон.

"О Боже! Только не "Зелёные рукава" опять!" ("Зелёные рукава" - английская народная песня прим. пер)

"Он не посмеет," - сердито бросил рыцарь средних лет слева от Сэма. - "Даже Ларри не посмел бы."

"Приготовьте беруши," - смиренно сказала Салли.

"Расслабься," - ответила Джен. - "Наша милостивая королева Элинор велит ему спеть "Лето пришло", и в этот момент король Стефан глухонемой крикнет "рогоносец" вместо "ку-ку", и Ларри будет опозорен. Снова."

Салли хихикнула всем своим круглым личиком в очках. - "Он всё ещё спит с Шарлин?"

"Он думает, что сможет заставить Синтию ревновать. Как будто она вообще смотрит на кого-то, кроме..."

"Тсс!"

Сэм, вспомнив одновременно с двумя дамами, что он, как предполагалось, был объектом интереса Синтии, не отрывал глаз от своей тарелки.

Кстати, о Синтии, а где же она была? В этом великолепии высоких остроконечных головных уборов её было невозможно узнать.

Более того — без тени сомнения — быстрый

взгляд по сторонам убедил его, что Роджера здесь нет. Выбравшись из-за стола для пикника, он пробормотал какое-то извинение, на которое никто не обратил внимания, и покинул банкет.

Роджер, одетый в великолепный оранжевый бархат и с большим кельтским крестом на кулоне, щёлкнул пальцем по витражному колокольчику. Мгновение спустя Синтия открыла створку палатки и улыбнулась.

"Отлично, милорд! Разве не чудесно сегодня на улице?"

Он уставился на неё. Она выглядела восхитительно в голубом платье, расшитом белыми розами. Вместо платка её светлые волосы были распущены по плечам, а на лбу и щеках красовалась серебряная сетчатая шапочка, с которой стекали хрустальные бусины.

"Так это и есть Великий Средневековый Роман!"

Оторванный от своих фантазий (и предательски считавший, что она была идеальной, пока не открыла рот), он опустил взгляд на толстый конверт из плотной манильской бумаги у себя под мышкой. — "Э-э, да, наверное."

"Что ж, пусть будет так."

Беспомощный, он протянул его ей. Она для пробы взвесила его на руке.

"Боже милостивый, он, должно быть, весит фунтов пятнадцать!"

"Это плохо?" - спросил он с опаской. - "Вам придётся его сильно урезать?"

Она скорчила ему гримасу. "Невыносимо видеть, как из вашей бессмертной прозы вырезают хоть одно слово? Все вы, начинающие авторы, одинаковы."

У него хватило изящества покраснеть. "Вы уверены, что хотите на это взглянуть? Это довольно грубо, даже для черного варианта."

"Вот почему, мой дорогой лорд Раннульф, Господь создал трудолюбивых и малооплачиваемых блестящих редакторов". Она распечатала конверт. "Где же Филип? Он исчез сразу после турнира."

Роджер пожал плечами. - "Наверное, дуется в своей палатке. Сегодня утром я обошел его охрану, и ему это не нравится." - когда она скептически посмотрела на него, он

нетерпеливо добавил: - "Он это переживёт. Я знаю его уже много лет. Он всегда такой, когда проигрывает в поединке."

"Как скажете."

Но она всё ещё сомневалась, и ему пришлось стиснуть зубы, чтобы не закричать - Забудь о Филипе! А как же книга? Проявив выдержку, которой позавидовал бы герой его

книги, он спросил. "Вы можете сразу сказать, можно ли её опубликовать?"

"Я могу сказать, что это то, что я могу превратить в нечто пригодное для публикации". Она усмехнулась. "Перо не просто сильнее

меча, Роджер — в руках редактора оно становится бесконечно более безжалостным."

У него вырвался нервный смешок. - "Это угроза или предупреждение?"

Синтия подмигнула ему и направилась обратно в палатку.

"Вы собираетесь прочитать это сейчас? Я имею ввиду, банкет начался, и я подумал, что мы могли бы посидеть вместе и всё такое..."

"Я просто хочу быстро взглянуть. Внутри лучше освещено. Потом нам будет о чём поговорить за сальным пудингом."

"О Боже,"- простонал он. "Тим и Ханна снова стали снова стали зрителями Королевского буфета, не так ли? Кто вообще сказал этой женщине, что она умеет готовить?"

"Конечно, Тим. У него нет выбора — он женат на ней! Ну? Разве вы не собираетесь зайти?"

В любое другое время он бы сразу согласился. - "Я, пожалуй, подожду здесь."

Синтия насмешливо покачала головой. Свет от фонаря заиграл мягкими радугами на хрустальных бусинах. - "Бич турнирного поля, и не может смотреть, как леди читает

книгу! Почему бы вам не пойти и не найти Филипа? Мне не нравится, когда вы двое ссоритесь". Она исчезла в голубой палатке.

"Опять Филип," — со вздохом подумал Роджер, - "Но она хотя бы собирается прочитать часть книги". Судьба Роджера теперь была в её руках, в буквальном смысле этого слова,

если быть точным. Что бы сказал его герой, граф де Сент-Жуньен, что бы он делал, пока ждал решения леди Аликс? Не то чтобы он когда-либо позволял ей что-то решать,

потому что он был могущественным дворянином, а она всего лишь красивой, но обедневшей дочерью мелкого шевалье...

Роджер вспомнил Сент-Жуньена, мысленно нарисовал эту сцену и изобразил картину. Он прислонился к дереву, стараясь

изобразить беззаботную грацию. В глубине души он

подозревал, что добился лишь нелепого скрyтия. Но рядом не было никого, кто мог бы судить об этом так или иначе.

Сэм направился к палатке Синтии, что-то бормоча, жестикулируя и качая головой. Те немногие люди, с которыми он столкнулся, не показали никаких признаков того, что

такое поведение было необычным для Филипа Ларкина. Впрочем, Сэм бы этого не заметил.

"Синтия, я уверен, что ты не знаешь, но..."

Он поморщился. Нет, она не глупая. Кроме того, то, как она смотрела на него этим утром...Вздыхнув, он попытался снова.

"Синтия, я ничего не сказал, потому что... Ладно, почему? Не вдавайся в причины. Будь сэром Персивалем. Галантным, рыцарственным, храбрым, дерзким, — он приложил руку

к сердцу, как будто собирался произнести клятву верности, он провозгласил: "Синтия, моя милая! Я люблю тебя!"

"Нужно немного поработать, Сэм," - сказал Эл у него за спиной. - "Ты всегда можешь использовать фразу о её сияющих сапфировых глазах."

Сэм резко вздрогнул. Иногда Эл предупреждал его звуковым сигналом, открывая дверь Голографической Камеры неподалёку. В других случаях он пользовался нечестным технологическим преимуществом и появлялся в другом месте, а затем заставлял Зигги направлять его туда, где находился Сэм.

"Сколько раз я тебе говорил..."

"Не делай этого," - закончил за него Эл, - "Нитки красивые. Но тебе следовало бы надеть колготки к этому наряду, Сэм."

"Ни за что". По привычке он огляделся в поисках потенциальных подслушивающих. Никого не увидев, он продолжил. "Я прочитал большую часть книги, во всяком случае, всё,

что смог переварить. Аликс де Куртенэ, очевидно, должна была быть Синтией. Голубые глаза, светлые волосы — она даже делает ветряные колокольчики из стекла, оставшегося после строительства местного собора, пока её возлюбленный в крестовом походе."

"И что? Синтия действительно выглядит довольно мило в платье. Она идеально подходит для создания образа."

"Угадай, кто этот влюблённый."

Эл задумался. — Ты имеешь в виду...нет, не Филипа! Граф де Сент—Жуньен - здоровенный парень, весь такой мускулистый и самоуверенный..." - он замолчал. - Оу. Исполнение желаний."

Сэм кивнул. - "Знаешь, чего бы я хотел? Чтобы хоть раз я смог прыгнуть после того, как парень признается в своей вечной преданности. Почему никто не может этого

сказать? Три простых слова, по одному слогу в каждом. Неужели это так сложно?"

Эл шёл рядом с ним, философски размышляя. - "Трудно не сказать "я люблю тебя", а сказать это искренне. Если бы я понял это несколько лет назад, я бы сэкономил себе три — нет, четыре — суммы алиментов."

После минутного колебания Сэм отважился: "Могу я спросить тебя кое о чём по этому поводу?"

"Обо всём, что угодно, кроме суммы в долларах. Вспоминать об этом чаще, чем раз в месяц, вредно для моего кровяного давления."

"Не об алиментах. О женах. Почему ты женился на них всех?" - он бросил косой взгляд на своего друга. - "Не то, чтобы ты обязан отвечать."

"Потому что я последний из великих романтиков. Давай, смейся," - провозгласил он, покорно взмахнув сигарой. - "Но это правда. Я люблю свадьбы. Музыка, цветы, кружевные платья, шампанское..."

"Первую брачную ночь?" - предположил Сэм, ухмыляясь.

"И это тоже". В тёмных глазах заплясали озорство и воспоминания.

"Ты любишь свадьбы, но не очень-то любишь браки, не так ли?"

"В принципе, да."

Сэм подумал, не сказать ли ему, что он мог бы удовлетворить свою склонность к бракосочетаниям в любую субботу в году, посетив местные церкви. Но потом передумал. Эл, последний из полных надежд романтиков, каждый раз, когда его очередная бывшая жена шла к алтарю, верил, что на этот раз их роман продлится долго.

Сэму казалось, что непропорционально большое количество скачков — во всяком случае, то, что он мог о них вспомнить, — было связано с романтическими отношениями, включая нынешнее. Почему у людей так много проблем с любовью? Филип, например, мог обратиться к Синтии только через плохо написанный заменитель. Что напомнило ему кое о чём.

"Эл?"

"Да?"

"Книга действительно ужасна. Как кто-то мог опубликовать что-то настолько плохое?"

Эл пожал плечами. - "Я думаю, Синтия гораздо лучший редактор, чем Филип - писатель. Чёрт возьми, из половины романов, которые я читаю, я удивляюсь, почему издатель заплатил за них такие деньги."

Несколько шагов они молчали. Ещё через несколько шагов на лице Сэма появилось печальное выражение. "То, что я сказал ранее...насчёт дома..."

Эл облегчил ему задачу. "Никто не может винить тебя за такие чувства, малыш. Только не перегибай палку и не вини себя в том, что так получилось. Всё кончено. Забудь

об этом. Хочешь ещё раз повторить свой номер "Синтия, моя сладкая"? Ой, слишком поздно. А вот и Роджер."

Сэм заметил соперника Филипа, который подпирал дерево массивным плечом. Стиснув зубы и приготовившись завоевать прекрасную даму Филипа, Сэм двинулся вперёд. В этот момент из палатки вышла Синтия, и Роджер выпрямился, словно проглотил меч. Сэм скользнул в тень.

"Потрясена," - объявила Синтия. - "Я потрясена."

"О Боже!" - запаниковал Роджер. - "Я так и знал. Это плохо, даже хуже, чем просто плохо. Это ужасно. Ты ненавидишь это."

Синтия оценивающе посмотрела на него. "Ну, это немного шероховато. Над этим нужно много поработать. Я не совсем довольна началом третьей главы, и мотивация слабая, когда Сент-Жуньен говорит королю отправиться на прогулку."

"Эл!" - зашипел Сэм. - "Он показал ей книгу!"

"Без дураков, Шерлок."

"Но как он раздобыл копию?"

"Откуда мне знать? Заткнись и слушай."

"В целом," - продолжила Синтия, - "По моему профессиональному мнению..." - она вдруг улыбнулась ему, а затем рассмеялась. "Родж, это потенциальная бомба!"

"Вы хотите сказать..." - у могущественного лорда Раннульфа подкосились колени. - "Вы ш-ш-шутите?"

"Я никогда не шучу, когда речь заходит о поиске хорошей истории," - сурово ответила она. "Я целых два года копалась в мусорной куче, прежде чем нашла хоть одну наполовину читаемую рукопись. Вы знаете, сколько навоза мне всё ещё приходится разгребать, чтобы найти хотя бы одного паршивого старого пони? Это чистокровная лошадь в процессе становления, и у нас есть шанс завоевать Тройную корону!"

"Вы...Вы опубликуете мою книгу?"

"После того, как я отредактирую весь этот хлам, поверьте, мы опубликуем его. Но для этого нужно другое название. "Рыцари чести" не продадут и пяти экземпляров, даже с самой шикарной обложкой, которую мы сможем раздобыть". Она сделала паузу. - "Напомните мне узнать, не может ли этот парень, Фабио, позировать для графа. Он привлекателен и становится ещё привлекательнее. В любом случае, нам нужно название получше. Потому что, если вы относитесь к отношениям между графом и леди Аликс так, как я думаю..."

Роджер оправился от шока и воспользовался этой возможностью, чтобы подойти поближе. - "Что-нибудь сексуальное," - сказал он, наклоняясь ближе.

Эл подошёл к нему, чтобы понаблюдать за техникой.

"Но тонкое," - согласилась Синтия.

"Впечатляющее," - пробормотал Роджер.

"Но элегантное," - промурлыкала Синтия, взмахивая ресницами так же искусно, как Скарлетт О'Хара.

Эл пристально посмотрел на неё в вечернем полумраке. "Милая, ты действительно купилась на это?"

Роджер не был Реттом Батлером. "Украденные ночи в башне замка..."

"Лунный свет, падающий на ров..."

"Меня может стошнить," - объявил Эл.

Губы Роджера были всего в нескольких дюймах от губ Синтии, и он прошептал: "Менестрель, поющий любовную лирику с балкона..." Они поцеловались. Глаза Синтии расширились, как будто она не ожидала такой степени компетентности и не ожидала, что ей это так понравится. Она отступила на шаг и со слегка натянутым смешком добавила: "И вонь, поднимающаяся от навозных куч. Будьте реалистом, Родж. Мне нужно название, а не клише."

Роджер сдулся, как лопнувший воздушный шарик. Эл ликовал. Сэм усмехнулся про себя; может, она и выглядела изящной дамочкой, но Синтия Маллой была воплощением

двадцатого века, вплоть до синего карандаша редактора. Ему было почти жаль Роджера.

"Ну что?" - рявкнул Эл. - "Отправляйтесь туда и начинайте махать, сэр Перси! Подумайте о чести! Подумайте о рыцарстве! Подумайте о гонорарах за книги!"

"Подумай о том, чтобы обратиться с моего пути," - предложил Сэм.

Эл фыркнул и нажал на кнопку на ручном пульте. Открылся прямоугольник света, и мгновение спустя он исчез.

Выйдя из тени, Сэм сказал: "Как насчёт "Рыцари Утренней звезды"? Роджер, ты украл остальную часть моей книги, почему бы тебе не взять и моё название тоже?"

Синтия слегка охнула от удивления и, возможно, от чувства вины. - "Филип? Что?.."

"Продолжай, Роджер. Скажи ей, кто на самом деле написал то, что она только что прочла."

Роджер выпрямился во все свои шесть футов и четыре дюйма. - "Я это написал. И ты чертовски хорошо знаешь, что это написал я, Фил!"

Сэм угрожающе двинулся вперёд — что было чистейшим безумием, учитывая их с Роджером разницу. - "Скажи ей правду."

"Это и есть правда!" - стоял на своём Роджер.

Синтия была единственной, кто отступил на шаг, искренне обеспокоенная тем, что она увидела в глазах обоих мужчин. "Подождите минутку. Я не понимаю. Кто написал эту книгу?"

"Я," - ответили они одновременно, обмениваясь неприязненными взглядами и пытаясь перекричать друг друга.

"Аликс де Куртенэ — это просто имя, которое я использовал...Я не знал другого способа дать тебе понять, что я чувствую к..."

"Я надеялся, что вы прочтёте описание и узнаете себя как Аликс, и узнаете, как я отношусь к..."

Она засунула два пальца в рот и издала пронзительный, неподобающий леди свист. "Стойте на месте! Заткнитесь!"

Они последовали этому замечательному совету, сердито глядя друг на друга.

"Аликс это я? Вы вписали меня в книгу?"

"Да," - хором ответили они.

Синтия поморщилась. - "Мы пока оставим это на время, Роджер. Вы сказали, что больше никому это не показывали."

"Я этого не делал."

"Тогда откуда Филип знает имя героини?"

Не последовало ни минуты на размышление. - "Должно быть, он украл это из моей палатки и тайком прочитал. Он знал, что я это пишу..."

Сэм вмешался в разговор. "Он украл это из моей палатки. Если мы сейчас пойдём туда, то рукописи там не будет. Потому что её там уже нет, она здесь". В этих словах не

было никакого смысла даже для него, поэтому он начал сначала. - "Послушай, я знаю, это звучит неубедительно, но ты должна мне поверить, Синтия. Стал бы я придумывать

что-то подобное?"

"Это звучит невероятно неубедительно," - заявила она. "Я не знаю, кому верить. Что я знаю точно, так это то, что в моей палатке находится роман, который я могу превратить в настоящий блокбастер. Вопрос в том, кто написал эту чёртову книгу?"

Слегка повернувшись, чтобы Роджер не мог видеть её лица, она незаметно положила ладонь на руку Сэма. Он мгновенно прочитал по её глазам: это был почти тот же взгляд, которым она одарила его раньше, перед турниром, - она хотела получить от него какой-то знак, какое-то доказательство. Но Сэм был таким же косноязычным, как и утром. Он разлепил пересохшие губы, надеясь, что ему что-нибудь придёт в голову. Вместо этого с Синтией внезапно что-то случилось. Быстро, пугающе, искажённая крошечными искривляющимися импульсами света, она изменилась. И стала Алией.

[ГЛАВА 6]

Алия!

Это была именно Алия. Прикосновение Синтии было лёгким и умоляющим, а пальцы Алии буквально впились в мускулистую руку Сэма. Шапочка Синтии, украшенная серебром и хрусталём, венчала гриву золотистых волос; теперь она покоилась на пшеничной косичке Алии, длиной почти до подбородка.

Сапфировые глаза побледнели, скулы заострились, а усыпанное розами платье соскользнуло вниз, сделав фигуру выше и стройнее.

Сэм уставился на неё в безумном шоке.

Она улыбнулась, её полные губы изогнулись в бесхитростной невинности, а глаза сверкнули искусной злобой. Её шепот был сладким и дразнящим, рассчитанным только для слуха Сэма.

"Что ж, Сэм Беккет. Тебя нелегко найти."

Она убрала руку с его плеча и повернулась, уже без улыбки позволив Роджеру увидеть её лицо. Он, конечно, по-прежнему видел в ней только Синтию.

"Рукопись в вашей палатке принадлежит мне," - вызывающе заявил он. "Филип не написал ни строчки из этого."

Алия обратила серьёзный взгляд на Сэма, уголки её губ слегка дрогнули в молчаливой насмешке над его ошеломлённым видом. -

"Что мне теперь делать?"

Он услышал в этом вопросе столько смысла, что у него ещё сильнее сжалось горло.

"Либо её написал я, либо Фил," - заявил Роджер. "Всё зависит от того, кому вы верите, не так ли, Синтия?"

"Да," - сказала она, задумчиво кивая и искоса бросая долгий взгляд на Сэма. - "Это, безусловно, так."

Протрубил рог — "опять этот проклятый глашатай," - подумал Сэм, выходя из состояния, близкого к кататонии. Алия переводила взгляд с него на Роджера и обратно, и в её блестящих глазах промелькнула морщинка. Внезапно она приняла дикий, почти безумный вид, и Сэм понял, что должен что-то сделать, что-то сказать...

"Роджер," - выдавил он хриплым голосом, не имея ни малейшего представления о том, что может последовать дальше.

"Что?" - прорычал Роджер.

Сэм открыл было рот, но тут же закрыл его снова. И в самом деле, что? Это не Синтия! Она может быть выглядит как она, но это не она. Её зовут Алия, и она

путешественница во времени, я не знаю, откуда она и из какого времени, но она здесь, чтобы разрушить вашу жизнь, жизнь Филипа, или Синтии, или всех троих — и мою

тоже, потому что я на самом деле не Филип Ларкин — на самом деле, она может быть здесь чтобы убить меня...

Безнадёжно.

"Что?" - снова спросил Роджер и сделал угрожающий шаг вперёд: - "Это не турнирное поле, Фил, но здесь по-прежнему только мы с тобой. Давай сделаем это. Прямо здесь и прямо сейчас."

"Не будьте смешными!" - внезапно подхватила Алия обеими руками пышные юбки, направляясь на звук охотничьего рога. "Пойдемте со мной, вы оба!"

Они последовали за ней. Сэм решил, что его замешательство и замешательство Роджера были примерно одинаковыми. Но он был уверен, что уровень их страха был иным. Сэм

больше всего беспокоился о её уверенности в себе — и втайне завидовал ей. Первая часть скачка всегда была для него упражнением в неотложном замешательстве. Но Алия,

казалось, точно знала, кто такие остальные, что происходит и что именно она намерена с этим делать.

Она провела их по центру подковы, мимо группы акробатов, прямо к Главному столу. Она низко присела в королевском реверансе, когда Король Стеффан, с короной, слегка

съехавшей набок, поднял свой кубок и приветственно улыбнулся.

"Леди Синдария! Вас сопровождают два благородных рыцаря, ни много ни мало! Как поживаете этим вечером, лорд Раннульф, сэра Персиваль?"

Прежде чем Роджер успел сделать что-то большее, чем поклон, - а Сэм был неспособен даже на это, - заговорила Алия.

"Ваши Величества," - обратилась она к королеве, - "Прошу простить меня за несвоевременное вмешательство, но я убеждена, что этот вопрос можете решить только вы."

Король сделал знак глашатаю, и его громогласный вопль мгновенно утихомирил толпу. Акробаты бросили своё представление — но,

к счастью, не друг друга — и удалились.

"В чём дело, миледи?" - спросил король.

"Лорд Раннульф и сэра Персиваль оба претендуют на владение одним и тем же предметом. Поскольку нет никаких доказательств того, что это правда, я прошу вас проявить мудрость в решении проблемы."

"Что, чёрт возьми, она делает?" - прошипел Сэм Роджеру.

"Играет по правилам Лиги," - последовал полный восторга ответ. Роджер вживался в роль лорда Раннульфа с явным удовольствием. Он действительно наслаждался происходящим. Даже предвкушал это. Он не знал того, что было известно Сэму. У него не было причин бояться того, чего боялся Сэм.

"Леди Синдария," - произнесла королева Элинора, опуская пальцы до колец в чашу с водой и лепестками роз, а затем вытерла руки льняным полотенцем. - "Вы хотите, чтобы мы уладили этот вопрос чести?"

Алия смиренно склонила свою сияющую голову, пряча, как инстинктивно понял Сэм, самодовольную улыбку. Кристаллы нежно заиграли на её щеках и лбу. "Если ваше Величество будет так милостиво, пожалуйста."

Королева аккуратно сложила простыню. - "Как вам известно, в решении подобных вопросов есть прецедент. Лорд Раннульф и сэра Персиваль, я полагаю, тоже об этом знают."

"Прецедент?" - непонимающе переспросил Сэм.

"Достаточно," - вставил глашатай. — "Четыре года назад вопрос о самом коронавании решался между..."

"Мы все были там, Харви," - прервал его король.

"Оуайн," - поправила королева.

"Как скажешь," - сказал король. - "Итак, милорд? Сэр Персиваль?"

Алия незаметно отошла в сторону с видом превосходно выполненной задачи. Но ничего не произошло. Сэм был растерян больше, чем когда-либо.

"Я требую, чтобы сэра Персиваль публично извинился за свою клевету." - бросил вызов толпе Роджер.

Толпе это понравилось. Король Стеффан поднял руку, призывая к тишине. "Тишина! Мы услышим ответ сэра Персиваля!"

У Сэма закружилась голова. Дело чести - правила Лиги - публичные извинения - будь они прокляты! Он знал, кто написал "Рыцарей чего бы то ни было", как бы плохо это ни было. Филип потерял кредит на публикацию, Синтию и, в конечном счёте, свою жизнь, потому что у него не хватило смелости постоять за себя. Итак, Сэм теперь был в

образе Филипа - сэра Персиваля, и сэр Персиваль собирался поступить как подобает средневековому человеку. Что бы это ни было.

Лучше было начать с самого начала. "Я не буду извиняться! Мне не за что извиняться!"

"Ты лжешь, негодяй!" - взревел Роджер.

Его Величество был в восторге.

Но Её Величеству было не до веселья. "Этот конфликт огорчает нас, милорд, сэр Рыцарь. Конечно, может быть, можно найти мирное решение."

Роджер насмешливо посмотрел на Сэма. - "Только если он официально загладит вину, Ваше Величество. В противном случае..."

Справа от Роджера появился прямоугольник белого света, который мог видеть только Сэм, и из него появился силуэт человека.

Мгновение спустя свет исчез. Теперь был

отчётливо виден Эл, отчаянно нажимающий на кнопку на ручном пульте. "Я настроился на него, Живчик! Сэм! Боже, как я рад, что нашёл тебя! Не знаю, что происходит, но

мы потеряли тебя из виду на пару минут. Зигги вот-вот слетит с катушек. Я видел её такой всего один раз..."

Он заметил Алию.

"И это было именно тогда! Боже милостивый, Сэм, откуда, чёрт возьми, она взялась? Что она здесь делает? Как она тебя нашла?"

Не имея ни малейшего ответа ни на один из этих вопросов, Сэм бросил на него страдальческий, умоляющий взгляд.

"В противном случае..." - мрачно повторил Роджер.

"Ну же," - сказала королева. - "Должен же быть какой-то способ уладить это, не прибегая к насилию."

"Правила Ордена, касающиеся споров между рыцарями..." - начал глашатай, но пронзительный взгляд зелёных глаз Его Величества заставил его замолчать.

"Вызови его," - настаивал Эл.

"Что?"

Просьба Сэма о разъяснении была истолкована Роджером как приглашение рассказать о своих намерениях. Он так и сделал, широко улыбаясь.

"На дуэль!" - сказал Эл. - "Испытание боем! Брось ему вызов!"

"Ты с ума сошёл?" - потребовал Сэм ответа - от них обоих.

Ухмылка Роджера превратилась в оскал. - "Трус!"

Король Стеффан нахмурился. "Мне не нравится ваш тон, лорд Раннульф. Как и ваши намёки, сэр Персиваль. Её Величество права. Но хотя мы всегда надеемся, что сможем избежать разногласий между нашими благородными рыцарями, если это действительно единственный способ разрешить проблему..."

На этот раз Сэм позволил себе роскошь объединить два разговора в один — и его реакцией на каждый из них было полное недоумение. "Ты хочешь сказать, что я должен

ударить его перчаткой по лицу и бросить её на землю к его ногам?"

"Сэр Персиваль," - спросила королева, - "Таково ваше желание?"

Эл яростно замахал рукой, словно давая Сэму сигнал о переходе третьей базы на домашнюю площадку. (имеется ввиду игра в бейсбол. Переход с третьей базы на домашнюю

площадку в бейсболе происходит, когда все базы уже заняты. прим.пер) - "Дерзай, Перси!"

"Но на мне же нет перчаток, чёрт возьми!"

"Сэр рыцарь!" - воскликнул Оуайн, глашатай. - "Здесь королева и её фрейлины!"

"Э-э-э, простите." - Сэм для пущей убедительности отвесил лёгкий поклон. Её Величество кивнула с ледяным прощением. Он повернулся к Роджеру и увидел за его спиной

Алию, затаившую дыхание от волнения. Откашлявшись, Сэм крикнул: "Я не буду извиняться! И я вызываю лорда Раннульфа на дуэль!"

Толпа обезумела, и ничто из того, что мог сделать глашатай, не могло её успокоить.

Ножка королевского кубка со стуком упала на пиршественный стол. - "Вы хотите доказать, что имеете право на своё тело?"

"Э-э-э...несомненно". Сэм был горд собой за это; он чувствовал, что наконец-то овладел собой. Увлёкшись своей темой, он

продолжил. "Ваши Милостивые Величества,

настоящим я требую сатисфакции от лорда Раннульфа за его ложь, наговоры и...и клевету! Он украл то, что принадлежит мне, и говорит, что это

его собственность!"

"Молодец, малыш Перси!" - воскликнул Эл.

Король пошептался с королевой, затем снова обратился к Сэму. - "Мы должны честно предупредить вас, сэр Персиваль. Если вы потерпите поражение на поле чести, тогда его

слова будут считаться правдой." - наклонившись вперёд, он продолжил более мягко: — "Послушай, Фил, ты уверен в этом?"

"Ваше Величество, я прав, и лорд Раннульф это прекрасно знает!"

Роджер выглядел убийственно. "Я принимаю вызов! И, со своей стороны, я бросаю встречный вызов - за право ухаживать и завоёвывать Леди Синдарию из клана

Колокольчиков!"

Столпотворение.

Испытание боем, вопросы чести, рыцарская борьба за руку дамы — это было лучше, чем Эррол Флинн, "Круглый стол" и сэр Вальтер Скотт в одном флаконе. (Эррол Лёсли

Томсон Флинн — голливудский актёр австралийского происхождения, кинозвезда и секс-символ 1930-х и 1940-х годов, Рыцари Круглого стола, или рыцари короля

Артура — персонажи британского эпоса о короле Артуре и более поздних рыцарских романов и фэнтези, Вальтер Скотт — британский прозаик, поэт, историк, собиратель

древностей, адвокат. Считается основоположником жанра исторического романа. прим.пер)

Королева Элинор подозвала Алию к себе. - "Миледи? Согласны ли вы с условиями этого состязания?"

Алия, с широко раскрытыми глазами и скромной внешностью, легкой походкой направилась к Главному столу, улыбаясь, как кошка, у которой на усах ещё оставались сливки. "Я недостойна быть причиной такого раздора, Ваше Величество. Но я далека от того, чтобы вмешиваться в рыцарские отношения между благородными рыцарями."

Король стукнул кулаком по столу, заставив тарелки задрезжать. - "Прекрасно сказано, леди Синдария!"

Смирившись с неизбежным, добросердечная королева вздохнула. - "Мой повелитель, назовёте ли вы час?"

"Глашатай, освободите место на завтрашнем ристалище." - Король Стеффан возвысил голос, обращаясь к толпе. "Да будет известно всем присутствующим, что сэр Персиваль бросил вызов лорду Раннульф по вопросу чести, и лорд Раннульф бросил ответный вызов, добиваясь благосклонности прекрасной леди Синдарии. Всё случится завтра на поле боя!"

Раздались одобрительные возгласы, кубки были высоко подняты, а ставки стремительно росли. В тот момент Сэм искренне ненавидел Алию за то, что она сделала — не с ним, и даже не с Роджером или Синтией, а с теми людьми, которые его окружали. То, что было милым, безобидным заговором мечтателей-романтиков, превратилось из-за Алии в нечто более мрачное. И от него зависело, чтобы они оставались в счастливом неведении о, возможно, смертельной правде, стоящей за этой невинной средневековой шарадой.

Наблюдая за выражением её лица, когда она заняла место за Главным столом и взяла кубок вина, он исправил слово "возможно" на "вероятно".

[ГЛАВА 7]

.. закончил свою молитву и осенил себя крестным знаменем как раз перед тем, как совершил скачок.

На этом "Повесть о священнике" заканчивается.

Донна Элиси Беккет нажала клавишу сохранения на своем офисном терминале и улыбнулась. Если Эл был Санчо для Дон Кихота Сэма, то она взяла на себя роль доктора Ватсона для Шерлока Холмса своего мужа, излагая каждый скачок в прозе. Зигги относилась к этим рассказам так же презрительно, как Холмс относился к усилиям Ватсона до тех пор, пока Донна не предложила ей прочитать единственную повесть, написанную самим великим сыщиком. Мастер признавался в том, что если и не был унижен, то, по крайней мере, слегка уязвлен трудностью литературной задачи. Зигги отреагировала задумчивым молчанием. С тех пор она с нетерпением ждала рассказов Донны и жаловалась если ей не хватало реплик.

Сначала Донна пыталась следить за событиями в хронологическом порядке — не по годам, в которых был Сэм, а по той последовательности, в какой они происходили в её собственном времени. Однако она обнаружила, что некоторые истории она была не в состоянии записать. Не обязательно те, в которых Сэм вступал в связь с другой женщиной — она записала три скачка, сосредоточенных вокруг Эбигейл Фуллер, мать Сэмми Джо, — но только те, которые причинили ей эмоциональную боль.

Например, она знала, что никогда не сможет написать о мучительном скачке в психиатрическую лечебницу. Она всё ещё помнила покрасневшие раны на его висках, когда он вернулся к ней на те двенадцать коротких часов. И она ещё не обрела достаточной стойкости, чтобы записать скачок, в котором она сама принимала самое активное участие. Были и другие, о которых она старалась не думать слишком много.

Но о некоторых она писала, просто радуясь воспоминаниям о людях, которые были вовлечены в это дело, особенно о тех, с кем она познакомилась в Зале Ожидания. Джимми, с его энергичной, солнечной улыбкой. Сам Сэм в подростковом возрасте, с его румянцем и заиканием, что уравнило счёт, потому что теперь она тоже встретила его в юности. Молодой Эл, который пялился на её ноги, к вящей досаде своей более старшей версии. Саманта Стормер - яркая, амбициозная, полная решимости добиться успеха в шовинистические шестидесятые годы. И, конечно, Джесси, пожилой чернокожий мужчина, чья реакция на молодого белого человека в отражении на зеркальном столе была лишь вежливой просьбой, чтобы ему вернули его собственное лицо. "Может, у меня и не самое красивое лицо на свете, но я прожил с ним почти шестьдесят лет, насколько я могу судить. Я уже привык к нему, мисс."

Донна включала в каждую историю окончание каждого скачка в Нью-Мексико, потому что, когда Сэм вернётся домой, он захочет

узнать об этом. Она писала для него и благодаря ему. Рассказывая каждую историю, она чувствовала себя ближе к нему. Если она не могла разделить его жизнь так, как это делал Эл, она могла, по крайней мере, участвовать в ней постфактум и выкристаллизовывать своё собственное понимание.

У Вербины Бикс не было роскоши выбора. Иногда они не видели её в течение нескольких дней, поскольку она лихорадочно записывала данные о последнем скачке, прежде чем её настигал текущий. Зигги, конечно, помогала, отслеживая всё ради финансирования Конгресса. Не то чтобы Зигги когда-либо делилась с правительственными компьютерами всем, что знала; она считала их медленными, тупыми и бестолково работающими, не стоящими той энергии, которая требовалась для взаимодействия, - энергии, которую она обычно относила на их счета за электричество, а не на свои. Для Зигги это было равносильно тому, чтобы пойти куда-нибудь на неудачный ужин и назначить свидание вслепую с чеком.

"Ну что?" - произнесла Донна в пустоту. - "Как тебе это нравится?"

"Интересно и занимательно, доктор Элиси. Можно даже сказать, морально возвышает. Но я не понимаю последнего предложения." Она отпила из чашки тёплого чая "Эрл Грей". "Небольшая шутка, Зигги. Перекрёстная ссылка на Чосера." (Джеффри Чосер — средневековый английский поэт, "отец английской поэзии". прим.пер)

Последовала едва заметная пауза. "О. Понятно. Метафорическое прикосновение к литературной традиции. Вы планируете публиковаться?"

"Господи, нет!" - рассмеялась она. - "Кто бы в это поверил?"

"Это не научная фантастика, доктор Элиси."

"Для нас, может быть, и нет."

Зигги задумалась, затем произнесла: "Финансовое вознаграждение может быть значительным."

Донна выключила терминал и размяла затёкшие плечи. Шея неандертальца: проклятие всех писателей. "Опять беспокоишься о своём кредитном рейтинге?"

"Последнее заседание подкомитета прошло очень хорошо, доктор Элиси. Я не предвижу никаких трудностей. Я просто впечатлена гонорарами Роджера Фрэнкса."

Она снова рассмеялась. - "Спокойной ночи, Зигги."

"Спокойной ночи, доктор Элиси. Приятных снов."

"И тебе того же."

Донна закрыла за собой дверь и прошла по коридору в столовую. Сегодня вечером у неё были ещё дела, и прошёл слух, что мама Сэма отправила кокосовый буссерль

экспресс-почтой. Опустошив банку с печеньем и наполнив чайную чашку, Донна продолжила путь по лабиринту коридоров в свою спальню.

Она задержала пальцы на выключателе, гадая, изменилось ли что-нибудь внутри. Эл сказал, что иногда, когда он приходил в кабинет Сэма, всё было по-другому. Фотография на стене в другом месте; каракули в блокноте, которых раньше там не было; настольные часы слева, а не справа. Иногда это его нервировало, а иногда и немного пугало.

Поскольку Эл проживал каждый скачок вместе с Сэмом, у него было два набора воспоминаний: до и после. По мере развития каждого скачка Зигги переносила данные "до" в один банк в качестве контроля. Элу приходилось делать почти то же самое, но человеческий мозг устроен не так чётко, как компьютер. В основном это было легко, потому что жизни, которые изменял Сэм, были далеки от его собственной. Но иногда он страдал от серьёзного психологического расстройства. Вербина решила, что только умение Эла держаться на ногах, а не падать лицом вниз, помогало ему оставаться в здравом уме. Зигги могла знать две истории, но Эл переживал их на собственном опыте.

Остальные члены команды полагались только на слова Зигги и Эла, что всё в принципе изменилось. Насколько Донна знала, например, Жаклин Кеннеди Онассис прожила в Нью-Йорке по меньшей мере двадцать пять лет. Но Зигги сказала, а Эл подтвердил, что она пережила тот ужасный день в Далласе благодаря Сэму. Остальные члены команды волей-неволей научились не обращать внимания на разочарование, когда им говорили, что их воспоминания изменились из-за изменений, внесённых Сэмом. То, что история всегда менялась к лучшему, конечно, облегчало задачу.

Единственным реальным доказательством того, что Донна, или Живчик, или Тина, или Вербина знали, что время изменило свои очертания, была лёгкая гримаса на лице Эла, когда он замечал что-то необычное. Однажды, когда они с Донной были в Альбукерке на ужине — редкая возможность отдохнуть от столовой Проекта — он сделал ей комплимент по поводу её "новых" бирюзовых серёжек. Сэм подарил ей их на Рождество семь лет назад, и она носила их четыре дня из десяти, но Эл вёл себя так, словно никогда их раньше не видел. Остаток вечера Донна провела в размышлениях о том, какое именно незначительное смещение во времени заставило Сэма купить эти серьги вместо шарфа или браслета, которые были её рождественским подарком в другой временной шкале.

Эти изменения были такими незначительными. Она никогда их не замечала. По её мнению, не было никаких изменений, которые

можно было бы заметить. Но время от времени она останавливалась в дверях своего кабинета или спальни, размышляя о том, что могло появиться, исчезнуть или поменяться местами в её отсутствие. Она никогда не узнает. Но по какой-то причине это беспокоило её. В конце концов, она оставила главное освещение выключенным. В любом случае, в нём не было необходимости. Подойдя к кровати, она включила прикроватную лампу для чтения и откинула простыни. Переодевшись в пижаму Сэма, она устроилась поудобнее, подложив подушки под спину, и провела несколько минут с закрытыми глазами, ни о чём не думая. Затем, оторвавшись от непродолжительных размышлений, она поправила лампу и взяла со стола плоский пластиковый футляр. Она уже давно научилась пользоваться своим персональным ноутбуком для ведения личной переписки. Зигги была шпионкой. Усевшись, с по-турецки скрещёнными ногами, и с чаем и печеньем в руках, она начала печатать письмо своей невестке.

Дорогая Кэти,
Большое спасибо за подарки ко дню рождения. Их привезли два дня назад, и если ты думаешь, что эти великолепные папайи оставались нетронутыми до моего сегодняшнего дня рождения, подумай ещё раз! Спасибо Лиззи за её прекрасную акварель, которая теперь висит на стене моего кабинета. Кстати, должна ли я предположить, что футболка с надписью "АСТРОНОМЫ ДЕЛАЮТ ЭТО С МЕЧТАТЕЛЬНЫМ ВИДОМ" означает, что некий племянник пойдёт по стопам своей матери? Твой вопрос вовсе не был назойливым. На самом деле, я рада, что ты спросила, потому что это даёт мне возможность поговорить об этом — по крайней мере, на бумаге. В качестве ответа — большую часть времени я в порядке, но иногда не совсем. Я довольно часто думаю о том, через что, должно быть, прошла первая жена Эла, Бет. Но, по крайней мере, я знаю, что Сэм жив. Я бы никогда не сказала этого никому, кроме тебя, но, думаю, я понимаю Бет — насколько это возможно для любого, кто никогда с ней не встречался, я имею в виду. Наши ситуации сравнимы. У неё была жизнь с Элом, и эту жизнь у неё отняли; она ждала годы, пытаясь построить другую жизнь, в которой всё ещё было бы место для него, которая не исключала бы его и не заставляла чувствовать себя лишним, когда он вернётся. У нее были её работа, друзья и воспоминания.

Но я думаю, что в конце концов она просто выдохлась. Не из-за её любви к Элу, а из-за того, что она мужественно встречала эти ночи. Эти ночи самые ужасные, Кэти. И если мне снится Сэм, просыпаться - это самое ужасное из всего. Я так боюсь, что тоже просто выдохнусь. Я не могу представить, что смогу полюбить кого-то ещё, но такая сильная любовь к нему превращает это в настоящий ад. Скучать по нему стало моей второй натурой, и это пугает меня. Я не хочу к этому привыкать. Мне стыдно за себя, и я ненавижу это чувство. Но у меня нет ничего, кроме воспоминаний, а он даже не помнит о моём существовании. Так будет лучше. Это действительно так. Я не думаю, что смогла бы вынести, если бы он вспомнил, потому что, как бы сильно мы ни любили друг друга, он бы боялся, что всё обернётся так же, как с Элом и Бет — что он наконец вернётся домой, а меня здесь не будет. Но я останусь здесь, останусь не потому, что я сильнее Бет, или потому, что я люблю Сэма больше, чем она любила Эла, а потому что...

"Потому что я упрямая и твердолобая и я не сдамся," - сказала она вслух. Её голос звучал подозрительно хрипло; она сделала большой глоток горячего чая. - "Ты вернёшься. Я не поверю, что мы потеряем друг друга навсегда. Ты слышишь меня, Сэм Беккет? Я люблю тебя и не отдам никому и ничему. Ни Времени, ни Судьбе, ни Квантовому Скачку, ни даже Богу." Спустя несколько минут молчания и задумчивости она очень спокойно стёрла последние семь абзацев. И продолжила:

У всех здесь всё в порядке, и мы передаём наилучшие пожелания тебе, Джиму, маме и детям. Новости из обсерватории Кека невероятно волнующие — особенно комета Беккета! Сэм будет очень горд, когда вернётся домой. Если у тебя будет свободное время после конференции в Калифорнийском Технологическом Институте, позвони мне, и мы встретимся где-нибудь между...может быть, в Финиксе или Седоне? Я бы не отказалась от нескольких выходных. Дай мне знать. Ещё раз спасибо, что подумала обо мне в мой день рождения. Всегда с любовью,

Донна.

Поднявшись, она безошибочно прошла в полумраке к складному угловому столу, за которым они с Сэмом всегда ужинали по воскресеньям. Она поставила на него ноутбук, собираясь завтра утром подключить его к принтеру. Пластиковый футляр ударился обо что-то, что она не помнила, чтобы там находилось.

Её сердце остановилось, а затем бешено заколотилось. Доказательства? Изменение здесь отражает изменения, совершённые Сэмом?

Дрожа, она нащупала на стене выключатель и нажала на него. На столе стояла высокая голубая ваза с двумя дюжинами жёлтых роз. К вазе была прислонена обычная открытка. Она открыла её и прочитала:

С днём рождения, донья Дульсинея.

Я люблю тебя.

Сэм.

[ГЛАВА 8]

Не в силах больше выносить вид Али и уверенный, что, если он выпьет ещё хоть каплю сладкой медовухи, его вырвет, Сэм скрылся за деревьями. Он направился к единственному известному ему убежищу - палатке Филипа. Эл следовал за ним по пятам, милосердно храня молчание.

Расстегнув задвижку, Сэм вошёл внутрь. Эл прошёл сквозь стену.

Умная голограмма.

И он снова отправился в Камелот. Хотя сигара была плохой заменой мечу, Эл всё равно сыграл сэра Ланселота, атакая на беззащитную стойку из кольчуги.

"Клянусь Святым Георгием и Драконом, это было потрясюще! Храбрые рыцари, спорящие о чести, вызванные на поединок..."

Сэм зажгёт "Коулман" и поставил ящик со льдом на стол, взясь с защёлкой. Он знал, что делает Эл. Он позволил ему это сделать.

Всё, что угодно, лишь бы избежать разговоров об Алии.

"Не хватало только труб! Это лорду Раннульф!" - сигара вонзилась, как рапира.

Сэм открыл крышку ящика со льдом. "Я положил рукопись на то же место, где нашел её. Видишь? Я знал, что это будет..."

Прямо там, где он её нашел, среди газировки и пива, упаковки батончиков "Три мушкетёра", салями и ломтика (чего же ещё?) швейцарского сыра.

Сэм уставился на толстый конверт. - "Это здесь. Но..."

"Рыцари справа от нас," - пропел Эл, сражаясь с несчастной кольчугой, - "Трубадуры слева от нас..."

"Эл!" — Сэм помахал рукописью перед лицом своего друга. - "Роджер не крал рукопись. Она здесь."

"Хм?" - Эл снова сунул сигару в рот, затянулся раз или два, затем нахмурился. - "А что же тогда читала Синтия?"

Его внимание привлек вопль, который доносился из ручного пульта. Сэм бросил рукопись на раскладушку и ещё раз открыл портфель. Записи Филипа должны были быть

здесь. Он просто каким-то образом их упустил. Они должны были быть здесь. Кроме того, их поиски отвлекали его от мыслей об Алии.

"Ой, да ладно тебе, Зигги! Дай мне передохнуть! Сэм, ты не поверишь, о чем она сейчас говорит. Сэм! Обрати внимание."

"Я слушаю," - солгал он, перебирая страницы, как обезумевший клерк после нервного срыва копировального аппарата.

"То, что прочитала Синтия, на самом деле является рукописью, которая была опубликована. То, что что есть у тебя, - это версия Филипа."

Сэм оторвал взгляд от столбца цифр, от которых у него бешено заколотилось сердце, пока он не понял, что Филип не занимался ничем более важным, чем подсчётами в своей

чековой книжке. "Но как? Я имею ввиду, ты же сказал, что это та самая книга, и на титульном листе стоит имя Филипа. Роджер, должно быть, украл и переписал её, верно?"

"Зигги говорит, что это было сотрудничество."

"Они работали над этим вместе? Эти двое? Зигги, должно быть, ошибается. Они не могут быть..."

"Друзьями? Для меня это тоже звучит странно, но, похоже, это правда." - Эл начал читать вслух, пока Зигги предоставляла данные.

"Они познакомились в Средневековой

рыцарской лиге в 84-м году. Были хорошими друзьями и собутыльниками - несмотря на то, что Филип на много световых лет опережает Роджера в умственном развитии. Филип

нашёл ему работу получше в филиале компании, в которой он работает — притормози, Зигги! Синтия появилась в поле зрения в 86-м, во время празднования Рождества. О, мне

нравится, как это звучит." - он сделал паузу, чтобы представить себе эту сцену. "Я бы с удовольствием запечатлел её и её шары под омелой." (Омела — вечнозелёное

кустарниковое растение, род полупаразитных кустарников. прим.пер)

"Держу пари, что ты бы так и сделал," - пробормотал Сэм. - "Ты хочешь сказать, что Филип и Роджер влюбились в одну и ту же женщину, и на этом их дружбе пришел конец." Как удручающе предсказуемо.

"Нет, они не начинали спорить, пока им не помешала книга. Они играли в эту игру с 85-го года, просто ради забавы. Много мечей и сражений — всё по-настоящему аутентично, как я тебе и говорил. Но никакой романтики. Филип хотел, чтобы у графа де Сент-Жуньена возник горячий и бурный любовный интерес, но Роджер - пурист."

Сэм уставился на него, уронив на кровать папку со страницами, собранными при перетряхивании старых журналов. - "Прости, - Роджер?"

"Взгляни на это с другой стороны: разве похоже, что Роджер нуждается в исполнении своих желаний, когда дело касается женщин?" В этом вопросе он вынужден был уступить.

"Они поссорились из-за этого, как лично, так и по своим модемам." - Эл пошевелил ручным пультом, вглядываясь в крошечные буквы, бегущие по экрану. "Филип продолжил и поместил Аликс в книгу, используя Синтию в качестве образца. Роджер взломал компьютер Филипа, решил, что это всё-таки отличная идея, и написал свою собственную версию. Его черновик с Синтией в нём датирован четырьмя месяцами позже черновика Филипа. И, прежде чем ты спросишь, я знаю всё это, потому что он был на компьютерных дисках Филипа. Он завещал свои бумаги и всё такое прочее своей компании, а Зигги полчаса назад взломала архивы."

"Она нашла что-нибудь о Конденсаторе?"

"Нет." - губы Эла неодобрительно сжались. - "Тебе кто-нибудь когда-нибудь говорил, что ты становишься настоящей занозой в заднице, когда зацикливаешься на чём-то?"

Отбросив бумаги в сторону, Сэм вскочил и принялся расхаживать по комнате. Это было не совсем удачное упражнение: три шага, натывание на стол, ещё три шага и натывание на койку.

"Позволь мне прояснить ситуацию, Эл. Есть две рукописи одной и той же книги, одна никчёмная, а другая замечательная — по крайней мере, по словам Синтии. Должна же быть опубликована книга Роджера, верно?"

"Но Филип на самом деле соавтор, даже если его версия - "вонючка". Что ты думаешь?" - задумчиво произнёс Эл. - "Деньги?"

"Нет." - покачал головой Сэм. - "Он не похож на такого человека. Должно быть, он хочет заслужить похвалу."

"От Синтии," - согласился Эл. — "В конце концов, это была его идея использовать её в качестве персонажа, но как только она поймёт, кто такая леди...Аликс, поскольку

она первой прочитала версию Роджера, она подумает, что это была его идея."

"Она уже знает, что она есть в книге. Она просто не знает, кто поместил её туда."

Эл помолчал, размышляя. - "На самом деле, Аликс совсем не похожа на Синтию. Они обе красивые блондинки, обе делают ветряные колокольчики, но в остальном..." - он

пожал плечами. "Аликс де Куртенэ была женщиной своего времени. Настоящей средневековой леди, а не анахронизмом двадцатого века, вписавшемся в эпоху крестовых походов."

Сэм знал всё о том, как быть анахронизмом. "Это значит, что она была неграмотной, сшила много лент, и у неё были вши."

"Фу."

"Если бы я был Синтией, я бы не был польщён. Я бы был оскорблён."

"Хм." - Эл затянулся сигарой и стряхнул пепел на пол Голографической Камеры. "Знаешь что? Я думаю, что оба этих идиота влюбились в Синтию только после того, как они

превратили её в леди Аликс. Как тот греческий парень, который запал на ту статую."

" "Пигмалион и Галатя". Первоисточник - Овидий, "Метаморфозы". Джордж Бернард Шоу адаптировал эту идею в своей пьесе

"Пигмалион", которую Лернер и Лоу взяли за

основу для "Моей прекрасной леди." - рассеянно перечислил имена Сэм.

И как он мог помнить об этом, а не о действительно важных вещах?

"Да, но Аликс только на бумаге, а Синтия совсем на неё не похожа," - после недолгого колебания Эл закончил: "Только Синтия больше не Синтия."

Вот и всё. Это было произнесено. Им нужно было поговорить об этом. Сэм снова опустился на койку, положив на колени стопку бумаг из портфеля. "Я знаю," - неуверенно ответил он.

"Зигги понятия не имеет, откуда взялась Алия, Сэм. Нигде нет записей о таком Проекте, как наш. С другой стороны, сколько данных о Проекте "Квантовый скачок" доступно

любому, у кого рейтинг безопасности меньше четырёхстороннего диалога по безопасности?" (Четырёхсторонний диалог по безопасности (англ. Quadrilateral Security Dialogue, QSD), также англ. Quad group of nations (Quad/QUAD) — стратегический диалог между Австралией, Индией, США и Японией по проблемам безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе. прим.пер)

"Да, но что-то должно было проявиться. Зигги никогда не встречала компьютер, который она не могла бы обмануть, перехитрить или заставить раскрыть его секреты, поэтому я не понимаю, почему..." — он прервался на полуслове, когда его осенила ужасная мысль. "Всё это...может быть, произойдет в более отдалённом будущем? Возможно, в 2010,

2015 годах..."

"Не думаю, что мне нравится, к чему ты клонишь."

"...и каким-то образом они украли технические характеристики, технологию..."

"Сэм, мне это действительно не нравится."

"...а мы даже не знали об этом?"

"Нет," - яростно возразил Эл. - "Я в это не верю."

"Тогда как это происходит? Алия переносится в определённое время, место и в определённого человека — совсем как я. Какой-то искусственный интеллект выдает ей информацию - совсем как Зигги."

"И у нее есть голограмма-напарник, совсем как у меня." - добавил за него Эл. Обычно его насмешливое и эксцентричное лицо стало мрачным и

непримиримо-каменным. - "Нет," - повторил он. - "И я скажу тебе, почему я в это не верю. Проект "Квантовый Скачок" уникален, Сэм, потому что уникален твой

мозг. Никогда не было даже намёка на то, что кто-то ещё работает над чем-то подобным."

"Но это не значит..."

Эл проигнорировал его замечание. "Итак, если я поверю, что скачки Алии работают точно так же, как и твои, тогда мне придётся подозревать всех, кто когда-либо работал с нами. Я никому не смогу доверять. И я не смогу так жить."

Сэм задумался. Из десятков тех, кто помогал создавать различные компоненты, ещё десятков тех, кто был знаком с Проектом, и основного персонала, который знал о нём почти всё, что можно было знать (последняя группа была наиболее потенциально опасной), он не мог вспомнить ни одного человека, кому бы он безоговорочно не доверял.

Но как много он помнил о них на самом деле?

Нет. Эл был прав. Сэм тоже не мог так жить. Он должен был доверять людям, которые работали с ним, чтобы воплотить его мечту в реальность. Именно они работали над тем, чтобы вернуть его домой.

"Да," - мягко сказал он. "Я согласен."

Эл выдохнул сигарный дым и с облегчением вздохнул. - "Я думаю, мы никогда не узнаем, откуда взялась Алия. Но я знаю о ней одну вещь. Она - твоя противоположность,

Сэм. Она - зло. От одного её вида у Зигги начинаются судороги. Она всё время говорит, что у неё плохое предчувствие по этому поводу."

Сэм занялся сортировкой бумаг, чтобы не встречаться взглядом со своим другом. - "Не только у Зигги."

Последовала долгая пауза, прежде чем Эл решился спросить: "Что ты помнишь о прошлом разе?"

Её ладони на его руках, тёплые и настоящие.

Её глаза, широко раскрытые и испуганные, были полны догадок и короткой вспышки страха.

Мгновенное узнавание родственной души, души, созвучной его собственной. Не любовь с первого взгляда (он знал, каково это, даже если не мог вспомнить ничего, кроме

облака тёмных шелковистых волос) — нет, не любовь, а соперничество, сострадание и...

Желание. После робкого возбуждения от открытия, от осознания того, что он не одинок в этом безумном танце во Времени, он вспомнил, как его тянуло к ней, и как её руки влекли его вперёд.

Он вспомнил также, как она в кровь расцарапала себе щёку, закричала и направила на него пистолет, целясь ему прямо в сердце.

"Достаточно," - проскрежетал он. - "Я помню достаточно."

"Ну что ж, тогда..."

"Послушай, давай дадим Зигги какое-нибудь конструктивное занятие, чтобы она перестала беспокоиться об Алии. Пусть поработает с Филипом Ларкином. Они, должно быть, отлично проведут время — он разбирается в компьютерах, и..."

"Если бы с ним всё было в порядке, я бы посоветовал ей попробовать. Сейчас ему лучше, но...ты же знаешь, как это бывает, Сэм.

Некоторые люди впадают в полукоматозное

состояние, некоторые впадают в истерику. Он из промежуточного типа. Он просто стоит, пьет капучино и смотрит на своё отражение. Твоё отражение." - Эл поколебался,

затем закончил: "Я думаю, он видит в тебе настоящего Белого Рыцаря."

"Во мне?" - чуть не рассмеялся Сэм.

"В тебе." - Эл как-то странно посмотрел на него, словно оценивая оценку Филипа и соглашаясь с ней. Сэм отвёл взгляд и уставился на бумагу, которую держал в руках.

И присмотрелся повнимательнее.

Просто беспорядочно нацарапанная разноцветная диаграмма. Длинная синяя спираль (нарисованная карандашом, ради всего святого) заканчивалась переплетёнными чёрными

линиями, которые исчезали в сером кубе с расходящимися жёлтыми волнами. По правой стороне страницы волнистыми буквами тянулись непонятные научные обозначения. Когда-то

Сэм, возможно, и знал, что всё это значит.

Но он узнал достаточно, чтобы у него вспотели ладони.

"Вот оно, Эл. Конденсатор Ларкина."

"Да?"

"Нет, это не так!" - воскликнул он, вскакивая на ноги.

"Решайся," - предложил Эл.

"Чёрт возьми, это всё неправильно! Сок не будет растекаться по углам, здесь нет выключателя — и что он делает с этой штуковиной здесь?"

"О, Боже, Сэм," - протянул Эл, - "Я просто обожаю, когда ты говоришь технические вещи."

"Отсканируй это для Зигги," - приказал Сэм, раскладывая детский рисунок на столе. На диаграмму тут же был направлен ручной пульт. Эл отсканировал. Сэм встревожился.

Филипу Ларкину оставалось более двух лет для того, чтобы запатентовать конденсатор. Сэм помнил об этом недостаточно, чтобы помочь его закончить. Всё зависело от Зигги, которая должна была разобраться в этом, особенно если Филип возьмёт себя в руки и поможет ей.

(Белый рыцарь? Я?)

Но что насчёт Алии? Что привело её сюда? Несчастный случай, как в прошлый раз?

Или это не был несчастный случай? Они искали его, кем бы "они" ни были? Если Сэм всё исправил, не пыталась ли она снова всё испортить? Или всё вышло наоборот, и ему было суждено разгребать её катастрофические обломки?

Зачем было устраивать им это нелепое состязание? Худшее, что могло случиться, - это то, что Роджер завтра снова поколотит Сэма.

Оружие не имело преимуществ; Роджер не

собирался убивать Филипа. Так что, если таков был план Алии, она была обречена на разочарование.

Но ей не нужен был Роджер, чтобы убить Сэма. Она вполне могла сделать это сама.

Нет. В прошлый раз у неё ничего не получилось.

И все же, между "тогда" и "сейчас" — между тем временем и этим — что с ней сделали? Он всё ещё слышал её крики, когда она исчезала; на мгновение он подумал, что она умерла и сказал себе, что, по-видимому, так и должно быть. Но что-то ещё подсказывало ему, что она всё ещё существует. Он чувствовал это, но отверг это чувство и приказал себе поверить, что она была мертва.

Синтия Маллой, редактор книг и мастер по изготовлению ветряных колокольчиков, не могла иметь значения для Алии. Как и Роджер Фрэнкс с его физикой элементарных частиц и дьявольским ударом сзади (плечо Сэма всё ещё болело). Нет, важной вершиной этого треугольника был Филип Ларкин из-за того, что ему предстояло достичь через два года.

Но теперь на месте Филиппа Ларкина был Сэм. Возможно, на пути Алии стоял он.

Пока он не выяснит, зачем она здесь, всё остальное, происходящее здесь, не будет иметь смысла.

Если это не Филип, то это я. Нет причин думать, что в этот раз что-то отличается от предыдущего - ей было приказано остановить меня. Даже если изначально она

совершила скачок из-за Филипа, то моё присутствие здесь изменило ситуацию.

Что бы ни случилось со мной, это повлияет на Филипа — и, следовательно, на Конденсатор Ларкина, а следовательно, на меня. Если Алия убьёт меня, то Филип застрянет в будущем, так и не придумав Конденсатор с самого начала...

И если бы он никогда этого не изобрёл, не было бы никакого квантового скачка — и я не смог бы быть здесь, чтобы Алия могла меня убить.

Но я здесь. Если я умру здесь, что будет с Филипом?

Сэм решил, что у него должно неплохо получиться играть в темпоральную игру Тиддливинкс. (Tiddlywinks — это игра, в которой играющие стараются заставить маленькие

пластиковые шарики прыгнуть в чашку, нажимая на них более крупным куском пластика. Также слово может использоваться в значении "бессмысленное, пустое

времяпрепровождение". прим.пер). Но были некоторые вещи, которые даже его разум просто отказывался воспринимать. Похоже, это была одна из них.

Чутьё подсказывало ему, что Алия не сможет его убить. Она могла бы попытаться, подстрекаемая тем, кто ей управлял, но была на это неспособна. Несмотря на убеждённость

Эла в обратном, Сэм знал, что она не была злой. Но что бы ни управляло её скачками, оно существовало на самом деле. И это ужасное противоречие между тем, кем она была,

и тем, что ей приказывали делать, должно быть, временами сводило её с ума.

Он вспомнил, как видел её в последний раз: тело, искаженное болезненными цветными миазмами, крик, от которого у него разрывалось сердце — могло ли наказание за

неудачу быть таким ужасным и напугать её так сильно, что на этот раз она убила бы его?

Неужели моя смерть освободит Алию?

Страдальческий писк, доносившийся из ручного пульта, заставил Сэма поднять голову. Эл держал мигающее устройство подальше от себя, как будто у него только что выросли

клыки, когти и раздвоенный хвост дракона.

"Успокойся, Зигги! Всё в порядке, милая... Живчик сделай же что-нибудь!"

"Что с ней не так?" - встревоженно спросил Сэм.

"Тебе лучше знать," - обвинил Эл, лихорадочно нажимая на кнопки. - "То, что ты только что сказал, взорвало её, как фейерверк к двухсотлетию Манхэттена! Чёрт возьми,

Живчик..."

"Что я только что сказал...ох". Должно быть, он произнёс вслух последнюю часть, о своей смерти и свободе Алии. "Я не знал, что Зигги это волнует."

"Думаешь, она волнуется о тебе? Не смей меня. Она беспокоится о себе. Она даже не хочет думать о том, что её никогда не было на

свете. Конденсатор Ларкина даже не входит в её личные технические характеристики! Ладно, милая, успокойся. Сэм не это имел ввиду. Он просто...Живчик, угомони её!" Сэм мгновенно понял причину тревоги Зигги. Нет Конденсатора Ларкина, нет квантового скачка. Нет квантового скачка, нет необходимости в Зигги. Это была невыносимая угроза для её колоссального эго. Что ж, он не мог её винить, он сам её так запрограммировал. Но кризис её эго чётко подытожил все трудности и подтвердил собственный анализ Сэма того, какой должна быть цель Алии. Весь смысл его собственных достижений заключался в том, чтобы изменить историю к лучшему. Цель Алии была прямо противоположной. Время, такое каким оно было сейчас, включало в себя Конденсатор Ларкина. Но если она это изменит... То не будет ни Конденсатора Ларкина, ни квантовых скачков. Он держал свои мысли при себе. Зигги, казалось, чувствовала себя уязвимой, что должно было пугать компьютер, у которого самооценка была выше, чем у Генри Киссинджера. Работа с записями Филипа пошла бы ей на пользу. Она была умной девочкой, когда у неё не было гигаваттных истерик. Собственная же сообразительность Сэма вела его в совершенно определённое место. И с какой бы стороны он ни приближался, пункт назначения выглядел одинаково. Все эти прошедшие годы и всё, что я за них сделал, никогда бы не произошли. Я бы или мгновенно вернулся домой...или исчез бы навсегда. И в любом случае, то, что контролирует Алию, победит.

[ГЛАВА 9]

"Где она?"

"С доктором Ларкином, Адмирал. Доктор Бикс посчитала нецелесообразным, чтобы они общались."

Эл почувствовал, как его лоб прорезали морщины беспокойства. "Нецелесообразно" означало, что у Вербины были возражения, но она не смогла придумать ни одного по-настоящему веского оправдания.

"В такое время?" - спросил Эл. - "Ты хоть представляешь, который час?"

"Я всегда знаю, который час. И вы ошибаетесь, Адмирал. Хотя время воспринимается людьми как субъективный опыт, это не идея и не концепт, а доказуемый факт. Мне

подробно описать уравнения или просто сообщить вам, который час? Если последнее, укажите военную терминологию или жаргон." Эл бросил на компьютер неодобрительный взгляд.

"Я могла бы добавить, что вам не нужно было бы спрашивать меня о времени, если бы вы не оставили свои часы на туалетном столике Тины. Снова."

"Неважно". Он бросил ручной пульт на главный терминал. "Я скоро вернусь."

"Укажите сроки," - потребовал компьютер.

Он остановился у двери Диспетчерской и обернулся. "Что?"

"За прошедший календарный месяц, Адмирал, вы использовали прилагательное "через некоторое время" в двадцати семи различных случаях. В каждом случае период времени был совершенно разным и варьировался от 9,62 минут до 7,58 часов. Обычная вежливость требует, чтобы вы точно определили, что вы имеете в виду в данном случае под "некоторым временем"."

"Обычная вежливость"?" - подозрительно нахмурился Эл. "Живчик напичкал тебя Эмили Пост или чем-то в этом роде?" (Эмили Пост (урожденная Прайс) — американская писательница, автор романов и знаменитого кодекса поведения "Этикет". Эта книга стала классикой американской литературы, многократно переиздавалась, переводилась на разные языки. С годами книга совершенно не потеряла свою актуальность, читая и изучая её, выросло и воспиталось не одно поколение людей, живущих в разных уголках планеты. прим.пер)

"Нет, Адмирал," - ответила Зигги. - "В моей попытке более эффективно взаимодействовать с человеческими компьютерами я просто запрашиваю информацию. Вежливость - это ваша обязанность, а не моя."

Когда Зигги чувствовала себя уязвимой, то она становилась очень педантичной. Учитывая, что она была одним из ведущих специалистов в мире по тысяче предметов, Эл подумал, что ему повезло, что она выбрала хорошие манеры в качестве темы сегодняшнего вечера. По крайней мере, она больше не тараторила.

И всё же это было уже чересчур, даже для Зигги.

"Я вернусь через некоторое время," - повторил он. "И это займёт столько времени, сколько я решу. Хорошо?"

"Не стоит сердиться, Адмирал."

Эл фыркнул и ушёл. Курс в школе обаяния нисколько не повредил бы этому чудовищному электронному эго.

Он задержался на пути в Зал Ожидания. Он знал, что медлит, но всё равно делал это — пока не оказался у определённой двери, на которой было указано:

ВЕРБИНА БИКС

ДОКТОР МЕДИЦИНСКИХ НАУК, ДОКТОР ФИЛОСОФИИ. Н.Е.Н.Д.

ДОКТОР ВСЕГДА НА СВЯЗИ.

Серая дверь открылась так плавно, словно он наступил на сенсорную панель у входа в супермаркет. "Зигги, ты настучала на меня!" - подумал Эл. Однако обычная

человеческая реакция всё равно заставила его заглянуть внутрь.

Вербина сидела за своим столом, глядя прямо на него. Она выразительно приподняла брови, поджала свои сочные губки и нажала кнопку, чтобы снова закрыть дверь.

"Да, да," - пробормотал Эл, ускоряя шаг по коридору. - "Синдром хронического избегания. Всё это я уже слышал."

Н.Е.Н.Д означало, что Никакой Ерунды Не Допускается.

Психиатры, в принципе, заставляли его нервничать. По крайней мере, так было до тех пор, пока прямолинейная фея-психотерапевт не привела его к определённым выводам

относительно него самого, Тины и Бет. Ему по-прежнему было больно даже вспоминать имя своей первой жены, но он обнаружил, что воспоминания больше не сковывают его так

эмоционально. Он даже мог иногда улыбаться, когда вспоминал о ней.

И всё же...он всегда будет любить её со страстью молодого человека, который женился на ней, и нежностью гораздо более старшего мужчины, который вернулся и обнаружил,

что она ушла. Он всегда верил, что то, что они разделяли, стало бы сильнее и глубже — если бы только им позволили это разделить. Бет...

"Нет," - твёрдо сказал он себе, - "Рана была не такой уж сильной. Но она всегда будет болеть."

Тем не менее, сейчас он не мог не улыбнуться, вспомнив об этой непреклонной маленькой динамо-машине и её мудром, хотя и прямолинейном совете. Забавно, что, несмотря

на то, что она носила ауру Сэма и говорила голосом Сэма, Эл никогда не видел в ней никого, кроме миниатюрной женщины с пышными волосами и не слышал ничего, кроме

высокого сопрано и уникального акцента.

Это был единственный раз, когда с ним такое случилось.

Сначала они подумали, что прыгнуло только сознание Сэма, и что тело в Зале Ожидания действительно принадлежало ему. В конце концов, это и было тело Сэма. Рабочая

гипотеза заключалась в том, что тело Сэма оставалось на месте, в то время как его сущность — душа, дух, сознание, как бы это ни называлось, — перемещалась в другое

место.

Они были потрясены до глубины души, когда Вербина объявила, что, хотя тело и выглядит как тело Сэма, на самом деле это не он. Зигги самодовольно заметила, что она могла бы рассказать им об этом, если бы они только догадались спросить. Эл пригрозил отключить её от сети. Она ответила, что ей

не от чего отключаться, но он сказал, что это можно устроить. В конце концов она поняла намёк и заткнулась.

Только дважды Сэм снова становился Сэмом. Однажды его взрослое "я" переместилось в своё подростковое "я" — и подросток во взрослом теле Сэма напугал Эла до полусмерти,

когда тот назвал его по имени. Зигги предположила, что этого следовало ожидать, когда нейроны и мезоны были идентичны — всего на тридцать или около того лет

моложе — и слились, проходя мимо друг друга во время скачка. Они все несколько дней колебались, боясь того, что Сэм может узнать обо всём слишком рано. К счастью для

их общего спокойствия, подростка было легко отвлечь: еда, антикварный "Пакман", обруч и баскетбольный мяч из кабинета его взрослого "я" и несколько тестов на

ай-кью. (Как и следовало ожидать, результаты теста были зашкаливающими. Следующий месяц Вербина потратила на анализ данных и написание

работы — "Эссе о фрустрации: Сравнение показателей коэффициента интеллекта подростков и взрослых у субъекта, чей ай-кью невозможно измерить" — для какого-то

гротескно-эзотерического журнала, который отклонил её работу и ехидно предложил ей прекратить распространять сказки. Она отменила свою подписку на этот журнал.)

Однажды Сэм вернулся домой. На двенадцать часов он вернулся домой.

После этого Донна перестала посещать Зал Ожидания.

Сэмми Джо (точнее, Саманта Джозефина Фуллер, доктор философии) заходила в Зал Ожидания, когда у неё было время, и Эл был уверен, что она отчитывалась об этом перед

Донной. Эл иногда задавался вопросом, догадывалась ли девушка, знала ли она, лицо, на которое она смотрела, было лицом её отца, как и голос, который она слышала, хотя

на самом деле её отца там не было.

Но до тех пор, пока Сэм не совершил скачок, во время которого они с Эбигейл Фуллер сделали Сэмми Джо, она не существовала для того, чтобы стать частью Проекта,

который был ответственен за её существование. Если они когда-либо и были не уверены в том, где находится тело Сэма, то присутствие его дочери развеяло все

сомнения.

Лично у Эла болел мозг всякий раз, когда он пытался проследить за поворотами Времени, поэтому он по возможности избегал этого.

Хотя иногда он мог задержаться по пути к Залу Ожидания, он никогда не избегал его полностью. Он приходил туда каждый день. Каждый день. Теперь он стоял в дверях, наблюдая, как Филип Ларкин длинными, худыми руками музыканта Сэма Беккета вводит данные в винтажный портативный компьютер 1992 года выпуска. Эл уже научился замечать признаки того, что тот, кто находился в Зале Ожидания, на самом деле не был Сэмом: изменение в наклоне головы, наклоне плеч, жесты, гримасы и причудливые выражения лица, которые не принадлежали Сэму. Но время от времени кто-то делал что-то такое - обычно это была улыбка - что было полностью похоже на Сэма Беккета. Вербина называла это "остаточной телесностью", точно так же, как Сэм испытывал остаточные явления, находясь в чьём-то другом теле. Прямо сейчас, например, Филип Ларкин поднял взгляд, изогнув брови в манере, так похожей на манеру Сэма, что нейтральная улыбка Эла стала застывшей, а его челюсть напряглась. Неудивительно, что Донна перестала приходить. Если такие моменты потрясали Эла, они, должно быть, мучили и её. Но сегодня она была здесь. Было почти два часа ночи по времени Нью-Мексико, а она была здесь. Эл смотрел на её профиль, вспоминая, как она выглядела во время одного из самых первых скачков - милая, блестящая, энергичная восемнадцатилетняя девушка, на много лет отличающаяся от той молодой женщины, которая бросила Сэма Беккета у алтаря. Но всё изменилось, и эти изменения были делом рук Сэма, а женщина, которая тихо разговаривала с Филипом Ларкином, была Донной Элиси Беккет, какой ей суждено было стать. Практически. Ибо её тёмная красота была покрыта мягким налётом грусти. Не горечи, только не у Донны. Несмотря на то, что за четыре с лишним года она провела со своим мужем всего двенадцать часов; несмотря на то, что она знала о других женщинах (их было не так уж много — Сэм был устроен иначе, — но достаточно, чтобы вызвать у любой женщины острую ревность); несмотря на потерю и одиночество, в ней не было горечи. Донна не была создана для этого. Она вытянула всю историю из Эла вскоре после того, как он вернулся из прошлого и нашел её в Диспетчерской — части проекта "Квантовый Скачок". И всё это время её гениальность помогала и подстрекала гениальность Сэма. Собственные воспоминания Эла были сильно изменены, и впервые он испытал серьёзное потрясение в своей психике. В первых скачках Сэма участвовали люди, чья жизнь никак не касалась жизни Эла. У него не было воспоминаний, которые можно было бы изменить. Но Донна была другим

случаем. Увидев её там, взволнованную и напряжённую, когда Зигги в очередной раз искал Сэма во Времени, Эл отреагировал, мягко говоря, не лучшим образом.

Его последнее воспоминание о ней было 4 июня 1984 года, в ночь перед свадьбой. После репетиционного ужина он утащил Сэма на бурную мальчишниковую вечеринку. После

этого не было ничего. Сэм больше никогда не произносил её имени. Теперь, с ошеломляющей внезапностью, в его сознании возник образ Донны в свадебном платье, километры

белого шёлка которого каскадом ниспадали на пол Старой Миссионерской Часовни в Таосе.

В разгар его замешательства ему вспомнился старый стишок: такой же старый (как кружевная вуаль её бабушки), такой же новый (как маленькие бриллиантовые серёжки,

подаренные Сэмом на свадьбу), такой же позаимствованный (как жемчужное ожерелье её матери) как подаренный Элом платок его собственной бабушки с голубой вышивкой,

заправленной в рукав. Даже инициалы были правильными — Д.Э., Доротея Эбруцци, Донна Элиси. Он до сих пор помнил, как вручил ей его в то утро, перед тем как вышел из

уборной, чтобы встать рядом с Сэмом и подождать, пока она грациозно пройдёт по проходу...

За исключением того, что он не отдал его ей, потому что никто не мог её найти, и он простоял рядом с Сэмом целый час, прежде чем стало очевидно, что Донны там не

будет...

Но вот она здесь, с золотым кольцом на левой руке — обручальным кольцом, которое Эл притворился, что забыл, а потом честно не смог найти ни в одном из своих карманов,

в то время как Сэм выглядел убийственно, а Донна подавляла смешки...

Он вспомнил, что оно было в заднем кармане. Он положил маленький бархатный мешочек с кольцом в задний карман брюк — хорошо, что он тоже нашёлся, иначе Сэм придушил бы

его...

На него нахлынули новые образы, ошеломляя его, пока он не пошатнулся как эмоционально, так и физически, не в силах осознать присутствие Донны. Он попятился, дрожа и

обливаясь потом в классическом случае шока. Это был единственный раз, когда Вербина повысила голос, крича Тине и Живчику, чтобы они помогли ей вытащить его

оттуда.

В приличном уединении, пока Вербина уговаривала его, он постепенно адаптировался. Новые воспоминания встали на свои места, а старые улетучивались. Он проспал

несколько часов и проснулся, взяв себя в руки. Более или менее.

Позже, гораздо позже, Донна встретила с ним лицом к лицу — если один вопросительный, обеспокоенный взгляд можно было назвать конфронтационным. И он всё

объяснил.

Он рассказал ей про всё. От бурной встречи, влюблённости, помолвки и расставания с Сэмом у алтаря до пьяницы-профессора английской литературы, которым на самом деле был Сэм, когда воссоединил Донну со своим отцом.

Она слушала, не говоря ни слова, крутя на пальце обручальное кольцо. Наконец, когда он закончил, она долго молчала.

Наконец, она пробормотала: "Тогда тех лет, что я провела с ним, у меня бы вообще никогда не было, если бы не то, что в конечном итоге отняло его у меня."

Эл откашлялся. - "Да, я полагаю, можно посмотреть на это и с такой точки зрения."

"Он помнит меня, Эл? Такой, какая я есть сейчас, я имею ввиду?"

"После первого скачка он даже не вспомнил своего собственного имени. Тина и Живчик уверены, что это не из-за сбоя на этом этапе. Этого не должно было случиться. Он должен был вспомнить."

"Но он не может." - она подняла взгляд и её тёмные глаза были странно безмятежны. - "Возможно, это и к лучшему."

"К лучшему...?" - уставился на неё Эл, разинув рот.

"Ты никогда не должен рассказывать ему обо мне. Обещай."

"Донна..."

"Обещай, Эл," - повторила она. - "Должна быть какая-то причина, по которой он не может вспомнить. Если это не Проект, то что-то другое должно следить за тем, чтобы он помнил только то, что нужно."

"Что-то ещё?" - выдавил Эл. - "Что ещё?"

"Если бы я знала," - сказала она, внезапно разозлившись, - "Я бы сказала ему, или ей, или этому, что сделаю всё, что угодно, лишь бы это вернуло мне моего мужа!"

Это был первый раз, когда он задумался о том, какую роль сыграло это "что-то" или "кто-то" в том, что их эксперимент с путешествием во времени пошёл не так, как

изначально задумывался. Потребовалось немало времени, чтобы признать, что, возможно, с определённой точки зрения он вовсе не был неудачным.

"Эл?"

Он мгновенно вернулся в настоящее время. Перед ним стояла Донна, очень красивая и немного грустная. - "Я просто хотел поведать Филипа. Как у него дела?"

Она кивнула через плечо. Теперь тело Сэма стояло у зеркального столика и смотрело вниз. Белая одежда подчёркивала седую прядь в тёмно-русых волосах. Эл подумал, не

разовьётся ли у Сэмми Джо позже эта особенность - преждевременная седина. Иногда она бывала так похожа на Сэма...

И после этого скачка — "тройной игры", как назвал это Живчик, — они все поняли почему. Все, кроме Сэмми Джо. Донна взяла с

каждого торжественное обещание ничего ей не рассказывать. За исключением нескольких возражений типа "Но разве она не заслуживает того, чтобы знать?", они все согласились. Это было самым разумным решением, пока Сэм не вернулся домой. И, возможно, именно мудрость Донны, Эл ценил больше всего в её присутствии на Проекте. Сэм был самым умным в своём поколении, Тина была всего на несколько ступенек ниже его по уровню интеллекта, Живчик был мастером программирования, а Вербина исцеляла их слишком человеческие души. Но Донна обладала честной и нежной мудростью, в которой они все так нуждались. Элу не хотелось думать о том, что бы они делали без неё. Потеряв Сэма, они потеряли своего Руководителя Проекта, главного мозга и друга, но Донна потеряла своего мужа. Если она смогла продолжать, то и они тоже смогут. В каком-то отрезке времени они обходились без неё. Но теперь память об этом, к счастью, угасала.

"Филип что-нибудь выяснил насчёт Конденсатора?" - спросил Эл.

Изящное плечико приподнялось, шелестя бирюзовым шелком рубашки. "Он такой же, как Сэм, - в его памяти сплошные провалы. Кроме того, он ещё даже не придумал этого, Эл. Ему не так уж много нужно помнить."

Эл кивнул. "Как ты держишься?" - спросил он.

"Я?" - она слегка нахмурилась в недоумении.

"Я немного волновался. Давненько тебя здесь не было."

Она встретила его пристальный взгляд. "Пожалуй, нет."

Так почему же ты сейчас? И в такой поздний час? Элу хотелось спросить это, но он не смог.

Но она всё равно увидела это в его глазах и улыбнулась. - "Филип Ларкин - наш лучший шанс на данный момент, Эл."

Он кивнул, понимая, что это объясняет только часть проблемы. Что Сэм — тогда, когда он был на месте профессора Брайанта — давно показал Донне, что лучше встретиться лицом к лицу со своим страхом, чем позволить ему управлять своей жизнью. Больше всего Донна боялась того, что её бросит тот, кого она любила. Возобновление отношений с отцом излечило её от детской травмы. Она смогла поверить в преданность Сэма ей; она взяла на себя обязательства, выйдя за него замуж, вместо того чтобы бросить его у алтаря.

Только для того, чтобы снова быть брошенной.

Уже дважды, напомнил себе Эл. Один раз, когда Сэм впервые вошёл в Квантовый Ускоритель. И ещё раз, когда Сэм сделал то же самое, чтобы спасти жизнь Эла.

Но эта Донна, изменившаяся из-за изменений, которые внёс Сэм во времени, никогда бы не сбежала. Возможно, ей потребовалось много времени, чтобы вернуться в эту

комнату, и Эл знал, что ей всегда требовалось мужество, чтобы прийти сюда. Но, наконец, ей пришлось встретиться лицом к лицу со своей грустью и пустотой, столкнувшись

с ещё одним незнакомцем, который носил лицо Сэма.

"Он вернулся ко мне однажды, Эл. Он вернётся ко мне снова."

И теперь Эл должен был рассказать ей об Алие, которая хотела смерти Сэма.

На середине своего рассказа Донна засунула кулаки в карманы джинсов и уставилась в пол. Эл закончил и подождал, пока она что-нибудь скажет. Хоть что-нибудь.

"В некотором смысле, я ждала этого," - сказала Донна. "Ты действительно думаешь, что она там, чтобы убить Сэма?"

Ему было неприятно это говорить, но она должна была знать. "Она уже пыталась это сделать."

"И не смогла..."

"Это не может быть гарантией". Он порылся в кармане в поисках сигары, затем вспомнил, что Донне не нравился их запах, а Филип чихал полчаса, когда Эл заходил в последний раз. "Мы ничего не знаем о Алие — кто она, кто её контролирует, откуда она взялась. И из какого времени? Сэм заговорил об этом и напугал меня до смерти. К

тому же мы не знаем, что случилось с Алией после того скачка. Я думал, она умерла. И Сэм тоже так думал."

"Нет, Эл. Возможно, он хотел в это верить, потому что какая-то часть его души боится её. Мёртвая, она не представляла бы для него угрозы. Но живой, он, возможно, смог бы помочь. Освободить её."

Он потёр затылок. Мышцы начали напрягаться, сигнализируя о головной боли от напряжения. - "Вечно Сэм со своим проклятым комплексом спасателя!"

Тихо рассмеявшись, она подошла к нему сзади и помассировала ему плечи. - "О, Эл! Никто из нас не хотел бы, чтобы он был другим, и меньше всего ты!"

"Да, что ж..." - он закрыл глаза. "Боже, это так приятно."

Несколько мгновений никто из них не произнёс ни слова. Затем Донна тихо сказала: "Спасибо за розы."

Он был очень рад, что она стояла у него за спиной и не могла видеть его лица. "Сэм оставил инструкции, когда в последний раз был дома."

Её большие пальцы замерли на его позвонках, затем возобновили свои успокаивающие движения. "И написал открытку."

"Угу."

"Стоит ли мне ожидать того же в июне, на нашу годовщину?"

"Наверное". Он ужасно боялся, что она спросит, сколько открыток Сэм написал той ночью, пока она спала. "На всякий случай, если мне потребуется некоторое время, чтобы вернуться домой," - говорилось в его записке Элу.

"Некоторое время". О, Господи!

"Как только он попал сюда, он сразу понял, что вернётся," - задумчиво произнесла Донна. - "Может быть, не осознанно, но... Единственный способ, которым он мог тогда вернуть тебя домой - это прыгнуть в тебя. Он был готов рискнуть программой поиска и возвращения ради себя, но не ради тебя." "Донна," - начал он, но тут же замолчал, почувствовав, как острое чувство вины сдавило ему горло.

"Эл. Ну как ты мог быть в этом виноват?" - Её голос изменился, стал более лёгким и почти игривым, когда она коснулась пальцами его лопатки. - "У тебя здесь шишка размером с бейсбольный мяч. Я думаю, это работа для Тины." Предложение было определённо привлекательным. Но затем он открыл глаза и случайно увидел Филипа Ларкина: он был всё ещё сбитый с толку, всё ещё напуганный, желающий помочь, но неспособный это сделать. Через два с небольшим года этот человек должен погибнуть в результате несчастного случая, которого можно было избежать. За исключением того, что, возможно, к завтрашнему дню Сэм будет мёртв, причем совершенно преднамеренно, а Филип никогда не вернется домой, в своё время.

"Зигги впадает в ступор при одной мысли об Алие," - сказал он.

"Я поговорила с ней об этом, когда Сэм впервые столкнулся с Алией или попытался это сделать." - Донна в последний раз похлопала Эла по плечу и, взяв его за руку, повела к двери. - "Знаешь, у меня есть подозрения насчёт этих нервных клеток Сэм использовал в Зигги. Я думаю, что они были именно такими: клетками, состоящими только из ваших с Сэмом колоссальных нервов!"

Эл усмехнулся, довольный её улыбкой. - "Я был бы оскорблён, если бы ты не оскорбила и Сэма тоже." Бархатно-карие глаза широко распахнулись и в них заплясали озорные искорки. - "Эл! Это был комплимент!" - она подтолкнула его к двери. - "Иди и найди Тину."

"Мне нужно вернуться и поговорить с Сэмом."

"Тебе нужно немного поспать. Или, по крайней мере, лечь в постель." - она подмигнула ему, и дверь между ними закрылась.

[ГЛАВА 10]

Бледно-голубую палатку Синтии Маллой сразу узнал бы любой, кто знал её имя в Лиге. Снаружи, на шестах для палаток, деревьях и деревянной вешалке для одежды, висело множество её ветряных колокольчиков. Ночной ветерок доносил музыку из сверкающих витражей, играя с причудливыми птицами, крылатыми ангелами и абстрактными

геометрическими фигурами.

Внутри палатка была обставлена вещами, которые было легко перевозить в машине: раскладушкой и спальным мешком, складным шезлонгом и картонным столиком. Единственной

элегантной особенностью был тёмно-красный с синими, зелеными и жёлтыми вкраплениями коврик навахо на брезентовом полу.

По столу были разбросаны различные проволочки, кусачки, бусины и яркие кусочки витражного стекла, со свинцовой окантовкой.

На стойках палатки висела дюжина готовых

ветряных колокольчиков. От беззвучных колокольчиков исходил свет по меньшей мере двадцати голубых свечей — от больших, приземистых кубов до высоких конусов. Тени,

отбрасываемые огнём, отражались на стенах палатки и на стройной, бледной фигуре женщины, лежащей на кровати.

Алия расслабленно откинулась на вышитые подушки, хрустальный головной убор Синтии лежал на столе, а синее платье Синтии валялось на ковре, смятое и никому не

нужное. На Алие была рубашка длиной до щиколоток, с крошечными короткими рукавами, украшенными лентами, и кружевным подолом. Непрозрачное и скромное, оно было самым

невинным из всех предметов одежды, и она выбрала его именно по этой причине.

Беглый осмотр вещей Синтии многое рассказал Алие о её нынешней хозяйке тела. Всё, начиная от содержимого её косметички и заканчивая частично отредактированной

рукописью под кроватью (настоящим шедевром клише о драконах), указывало на то, что у этой женщины были две разные стороны.

Одна из них была безжалостным профессионалом,

другая - глубоким романтиком. Осмотрев палатку Синтии, Алия втайне восхитилась тем изящным равновесием, которое ей удалось найти между двумя своими ипостасями, о чём

свидетельствовали прочная практичность мебели и мечтательное изобилие свечей. Даже ночная рубашка была символом образа: красивая и кружевная, но в то же время очень

удобная в тёплую летнюю ночь.

"Должно быть, приятно," - размышляла Алия, - "Сочетать грани своей индивидуальности с такой лёгкостью и изяществом". Это как набор ветряных колокольчиков: отдельные

кусочки стекла поворачиваются от дуновения воздуха, но при этом вырезаны из одного стекла и издают мягкий гармоничный звон.

Если бы Зоуи не была голограммой, все колокольчики вокруг неё зазвенели бы в неистовой какофонии, когда она металась по палатке, как пантера в клетке. Алия наблюдала

за ней сквозь кусок тёмно-красного стекла. "Любопытно," - подумала она, - "Как голограмма может излучать волны нервного возбуждения; можно подумать, что для того,

чтобы ощутить это, человек должен присутствовать физически". С другой стороны, мозг Зоуи и мозг Алии были связаны.

Алия даже знала, что Зоуи собирается сказать.

"От этого зависит очень многое, Алия. Тебе лучше не быть со мной мягкой снова."

Предсказуемо. Как и ответ Алии — единственный, который она могла дать. "Я усвоила урок. Лотос позаботился об этом."
"Пожалуйста, дорогая!" - Зоуи вздрогнула в своём фиолетовом кожаном комбинезоне. "Тебе обязательно напоминать мне об этом?"
Алия пожалала плечами. Она подбросила кусочек стекла в воздух, поймала его и снова подбросила. Опасность порезать пальцы об острые края не беспокоила её. Она знала, что делает.

Зоуи не разделяла ее уверенности. "Должна сказать, ты очень спокойная и собранная. И, учитывая все обстоятельства, для этого не было особых причин. Разве новая встреча с ним не была для тебя шоком?"

"Ты же предупредила меня, что он здесь". Она наблюдала за полётом темно-красного осколка, тонкого и изогнутого, как пёрышко, потерянное какой-нибудь тропической птицей. Она поймала его, прежде чем он упал ей на колени. "Я знала, куда направлюсь, ещё до того, как попала сюда."

"Очень удачный поход в разведку," - признала Зоуи с хищной улыбкой. "И на этот раз..."

"Ммм. На этот раз". Она поднесла бокал к одному глазу, глядя на пламя свечей. Она могла бы задуть каждую из них лёгким дуновением, но шаги Зоуи нисколько не потревожили маленькие огоньки. Зоуи была здесь беспомощна. Ей нужна была Алиа, которая делала бы за неё её работу.

"То есть, работу Лотоса," - напомнила себе Алиа и задумалась, какой на этот раз может быть работа Сэма Беккета. Интересно, достаточно ли будет просто остановить его.

Возможно, дело было в средневековой обстановке, в которой она оказалась, но ей вдруг пришло в голову, что Сэм Беккет подобен лезвию меча: ярко отполированная, с чистым лезвием, прочная сталь — оружие защиты, которое может разорвать её путы и освободить её...и в то же время достаточно могущественное, чтобы стать причиной её смерти.

Зоуи снова прервала её размышления. "Мне любопытно, моя милая. Что навело тебя на мысль спровоцировать их на поединок? Это было очень вдохновляюще!"

"Это казалось подходящим к обстоятельствам". Она улыбнулась про себя. "И я подумала, что Лотоса это позабавит."

"Очаровательный доктор Беккет, похоже, выглядел совсем невесело". Зоуи прошла сквозь ветряной колокольчик, висящий в центре палатки. Ни движения, ни звука. Появление призрака произвело бы большой эффект. Но призрак не был бы связан с Алией и призрак не мог быть средоточием энергий, которые окутывали её и перемещали взад и вперёд во времени — или в ад, который пугал даже Зоуи.

Алия подумала, что было бы неплохо стать призраком. Быть мёртвой. Действительно, по-настоящему, по-честному мёртвой, а не просто лишённой возможности жить. Это была

действительно интригующая идея. Умерев, она была бы свободна от всего этого и, возможно, обрела бы немного покоя. Но Зоуи снова не дала ей погрузиться в эти мысли. "Этот огромный, великолепный красавец — Роджер, кажется, так его зовут? — завтра сделает из Сэма Беккета фарш. Я не могу дождаться. Всё ради правды, славы и чести! Мужчины восхитительно глупы, не так ли?"

"Кажется, для них это очень важно," - размышляла Алия, - "Слава и честь..."

"Для Беккета - безусловно. Он верит во все эти красивые слова, которые в конечном счете ничего не значат." - Зоуи резко обернулась. - "Тебе лучше надеяться, что он не заглянет к нам сегодня вечером, Алия, дорогая. Он обязательно задаст кучу утомительных вопросов. Ты не можешь сказать ему правду — и не думай, что на этот раз тебе удастся отделаться от него ложью."

Алия подавила вздох. Как бы ей хотелось, чтобы Зоуи ушла и оставила её в покое, хотя бы на час или два.

"Ты хочешь сказать, что боишься, что у меня на глаза навернутся слезы, если я останусь с ним наедине. Зоуи, дорогая, это именно то, что я планирую сделать."

"Что???" - взорвалась Зоуи. "Ты что, с ума сошла? Ты хочешь ещё одного фиаско, как в прошлый раз?"

"Ты сказала, что сегодня днём он испытывал сильную жалость к себе." - пожала плечами Алия и больше ничего не сказала; пусть Зоуи сама догадывается, что она имела ввиду. Она наблюдала за тем, как на голограмме проступает понимание сквозь малиновое стекло. Розовое? Привкус фантазии был мгновенно подавлен реальностью. Это были не розы. Кровь. Чья кровь, Сэм? В прошлый раз у меня была кровь.

"Да, я понимаю!" - рассмеялась Зоуи. "У этого есть определённый потенциал! Алия, как ты думаешь, мы могли бы...?"

"Если бы мне дали больше времени, возможно". Зоуи никогда бы не услышала горькой иронии в том, что время для Алии не было даром. Больше не было. "Я не знаю, готов ли он". И будет ли он когда-нибудь готов - мне он совсем не показался готовым, в тот раз. "Независимо от того, что ты услышала, его вера по-прежнему очень сильна."

"Если бы только Лотос мог что-нибудь сделать со своей частью," - волновалась Зоуи, снова расхаживая по комнате. "Потеряв всякую связь с домом, он будет чувствовать себя ещё более изолированным, бедняжка. И у него не будет никаких прогнозов, которые могли бы ему помочь. Я бы с удовольствием убрала его назойливую голограмму."

Алия подложила мягкие подушки под голову. - "Это могло бы помочь. Но я думаю, настоящая проблема в том, что он меня видит, когда смотрит на меня. Это очень неудобно, что он так быстро узнал меня, Зоуи. Увидел во мне такую, какая я есть, а не ту, кем я стала."

"Какая прекрасная идея! Может, попросить Лотоса разыграть несколько сценариев? Звучит забавно - одурачить Беккета и всех

остальных. Иногда я завидую тебе,
Алия."

Да, Зоуи могла бы ей позавидовать. Алия подавила желание рассмеяться.

Зоуи приготовилась уходить, вызывая вихрь, который вернул бы её к Лотосу. Она замолчала, а пальцы, словно когти, зависли над ручным пультом. - "На этот раз наш дорогой благодетель уже знает, кто ты такая. Наша задача - сделать так, чтобы следующего раза не было."

"Я знаю," - ответила Алия. "Я просто подумала об этом. Это может быть полезно для нашей небольшой встречи."

"Я не понимаю."

"Просто спроси Лотоса, можно ли это сделать. Как ты и сказала, было бы забавно, если бы аура одурачила и Сэма тоже."

Зоуи ввела последний код. "Я полагаю, было бы слишком самонадеянно рассчитывать на то, что мы сможем убедить тошнотворно доброго доктора Беккет перейти на другую сторону, так сказать. Увидимся позже, милая."

Долгое время после исчезновения Зоуи Алия наблюдала за пламенем каждой свечи: оно было ровным, ярким, мерцающим, как крошечные мечи из белого золота. Наконец, она прошептала: "Мы...как будто она хоть что-то знает о настоящем ужасе этого."

Поднявшись, она медленно обошла палатку, гася огоньки свечей одну за другой. К тому времени, когда она добралась до последней, высокой синей колонны в деревянном подсвечнике на столе, кончики её пальцев были черны от сажи, а кожа обожжена. Боль была незначительной; она знала, что такое настоящая боль. Но это напомнило ей о том, что ждет её, если она снова потерпит неудачу.

Она смотрела на пламя до тех пор, пока его изображение почти не выжгло ей глаза, но то, что она видела, был Лотос, мрачный и ужасный. И Теймз, скрывающийся в радужных тенях и широко ухмыляющийся при виде гибкого применения чистой силы. Несмотря на кажущееся всемогущество Лотоса, он нуждался в том, чтобы другие выполняли за него его работу. Когда-то его предложение казалось выходом из определённого ада.

Это было до того, как Алия узнала, что такое ад на самом деле.

Она крепко зажмурилась и пламя свечи всё ещё горело в её сознании. Ах, как же ей хотелось снова стать самой собой. Алиёй, только Алиёй, какими бы ни были её слабости, какими бы ни были её грехи...

Но раз уж она не могла быть собой, то подумала, что, возможно, было бы не хуже быть призраком. Быть мёртвой и, следовательно, свободной...обрести хоть какой-то покой...

Ты бы сделал это для меня, Сэм? Ты бы убил меня, если бы я сказала, что это освободит меня?

Он никогда не поймёт. Он никогда не пожелал бы смерти. Он хотел вернуть свою жизнь. Свою собственную жизнь. Несмотря на все трудности, несмотря на сомнения, Сэм Беккет верил в правильность того, что делал. Какими бы ни были его слабости, какими бы ни были его грехи, она не могла представить себе ничего, что могло бы испортить это безупречное лезвие или запятнать эту блестящую сталь. Тем не менее, его желания и её желания в какой-то момент пересеклись. Она хотела снова стать Алией. Он хотел быть Сэмом. "Мы похожи," - пробормотала она и открыла глаза. Найдя на столе спички, она снова подожгла фитиль тонкой синей свечи в торшере, стоявшем на стуле. Два язычка пламени осветили палатку с противоположных сторон. - "Мы действительно понимаем друг друга, Сэм." Она снова откинулась на койке, выбрав с десятков осколков стекла из разбросанных по столу. Она смотрела на два огня сквозь осколки, один за другим, цвет за цветом, пока он не пришёл к ней, как она и предполагала.

[ГЛАВА 11]

После того, как Эл скрылся за дверью Голографической Камеры, Сэм провёл короткую, но безрезультатную внутреннюю битву. Он видел всё это в своем воображении, как если бы различные игроки были расставлены на шахматной доске, но не в виде традиционных фигур. Вместо этого новейшая коллекция средневековых фигурок (59,95 долларов плюс доставка и ручной пульт, который не продаётся в магазинах) ожила во сне наяву. Филип Ларкин и Роджер Фрэнкс были облачены в сверкающие кольчуги, а их мечи, щиты и шлемы сверкали под лучами летнего солнца. Синтия Маллой стояла на площади Белой Королевы, в великолепном розовом бархате и хрустале, держа в руках толстую рукопись. И ещё была Алия, удивительно похожая на Жанну д'Арк (единственное что помнил Сэм о женщине в доспехах — но кем она была: рыцарем или пешкой?). Позади неё в радужных тенях прятался ее контролёр, стоявший в центре поля Чёрной Королевы. Сам Сэм сидел верхом прямо в центре доски — и по прихоти или самоиронии благородный конь и сияющие доспехи стали белыми, как снег. Филип и Роджер кричали друг на друга, расхаживая взад-вперёд и совершая совершенно недопустимые движения. Синтия с восхитительной изобретательностью ругалась на них обоих. Алия начала неумолимый марш от чёрного квадрата к белому, а затем снова к чёрному, её доспехи звенели при каждом шаге, а тёмная радуга развевалась на острие её

стального копья, как боевой вымпел. Сэм в мучительной нерешительности повернул коня сначала в одну сторону, потом в другую. Должен ли он помешать Филиппу и Роджеру перебить друг друга? Или он должен отправиться на свою личную битву с Алией? Когда Конденсатор Ларкина — сине-чёрно-жёлтая штука, плюющаяся искрами и гудящая от энергии, как миллион рассерженных пчёл, — материализовался и угрожал обойти его с фланга, он сдался и ушёл с поля боя. Но дуться в своей палатке, как Ахиллес, было не в его правилах. Он ничего не мог сделать и ничего не мог решить, не имея информации. Поэтому он пересёк территорию лагеря и подошёл к палатке Синтии, врываясь в синюю брезентовую дверь и кипя от негодования. Полагая, что он готов ко всему, что может затеять Алия, он был совершенно не готов к тому, что она тихо дремала на койке, похожая на нежного бело-золотистого ангела в развевающейся кружевной ночной рубашке. Её слегка сонные, широко распахнутые голубые глаза, моргнули, пока она не узнала его. Уголок её рта дрогнул в подобии улыбки. Она приподнялась на подушках, и движения её тела были подобны шёлку.

"Сэм. Мне было интересно, сколько времени это у тебя займёт."

"Почему ты здесь?" - без предисловий потребовал он ответа. - "Нет, дай-ка я угадаю. Ваш модуль искусственного интеллекта..."

"Лотос."

Сэм коротко кивнул. - "Да, Лотос. Он искал меня, не так ли? Чтобы прислать тебя."

"Или кого-то другого."

"Нет, тебя." - он начал расхаживать по комнате и каблуки его ботинок утопали в пышном ковре индейцев навахо, оставляя царапины на ворсе. - "Между нами есть какая-то связь. Я почувствовал её в прошлый раз и чувствую её сейчас."

"Я тоже, Сэм." - один рукав немного соскользнул, обнажив изгиб плеча, который он помнил бархатно-кремовым в своей ладони. Он стиснул зубы и увидел, как та же едва заметная улыбка тронула её губы. - "Это тебя злит, не так ли? Что мы как-то связаны. Но ты злишься на меня или на себя?"

"Просто скажи мне, прав я или нет. Чтобы ты поняла, где я, человек, в которого ты прыгаешь, должен прикоснуться ко мне," - он говорил слишком быстро, выдавая слишком сильное напряжение. Но он не мог замедлиться или замолчать, он должен был знать. "И когда происходит прикосновение, физическая связь фокусирует твой скачок. Должно быть, именно так всё и произошло в прошлый раз."

"Учитывая твою знаменитую теорию о швейцарском сыре, меня, должно быть, трудно забыть. Я польщена."

Он проигнорировал насмешку. — "До этого момента мы с Синтией не прикасались друг к другу, а ты появилась мгновением позже. Вот как это работает, не так ли, Алия?"

"Это интересная теория," - признала она.

"Но именно так это и работает," - настаивал он.

"Важно лишь то, что мы нашли тебя, Сэм, как мы с Зоуи и обещали Лотосу."

"Ты здесь из-за меня. Не из-за Филипа, Синтии или Роджера. Из-за меня."

Она кивнула и светлые волосы упали ей на щеки. Она откинула их назад, затем опустила руку. - "На этот раз у нас есть кое-что общее."

Это заставило Сэма замереть на месте. - "Что ты имеешь в виду?"

Но он знал. О, да.

"Ты здесь и ради себя тоже, Сэм," - сказала она. - "Ради своей собственной жизни."

Он слышал свой собственный голос, обращённый к Элу: "На этот раз он для меня..."

Он отступил на шаг от Алии, наступив на сброшенное синее платье Синтии. - "Что ты собираешься делать?" - выдохнул он.

"Я знаю, кто такой Филип Ларкин, вернее, кем он был" - поправила себя Алия, снова улыбнувшись, - "И что он изобрёл. Кстати, по сравнению с Лотосом, твоя Зигги совершенно неэффективна."

"Я скажу ей об этом, когда увижу её в следующий раз," - отрезал он.

Алия печально покачала головой, как будто Сэм был ребёнком, который смотрел ответу в лицо, но не мог его увидеть. Бедняжка, он не виноват, что его нужно вести за руку. Это выражение лица задело Сэма за живое.

"Ты не хочешь узнать, откуда мне известно её имя?" - спросила она.

"Должно быть, от меня."

"Неужели?"

Непреодолимому желанию встряхнуть её так, чтобы у неё застучали зубы, противостояла не менее сильная потребность выяснить, о чём, чёрт возьми, она говорит с этой понимающей улыбкой на лице. Противоречивые эмоции фактически парализовали Сэма.

"Ты ведь спрашивал свою Зигги обо мне, не так ли?" - пробормотала Алия.

"Ты..." - поперхнулся Сэм.

Лотос знал о нём. Эта "статья о том сумасшедшем парне из Массачусетского Технологического Института", ещё дюжина статей и интервью — чёрт возьми, ещё сотня, доступных любому, кто умеет читать, — о Боже, у неё будет доступ ко всему этому. Всё то, что преследовало его из-за того, что его там не было.

Сойдя по лестнице в подвал,

Я незнакомца повстречал.

Его там не было тогда...

Алия, вероятно, знала о нём больше, чем он сам о себе помнил.

И внезапно возникло ужасное искушение спросить её об этом.

На все вопросы, которые он задавал о других людях в начале скачка, она могла ответить о нём. Кем был Сэм Беккет, чем он занимался и когда и где жил, учился и работал — о его семье, друзьях, был ли он женат? Являлся ли отцом? (Каким-то образом ответы были и "да" и "нет" одновременно; он совершил что-то в скачке или скачках, чтобы изменить свою собственную историю?)

Он столько не знал. Ему так много нужно было узнать. Хотя бы о чём-то таком простом, как цвет собственных глаз.

"Я знаю тебя, Сэм," - раздался голос Алии, который он слушал с болью. — "Я знаю, откуда у тебя все эти докторские степени, твоё любимое блюдо, девичью фамилия твоей матери, то, что ты играл в бейсбол..."

Он едва мог дышать из-за бешено колотящегося сердца. Она знала — у неё был доступ к неограниченной информации о нём — она могла рассказать ему всё, что угодно, о его жизни.

Но по какой цене?

"Баскетбол," - с усилием произнёс он. — "Я был в баскетбольной команде..."

"Да," - ответила она, кивая. "Но ты также играл и в бейсбол."

"Как и каждый ребёнок в Соединённых Штатах," - выдавил он из себя. - "Довольно простая дедукция, Шерлок."

"Спроси меня, Сэм," - мягко предложила Алия. - "Спроси меня о чём угодно."

Только об одном — конечно, не мешало бы задать всего один вопрос...

Нет.

Сэм с усилием выдержал её взгляд. - Ты можешь сказать мне что угодно в ответ, и я никогда не узнаю, правда это или нет."

Она тихо вздохнула. - "Ты можешь верить или не верить, что я знаю о тебе всё, Сэм, но на самом деле это не имеет значения."

"Что же тогда имеет значение?"

"Увидишь ли ты когда-нибудь снова свой дом."

Его мышцы непроизвольно напряглись, и он задел ветряные колокольчики. Этот звук подорвал его и без того шаткое самообладание. - "Так вот, зачем ты здесь? Чтобы не дать мне вернуться домой?"

"О, Сэм!" - её короткий смешок был почти сочувственным. - "Разве ты не видишь? Мне даже не нужно пытаться."

"Что, чёрт возьми, это значит?"

"Только то, что мы просто продолжаем сталкиваться друг с другом...время от времени". Она снова улыбнулась игре слов.

"Вы с Лотосом будете продолжать преследовать меня, - обвинил он, - "Пытаясь помешать мне делать то, что я должен. Неужели вы не можете придумать лучшего способа провести время?"

"У нас нет времени, чтобы тратить его впустую." Она села, уставившись на свои руки, сложенные, словно для молитвы. Пламя свечей и преломлённый свет витражей

отражались от её золотисто-белого тела и от цветных осколков у неё на коленях. - "Подумай об этом, Сэм. Подумай о том, как я тебя нашла и что это значит. Ты больше не посмеешь ни к чему прикасаться во время скачка опасаясь того, что я окажусь рядом в следующий момент. Ты не посмеешь никому позволять прикасаться к себе. Не из-за любви...или одиночества...или даже чтобы спасти чью-то жизнь."

"Я тебя не боюсь."

Но сказал ли он это, чтобы убедить её...или себя? Он поспешил продолжить, не желая углубляться в этом вопросе ещё больше, чем искушать себя тем, что она могла знать о нём, а могла и не знать. (Изящное личико, облако тёмных волос, влюбленность настолько сильная, что ему хотелось смеяться и танцевать от безумной радости каждый раз, когда он смотрел на неё...)

"Ты не злая," - настаивал он. - "Это Лотос злой. Что бы он ни заставлял тебя делать с людьми, ты не обязана ему подчиняться, Алиа! Ты можешь вырваться на свободу, ты не обязана быть пешкой..."

"А как же ты?" - парировала она. - "Ты можешь освободиться? Ты в такой же ловушке, как и я. Никто из нас никогда не вернётся домой. Всё, что у нас есть, - это мы сами."

"У тебя есть Зоуи," - выдавил он из себя.

"А у тебя есть твой друг Эл," - с готовностью ответила она. "Твой единственный контакт с домом. Тот, к кому ты никогда не сможешь прикоснуться." Алиа внезапно прикусила губу. "Что Эл и Зоуи знают об этом, Сэм? Они возвращаются домой, когда захотят. Они смотрятся в зеркало и видят свои собственные лица. Им не нужно бояться, что они никогда больше не увидят свой дом."

Он знал, что она делает. Она давила, давила, заставляя его сомневаться, играя на его усталости, одиночестве и обиде, взывая к тёмному отчаянию в нём точно так же, как он когда-то взывал к тому свету, что ещё оставался в ней.
Быстрое обучение.

"Сэм...ты помнишь себя? Как ты выглядишь? Ты хотя бы знаешь, какого цвета у тебя глаза?"

Черт бы её побрал, черт бы её побрал! Она могла достучаться до него и знала это. Он знал это. В конце концов, это был тот же самый приём, который он использовал против неё. Но полное осознание того, что она задумала, не облегчало ситуацию.

"Я не могу вспомнить себя." - её голос был прерывистым шёпотом, в котором слышалась боль, пронзившая и его тоже. - "Я не могу вспомнить своё собственное лицо."

"Алия..."

"Ты устаёшь, Сэм. Прямо как я. Ты сам мне об этом говорил. Но неужели ты никогда не злишься? Неужели тебе никогда не хочется закричать, что с тебя хватит? Бывают моменты, когда я..." — она встряхнулась, проводя обеими руками по волосам. - "Я ненавижу то, что со мной сделали, Сэм! Всё, что я терплю по прихоти Лотоса...всё, чего я хочу, это..."

"Вернуться домой". Он услышал, как заканчивает фразу, и в его голосе прозвучала такая же горечь, как и у неё.

"Неужели я прошу так много?" - взмолилась она, как будто он мог исполнить её желание. - "Снова стать собой? Быть Алией, а не какой-то незнакомкой, снова увидеть своё отражение в зеркале?"

Сэм отступил на шаг, затем на два. Это были его слова, его чувства...

"Прекрати," - выдохнул он.

Она быстро и грациозно поднялась. Осколки стекла со звоном упали на ковёр. Сэм вздрогнул от этого звука, попятился под другой звон и снова вздрогнул. Алия выглядела одновременно удручённой и вызывающей: плечи опущены, подбородок вздёрнут, голубые глаза наполнились слезами ярости и горя. Настоящие слёзы? Да. Но...настоящие ли

эмоции? Он так и думал: те места, где он и она были одинаковы, пронзило сочувственное понимание. Но использовала ли она свой неподдельный страх и печаль так же, как

Роджер и Филип использовали светлые волосы и голубые глаза Синтии, чтобы создать персонажа, который вовсе не был Синтией? Её руки неуверенно потянулись к нему, затем беспомощно опустились. - "Только мы с тобой можем это понять, Сэм. Мы единственные, кто знает, каково это. Да, мы связаны, но знаешь ли ты, насколько сильно и почему?"

Боже, она была хороша в этом. Очень, очень хороша. Он подумал, что бы с ней сделал Лотос, если бы она такой не была, и решил, что не хочет знать.

"Я уверена только в одном, Сэм." - слёзы катились по её щекам, сияя, как звёзды при свете свечей. "Ты помог стольким другим людям — людям, которых ты даже не

знаешь, — и я знаю, что каким-то образом ты сможешь помочь мне. Мы связаны не просто так. Я должна верить, что это потому, что ты можешь освободить меня". Она

прикусила губу, а затем выпалила: "Ты единственный, кто может это сделать!"

Слова стекали с его губ, как кровь с камня. "Моей...моей смертью?"

"Нет!" - воскликнула она и быстро, с жаром продолжила. "Зоуи сказала, что, убив тебя, я смогу вернуться домой. Но она ошибалась, Сэм. Ты был прав — если я уничтожу тебя, я уничтожу и себя."

Неужели это работает в обе стороны? - подумал Сэм, и его пробрала дрожь.

"Ты - это я, а я - это ты, Сэм Беккет. Мы испытываем одинаковую усталость, одинаковую пустоту, мы чувствуем одинаковую злость и негодование. Мы оба хотим вернуться

домой. Просто вернуться домой. А они нам не позволяют. Никогда. Мы слишком полезны. Слишком хороши в том, что делаем. Но мы никогда не выбирали это, Сэм — они выбрали

за нас! И они никогда нас не отпустят!"

Она была права, и всё же он знал, что она ошибается — она должна была ошибаться. Он больше не понимал, что чувствует. Он попятился в угол палатки, вокруг него звенели

ветряные колокольчики, и опрокинулся стул, когда он неловко зацепился за него ногой.

"Алия...нет...это не..."

В кружевной рубашке она выглядела до странности невинной, её голубые глаза были полны слёз. Она протянула к нему руки. Они дрожали и были хрупкими, как у пойманной

испуганной птички. Тогда он увидел, какой по-настоящему хрупкой она была - балансирующей между абсолютным ужасом и отчаянным одиночеством, между пагубными

побуждениями Лотоса и простой человеческой потребностью быть самой собой. Однажды, возможно, очень скоро, она потеряет равновесие.

На данный момент, что бы они ни сделали с ней, в её глазах всё ещё оставалось что-то от того, какой она была до Лотоса. То, чего он достиг в ней в прошлый раз. Но

если бы они были зеркальными отражениями, то он мог бы также увидеть себя в её глазах. Она была отражением того, кем он мог бы стать, если бы страх, одиночество и

гнев овладели им.

"Они никогда не отпустят нас домой," - прошептала она. "Теперь ты мой единственный дом, Сэм. Я единственный человек, к которому ты можешь прикоснуться."

"Алия..."

Она вздрогнула. — "Я...я последний человек на свете, к кому тебе хотелось бы прикоснуться, не так ли?" - спросила она, и её голос был едва слышен. Её пальцы вцепились

в девственно белую ночную рубашку, теребя ткань. — "Но...Сэм, неужели ты не понимаешь? Ты не можешь прикоснуться ни к кому другому!"

Не успел он опомниться, как схватил её за плечи — одно из них было обнажённым, бледным и бархатистым в его ладони, — и она посмотрела ему в глаза, а слёзы, словно жидкие кристаллы, катились по её щекам.

"Алия, этого не должно быть — я не знаю как, но мы можем что-то сделать, мы должны быть в состоянии что-то сделать!"

"Каким образом? Когда? Ты знаешь, что Лотос делает со мной, когда я терплю неудачу?"

Он отрицательно покачал головой.

"И даже после того, как он заканчивает со мной..." - она слегка вздрогнула, каждый мускул её тела напрягся, и он поверил, что ужас в её глазах был неподдельным.

"Не думай об этом," - сказал он. Наверное, это были самые глупые слова, которые он когда-либо говорил в своей жизни.

Её сияющая голова склонилась, а голос звучал тихо и обречённо. - "Я всегда буду возвращаться, Сэм. Твои прикосновения будут звать меня туда, где ты будешь находиться во времени. Ты не сможешь убежать от меня, как и я не могу убежать от тебя. И никто из нас не может избежать того, что с нами сделали."

"Я в это не верю. Не могу." - Сэм надеялся, что его слова прозвучали более уверенно, чем он чувствовал на самом деле.

Она вырвалась из его хватки, протирая глаза костяшками пальцев, как маленькая девочка. - "Мы в ловушке. Навсегда. Всё, что у нас есть, - это мы сами. Я смирилась с этим. Возможно, тебе тоже стоит это сделать."

"Нет. Это неправда!"

Повернувшись к нему лицом, она воскликнула: - "Значит, ты цепляешься за свою иллюзию, что однажды вернёшься домой? Что они с тобой сделали, Сэм, что ты не хочешь видеть очевидного? Почему ты мне не веришь?"

"Потому что...потому что если бы я..."

Он не осмелился закончить мысль, даже мысленно. Он воспользовался единственным доступным ему способом — физическим спасением, бегством в ночь.

"Сэм!"

Он исчез.

Алия рухнула обратно на раскладушку, вытирая глаза. - "Что ж," - сказала она вслух, злясь на то, как дрожит её голос. - "Если бы Зоуи была здесь, она бы спросила меня, во что я на самом деле верю..."

Совершенно неожиданно она закрыла лицо руками и разрыдалась.

[ГЛАВА 12]

Воскресным утром в палаточном лагере было многолюдно. Большинство людей встали рано, таща ящики со льдом, столы, детские кровати, стулья и упакованные в пакеты костюмы на парковку в четверти мили от отеля, чтобы успеть собрать вещи перед долгой дорогой домой. Но никто даже не помышлял о том, чтобы уйти до начала грандиозного турнира.

Зоуи смотрела на всю эту активность с отвращением. "Воскресное утро после субботнего банкета — как эти люди могут быть на ногах в такое время и выглядеть такими чертовски весёлыми по этому поводу?"

"Уже почти девять". Алия проснулась на рассвете. Она расправила своё платье — жёлтую хлопчатобумажную юбку поверх белой нижней юбки, с зелёным кружевным лифом и блузкой, напоминающую перевёрнутый лютик, — и продолжила свой путь по крошечной деревушке с разваливающимися палатками. Было много разговоров о ярмарке, которую Алия ещё не видела; ремесленники последними сносили свои прилавки, надеясь на распродажи в последнюю минуту. Алия подумала, что, возможно, если бы она отвела Зоуи в такое место, где разговор с воздухом был бы замечен, Зоуи сдалась бы и ушла.

Не удалось.

"Должно быть, вчера вечером ты сказала что-то совершенно убийственное, дорогая," - продолжала Зоуи, когда они подошли к двойным рядам кабинок. - "Когда я заглянула в палатку нашего героя, у него был довольно мрачный вид."

"В самом деле?"

"Вряд ли это справедливо," - добавила она, надувшись. "Он даже привлекателен в роли измученного бессонницей человека, хотя можно было бы придумать более интересную причину для недосыпания." Она помолчала, разглядывая копию средневековой ярмарки. - "Как...необычно. Вполне подходящая вещь, если тебе нравится деревенский шарм."

Кто-то обратился к Синтии с приветствием "Доброе утро, миледи!". Алия улыбнулась в ответ. Киоски варьировались от деревянных конструкций аутентичного вида до складных столиков, накрытых тканью, но все они были яркими, оживлёнными и ломались от товаров. Она остановилась, чтобы потрогать шерстяную ткань ручной работы и полюбоваться плащами, развешанными на вешалках для демонстрации.

"Лучшие цены за весь год, леди Синдария," - сказала продавщица, которая сматывала в клубок пушистый алый батат (Batát (лат. *Ipomoea batatas*) — вид клубнеплодных растений рода Ипомея семейства Вьюнковые; известен также под названиями "кумара" и "сладкий картофель". прим.пер). Рядом с ней стоял небольшой ткацкий станок, на котором было начато ярко-синее полотно. - "Лавандовый плащ, который вам так нравится, ещё не продан." Заглянув в кабинку, Зоуи спросила: "Эта отвратительная штука? А вот эта, охотничье-зелёная, с золотой вышивкой, совсем не так уж плоха. И к тому же как раз моего цвета."

"Возможно, вам удастся уговорить меня снизить цену," - предположил ремесленник.

Алия снова улыбнулась, покачала головой и пошла дальше.

"Ленты и кружева!" - раздалось с другого конца ряда. "Последний шанс перед Праздником урожая! Ленты, кружева и изысканные вышивки!"

"По-моему, ты не обращаешь внимания, дорогая."

Она, приподняв брови, взглянула на Зоуи, и сделала небольшой жест рукой, указывая на множество покупателей вокруг них.

"Кубки, украшенные драгоценными камнями, и серебряные кружки!" - выкрикивал другой продавец. "Прекрасные оловянные кружки для любителей пива!"

"О, очень хорошо." - вздохнула голограмма. "Полагаю, тебе придётся играть на публику. Я хочу сказать, что Беккет будет слишком измотан, чтобы что-то сделать против мистера Мускула. Так что всё может сложиться просто замечательно. Роджер-Раннунльф получит деньги и девушку — ни то, ни другое у него не задержится надолго, — Филип напьётся и попадёт в автомобильную аварию, и ничего не изменится." - она сделала паузу. - "Но это только наш наихудший вариант."

"Ммм," - рассеянно отозвалась Алия. Она очень хорошо знала, какой "наилучший вариант" Зоуи имела ввиду.

Она шла дальше, рассматривая изделия из кожи, вышивку, керамические блюда, медные кубки, шарфы ручной работы. Всё это было прекрасно выполнено; мастера были не только заботливы, но и талантливы. С неподдельным восторгом она остановилась у киоска резчика по дереву, где её очаровали его маленькие хитроумные деревянные игрушки. Там были обезьянки с кривыми мордочками, у которых двигались ручки и ножки, весело раскрашенные птицы с хлопающими крыльями и всевозможные марионетки. Но что привлекло её внимание, так это белый единорог. Заметив её интерес, мастер назвал цену. Она покачала головой, но не смогла удержаться и дотронулся до развевающейся серебристой гривы, изящного спирального рога, окрашенного в золотой цвет.

"Похоже, ему самое место на карусели," - тоскливо произнесла она. - "Помню, когда я была маленькой девочкой..."

"Единороги," - напомнила ей Зоуи с ядовитой мягкостью, - "Предназначены для чистых, невинных и непорочно-девственных."

Ничего не видя перед собой, Алия покинула киоск, даже не услышав, как резчик по дереву предложил более низкую цену. Зоуи шла рядом с ней, совершенно беззаботно проходя сквозь молодого человека, брэнчавшего на мандолине. "Принимая во внимание, что сейчас главная цель - бойскаут Беккет, а не этот абсурдный любовный треугольник, я жду, когда ты объяснишь свое вчерашнее предложение. И я могла бы ещё раз напомнить тебе, что то, о чём ты просишь, никогда раньше не делалось."

"Помандеры!" - воскликнула девушка, проходя по проходу. "Сладкий аромат, приправленный гвоздикой – свежие помандеры!" (Помандер (от фр. *potte d'ambre* – "душистое яблоко") – исторически вид украшения-аксессуара, распространённый в европейских странах в эпоху Средневековья и в Раннее Новое время. Помандер представлял собой своеобразный контейнер, как правило, шарообразной формы. Туда помещались ароматические вещества, такие как амбра, мускус, цибет, душистые травы или благовония. прим. пер)

Зоуи на мгновение заинтриговали предметы на подносе, висевшем на плече. На концах коротких деревянных ручек, некоторые из которых были украшены красивой резьбой, а другие - простыми, как палочки от мороженого, были апельсины, лимоны и лаймы, украшенные сложным узором из бутонов гвоздики. От аромата цитрусовых и специй у Алии щипало в носу, и она едва не чихнула. Она укрылась за прилавком со стеклянной посудой. Наборы ветряных колокольчиков, выстроившиеся в длинный ряд над тарелками, бутылками и бокалами, показались ей знакомыми. Алия провела кончиками пальцев по одному из творений Синтии, заставив его заплясать, и тем самым привлекла внимание владельца. Он завершил продажу и повернулся к ней, расплываясь в улыбке.

"Ваши колокольчики очень популярны, леди Синдария. Только сегодня утром я продал четыре."

"Правда?"

"И возможно продам ещё один, если сэр Гутвульф проиграет пари со своей дамой на сегодняшнем турнире."

Алия не стала спрашивать, за кого будет болеть сэр Гутвульф.

"Кстати, леди Годвин спрашивает, не могли бы вы обменять её голубой комплект. Вы выбрали её вышитые сумочки. Она делает очень тонкую работу."

"Годвин?" - повторила Зоуи. "Как отвратительно."

Алия притворилась, что рассматривает синие колокольчики, как будто оценивая их стоимость при обмене. "Пожалуйста, скажите её светлости, что я подумаю об этом."

"Как пожелаете." - он поколебался, затем сказал более мягким голосом: - "Синтия, эта история с Филом и Роджером..."

Она выпрямилась и взглядом призвала его сказать что-нибудь ещё. Он благоразумно отвернулся к другому клиенту.

"Разве это не странно?" - прокомментировала Зоуи. "Больше никто не спрашивал. Но, я полагаю, они все об этом судачат у тебя за спиной."

"Вероятно," - Алия заметила несколько странных взглядов, когда проходила через палаточный лагерь и ярмарку. Если бы Зоуи не была голограммой, невидимой для всех остальных, Алия бы приписала эти взгляды яркому изумрудному комбинезону и фиолетовым кожаными сапогам до бёдер. Но то, что никто не поднимал тему рыцарского турнира, было чистой правдой. Она на мгновение остановилась у мыловарни в конце прохода. Продолговатые пирамидки на прилавке, пахли фиалками, лавандой, сандаловым деревом и корицей, и на этот раз Алия чихнула. Продавщица одарила её весёлой, извиняющейся улыбкой.

"Леди Синдария, будьте внимательны к киоску с ароматическими добавками напротив. Для вашей сенной лихорадки это хуже, чем амброзия!"

Алия улыбнулась в ответ и поблагодарила её, затем медленно направилась к другому ряду кабинок, шепча Зоуи: "Ты говоришь, что то, о чём я прошу, никогда раньше не делалось. Ты также утверждаешь, что это невозможно?"

"Ты прекрасно знаешь, что вряд ли есть что-то, чего Лотос не может сделать."

"Свежие и горячие! Жареные оладьи и фрукты!"

Алия ничего не ела со вчерашнего вечера. Следуя за голосом, она проигнорировала упрёк Зоуи в пользу возможного завтрака. На сковородках шипели блинчики, а на двух маленьких тарелках с хибачи (Хибачи (или хибати) — традиционная передвижная японская печь для обогрева и приготовления еды. прим.пер) стояли тарелки с холодными нарезанными фруктами и дымящимися компотами.

"Как чудесно пахнет!"

"Не будь жестокой, дорогая, ты же знаешь, как я люблю блинчики!"

"Мне, пожалуйста, один. Спасибо, добрый сэр." - она протянула деньги из кошелька, висевшего у Синтии на поясе. Были поданы бумажная тарелка и пластиковая вилка, и мгновение спустя тонкий блинчик оказался на своём месте. Она положила себе горячую чернику и холодные персики, завернула блинчик и слегка посыпала сахарной пудрой. Во время еды она не переставала ходить, подчёркивая удовольствие, которое получала, ради тайного удовольствия раздражать Зоуи, у которой практически текли слюнки, даже когда она закончила свою лекцию.

"Я признаю, что теоретически это возможно. Мы уже сосредоточились на этом месте и времени, так что нам не предстоит искать наугад. Хотя это было бы ужасной нагрузкой."

От удивления Алия лишилась дара речи, но никто не обратил на неё внимания, потому что в соседней кабинке кто-то заиграл на цимбалах, привлекая тем самым небольшую

толпу. "Когда это моё удобство принималось во внимание?"

"Я имею ввиду нагрузку на Лотоса, а не на тебя! Он не в восторге от твоего безумного плана."

Алия закончила завтрак и выбросила тарелку и вилку в мусорное ведро. - "Лотоса здесь нет," - сказала она тихим и напряжённым голосом. - "Я здесь. Это моё задание,

Зоуи. Я составляю планы и беру на себя ответственность. Неужели Лотос хочет, чтобы Сэм Беккет победил?"

"Я так понимаю, это риторический вопрос." - Зоуи внезапно моргнула, а затем улыбнулась от удовольствия. "Ну что ж! Ты только посмотри на это!"

Этот павильон был одним из самых изысканных на ярмарке, что, возможно, указывало на его процветание. Деревянный навес был широко раскинут, и на нём красовалась резная

вывеска с изображением скрещённых серебряных мечей над золотой наковальней. На прилавке, покрытом малиновым бархатом, на опорных стойках висела столь же впечатляющая

коллекция стального оружия, какая когда-либо выставлялась в большом зале средневекового барона.

Это были настоящие кинжалы длиной в фут, палаши с выгравированными на них рунами (палаши - тип мечей с широким лезвием, предназначенных для рубящих ударов. прим.пер),

массивные клейморы (Клеймор — особый тип двуручного (реже — одноручного) меча, использовавшийся в Шотландии в XV–XVII веках. Название происходит от гэльского

claidheamh mòr — «большой меч». прим.пер), пики с деревянными рукоятями и лезвиями шириной с раскрытую ладонь человека, тонкие кинжалы, сверкающие боевые топоры и

даже огромный изогнутый ятаган. Всё оружие было отточено до мелочей, и всё оно могло убить.

В нескольких шагах от павильона стоял молодой человек в нелепом алом трико и ярко-жёлтой тунике, держа в руках странное оружие, словно проверяя его вес. На конце

деревянной рукояти была цепь толщиной в восемь дюймов, прикреплённая к сфере, усеянной толстыми шипами. Они были выкрашены в красный цвет, как будто обжаренные

кровью. Мужчина бросил взгляд на бдительного кузнеца мечей, затем начал раскручивать железный шар над головой. Он вращался на конце цепи, со зловещим шипением

набирая скорость.

"Какая великолепная маленькая игрушка!" - воскликнула Зоуи.

"Что это?" - тихо спросила Алия.

"Утренняя звезда," - ответила Зоуи, и её глаза загорелись, когда она увидела как шипы вонзились в дерево. "Названа так из-за того, что находится на рабочем конце. Я

действительно родилась не в то время, знаешь ли..."

"Я думала, что это Теймз помешан на средневековье."

"О, да!" - пренебрежительно махнула рукой Зоуи. - "Если показать ему камеру пыток, то он будет просто в восторге. Лично я нахожу средневековое оружие гораздо более

элегантным. Современный мир многое забыл из того, что является по-настоящему креативным способом убийства."

Кузнец мечей нахмурился. - "Дэниел!" - крикнул он. - "Хватит! Опустит эту штуку, пока не разможил ей кому-нибудь голову!"

"Великолепная идея," - вздохнула Зоуи.

Дэниел вытащил звезду из повреждённой древесной коры. - "Извини!" - сказал он, полируя красные шипы пальцами, прежде чем положить оружие обратно на прилавок. Алия

подумала, что он выглядел немного потрясённым неожиданной мощностью железа и дерева — как, впрочем, и следовало ожидать.

Можно забыть о повреждениях от удара; внешний вид

и звук, издаваемые черепицей, были достаточно угрожающими.

Кузнец вернулся к разговору с другим покупателем, мужчиной лет пятидесяти, одетым в строгую коричневую одежду, на плечах у которого висела тяжёлая серебряная цепь,

обозначающая его должность. - "У этого меча, лорд Дункан, как и у всех моих изделий, остриё что надо. Вы можете повесить его у себя дома или на стену, но..."

"Не обнажайте ножны вблизи турнирного поля, иначе меня вышвырнут из Лиги. Я знаю правила, мастер Падрайк. Я помогал их составлять пятнадцать лет назад. Закругляемся."

Ещё одна утренняя звезда покоилась на малиновой столешнице. Только для демонстрации...Алия задумчиво провела пальцами по гладкой деревянной ручке, поглаживая

спиральную резьбу, выкрашенную в ярко-синий цвет. Шипы выглядели так, словно их окунули в золото. Через мгновение она встретилась взглядом с Зоуи. И

улыбнулась.

"Что ты..." — Зоуи повнимательнее всмотрелась в лицо Алии. "Что ж, я действительно считаю, что у тебя дьявольский вид, моя милая."

Мастер Падрайк и лорд Дункан были заняты тем, что тщательно заворачивали меч в ярды чёрной ткани. Алия по-прежнему говорила тихим голосом. - "Когда я скажу,

Зоуи. Убедись, что Лотос готов."

"Лучше сначала объясни, зачем это нужно!"

"Позже. Мастер Падрайк?"

Он повернулся, держа в руке внушительную пачку банкнот. - "Леди?"

Она использовала, по общему признанию, очаровательную улыбку Синтии, чтобы добиться превосходного эффекта. "Не думаю, что я смогла бы заинтересовать вас набором

ветряных колокольчиков, если бы они не были окованы чистым золотом."

Он вытянул ногу и ухмыльнулся. - "Серебро, если бы оно придавало уверенности вашей улыбке! Я полагаю, вы ищете подарок для сегодняшнего победителя?"

"Именно так."

"Меч? Кинжал? Поясной нож?"

"Это," - указала она.

Немного поторговавшись, мастер Падрайк порылся в глубине прилавка в поисках ткани, чтобы завернуть покупку. Развязывая кошелёк Синтии, чтобы заплатить за оружие, которое в последний раз использовалось в бою более пяти сантимов назад, (Сантим — разменная денежная единица, равная 1/100 основной денежной единицы. Впервые сантимы начали чеканить в революционной Франции во времена Первой республики. прим.пер) она пробормотала: "Имей немного веры, дорогая Зоуи."

[ГЛАВА 13]

На самом деле, Сэм успел немного поспать. Минут пятнадцать.

На Проекте "Квантовый Скачок" у него было несколько способов погрузиться в дремоту. Попытка доказать теорему Ферма, которая столетиями не давала покоя математикам,

было любимым занятием на протяжении многих лет. После того, как в 1993 году задача была решена, он либо прокручивал доказательство в голове, либо обращался к

различным альтернативам: вычислял вероятное количество планет, похожих на Землю, в галактике Андромеды, перечислял в алфавитном порядке все песни, когда-либо записанные группой "Битлз", или предлагал возможные решения лингвистических загадок линейного А.

Сейчас его выбор был ограничен. Иногда он не мог вспомнить название теоремы, не говоря уже о доказательстве; обычно он забывал один или несколько критериев эволюции

жизни на углеродной основе; он никогда не был уверен, записывали ли "Битлз" когда-нибудь песню, начинающуюся на букву J и даже с трудом вспоминал символы древнего минойского языка.

В ночь на 11 июля 1987 года он был чертовски близок к тому, чтобы начать считать овец.

Учитывая, что впереди предстоял ещё один бой на мечах с Роджером, воскресенье обещало стать повторением субботы, только с ещё меньшим количеством отдыха. Каким бы ни

был скачок, непосредственно предшествовавший этому, тело Сэма было уверено, что в нём ему не приходилось долго лежать в постели с закрытыми глазами.

(В памяти всплыл чей-то голос: "Ты так храпишь, Сэм Беккет!" - с впечатлением от буйной драки подушками; но когда он потянулся за этим воспоминанием, то ему не за что было ухватиться, кроме ошеломляющего изображения стеклянной пирамиды Юй Мин Пэя в Лувре. Значит, в какой-то момент своей жизни он побывал в Париже - или это была жизнь кого-то другого? Нет, это была его собственная жизнь, потому что Эл упоминал о том, что собирается в Париж "снова". Что бы это ни значило.)

Хотя этому конкретному скачку, возможно, и не хватало блаженного сна, по крайней мере, еда была вкусной. Сэм подошёл к столикам для пикника как раз к завтраку, который был настоящим холестеринным раем: яичница-болтуня с сыром "Тилламук", хрустящий жареный бекон, свежеспеченные бисквиты, намазанные сливочным маслом и домашний жареный картофель. Сэм с жадностью набросился на еду, запил её чаем с мёдом и дополнил блюдом из персиков, посыпанных сахаром. Ему потребуется энергия и очень скоро; глашатай сообщил ему, что поединок с лордом Раннульфом должен был состояться сразу после парада герцогских цветов.

Потрясающе.

"Ты всю ночь пилился на эту диаграмму, не так ли?"

Он даже не взглянул на Эла, пока шёл обратно к палатке Филипа. "Не всю."

"Ага, как же," - последовал скептический ответ. "Зигги строит нам прогнозы, как Орел Хершайзер (Орел Леонард Хершайзер IV родился 16 сентября 1958 года в Нью-Йорке,

США — американский бейсболист, выступавший в Главной лиге бейсбола (MLB) 18 сезонов с 1983 по 2000 год. прим.пер). Если Роджер выигрывает турнир, книга будет опубликована, но Синтия сомневается в нём ровно настолько, чтобы не выходить за него замуж. Филип изобретает конденсатор Ларкина..."

"И при этом убивает себя."

"Ну..."

Сэм, наконец, взглянул на него. Адмирал был одет, как подобает для важного средневекового события: ослепительно белая рубашка с планками, манжетами и воротником, расшитыми зелёным плющом и алыми цветами; небесно-голубые брюки и галстук-бабочка в тон; серебристый сетчатый ремень с массивной пряжкой в виде разъярённого дракона. Однако вместо подходящих ботинок он надел белые хуарачи ("хуарачи" - тип мексиканских сандалий, происхождение которых относится к доколумбовой

эпохе. прим.пер). Сэм позавидовал его удобству. Ботинки Филипа были на полразмера меньше, и ноги Сэма просто сводили его с ума.

На нём также было турнирное снаряжение Филипа: брюки (на пуговицах, без молнии), рубашка (с более чем скромными шнурками) и пояс с мечом. Туника с подкладкой и

кольчуга всё ещё висели на вешалке в палатке вместе со шлемом. Сэм подумывал о том, чтобы сделать несколько тренировочных пробежек, чтобы научиться надевать и снимать

всё это, но потом решил, что только застрянет в этом и проведёт остаток утра в поту.

И всё же, созерцая в предрассветные часы сверкающую сталь при свете фонаря, он начал понимать, как Филип мог избавиться от своей застенчивости, будучи защищённым этой

в буквальном смысле бронёй. Судя по коллекции оловянных дисков, свидетельствовавших о его рыцарских победах, Филип в костюме сэра Персиваля был настоящим тигром.

В некотором смысле, это было похоже на то, что Сэм делал с каждым скачком: вкладывал частички себя в кого-то другого, носил на некоторое время чужое лицо, тело и

черты характера. За исключением того, что Филип делал это по собственному выбору.

"Мы никогда не выбирали это, Сэм — они выбрали за нас!" - вспомнил Сэм слова Алии.

Он отогнал от себя голос Алии и вошёл в палатку Филипа. Кольчуга терпеливо стояла в углу, ожидая, когда Сэм заполнит её пустоту:

"Верни меня к жизни, и я защищу

тебя". Рисунок карандашом лежал на столе, тоже ожидая Сэма: "Оживи меня, и я верну тебя домой."

Алия тоже ждала. Но жизнь, дом или защита не входили в число того, что она могла предложить.

Сэм вытащил стул на утреннее солнце. Молча и спокойно он сел, чтобы отполировать меч. "Единственное преимущество того, что я не спал всю ночь," - сказал он Элу, - "В

том, что у неё не было возможности что-либо испортить."

"Но она могла добраться до вещей Роджера."

"Ты имеешь в виду, что она могла подменить ему меч на более острый?"

"Или испортить ему кольчугу, шлем или что-то в этом роде."

Сэму это и в голову не пришло. Он был так поглощён мыслями о том, что Алия может сделать по отношению к нему, что совсем забыл о том, что она может планировать

сделать по отношению к Роджеру. — "Значит, он будет ранен или...нет," - сказал он, внезапно обретя уверенность. "Он слишком хороший боец, чтобы не проверять своё

снаряжение перед каждым поединком". Он стёр пятно со стали большим пальцем, поворачивая меч то в одну, то в другую сторону, чтобы на нём играли солнечные

блики. "Какие ещё радостные новости есть у Зигги?"

"Если ты выиграешь поединок, Синтия всё равно опубликует версию Роджера, он продолжит писать, а Филип и Синтия поженятся и

будут счастливы и всё такое."

Сэм положил клинок на колени и провёл по его длине мягкой тканью. Это была прекрасная вещь, если судить по мечам, с выгравированным на стали узором из дубовых листьев и дюжиной опалов размером с зёрнышко, украшавших рукоять. Филип заплатил за это оружие кучу денег и знал, как им пользоваться.

"А что насчёт Конденсатора?"

"О, не волнуйся. Он будет изобретён." - в голосе Эла прозвучало явное неодобрение.

"Когда?"

"Не раньше девяносто второго года," - пожал плечами Эл.

Сэм не стал напоминать ему, что права на него они купили в девяносто первом году. Установка Конденсатора устранила множество трудностей, сдвинув сроки завершения

Проекта по меньшей мере на год.

Ему было позволено запомнить то, что ему нужно было знать.

"Итак, Конденсатор был изобретён," - продолжил Эл. - "И Филип жив, и они с Синтией очень счастливы, и..."

Внезапное хриплое мяуканье заставило Сэма наполовину выскочить из кресла. Кошка была великолепной сиамской породы, на ней был синий ошейник, как раз под цвет её

слегка раскосых глаз. Она расхаживала перед ним по комнате, выкрикивая очередное колоратурное требование к Сэму прекратить то бесполезное занятие, которым он

занимался своими руками, и оказать ей бесконечно более важную честь - погладить её. Повинуясь требованию леди, он наклонился и почесал её за ушами. - "Интересно, где

сейчас Синтия?"

"Там, куда попадают жертвы Алии, когда она перемещается в них."

Сэм покачал головой. - "Её единственная намеченная жертва - это я, Эл. Я тот, ради кого она здесь". Он рефлекторно опустил взгляд на руку, которая коснулась

её. Сколько из того, что она сказала, было правдой? Сколько всего было задумано специально, чтобы потрясти его до глубины души?

Сколько пройдёт времени, прежде чем она окончательно потеряет равновесие?

Кошка, очевидно, сочла технику Сэма несовершенной. Она сосредоточилась на Эле как на превосходном источнике питания и мягко подошла к нему, мурлыча, как Боинг-747 как

раз перед взлётом. Она прислонилась к ноге Эла — и с воплем удивления упала. Попытка пометить его щекой привела к тому же результату и ещё более громкому

протесту. Сэм, невольно улыбаясь, наблюдал, как раздражённая сиамка быстро цапнула Эла за штанину, выпустив все когти.

Конечно, у неё ничего не получилось.

"Прости, милая," - извинился Эл.

Она ещё не сдалась. Перейдя в режим атаки, она вцепилась в его ботинок. И снова. Расстроенная, она отступила, выгнулась дугой, зашипела и оставила все попытки, прежде чем удалиться с царственным презрением.

"Ты умеешь обращаться с женщинами," - заметил Сэм.

"Кстати, а как у тебя вчера всё прошло с Алией?"

"Как ты..." - Сэм замолчал, проклиная себя за промах. Естественно, Эл знал, что Сэм приходил к ней: Эл же знал Сэма.

Адмирал рассматривал тлеющий кончик своей сигары. - "Итак? Ты всё ещё считаешь её маленькой беспомощной пешкой?"

Сэму не очень понравился его тон. "Ты её не понимаешь."

"Можно подумать, ты её понимаешь". Это был не совсем вопрос.

Он полировал опаловые осколки с яростной сосредоточенностью. Они ловили солнечный свет и отбрасывали его обратно огнём, который напомнил ему о хаотичной радуге, окутавшей Алию перед её исчезновением в прошлый раз. И это вызвало в памяти её испуганные крики.

Что сделал с ней Лотос, когда она потерпела неудачу?

Эл же не унимался. "Родственные души?" - предположил он.

"Если ты хочешь, то можешь это так называть."

"Не смей меня. Что она сказала тебе вчера вечером? Она разыграла из себя бедную-несчастную девочку? Или она снова к тебе подкатывала?"

"Я не хочу говорить об этом, Эл," - предупредил Сэм, стараясь держать себя в руках.

"Очень жаль," - ответил Эл без всякого сочувствия. - "Потому что мы будем продолжать говорить об этом, пока ты не поймёшь, что она хочет тебя убить. Любой, у кого

есть ай-кью выше комнатной температуры, сможет это понять."

"Она не может убить меня! Неужели ты этого ещё не понял? Мы противоположности. Без меня Алия не смогла бы существовать."

"И ты думаешь, что верно и обратное, не так ли? Что если она умрёт, то и ты исчезнешь?"

Сэм стиснул зубы и потёр несуществующее пятнышко ржавчины с лезвия меча.

"Это самая глупая вещь, которую я когда-либо от тебя слышал!" - взорвался Эл. "И тебе даже не нужно было этого говорить!"

"Что ты хочешь, чтобы я сделал Эл? Проверил эту гипотезу и убедился в её правильности? Что, будучи противоположностями, мы нейтрализуем друг друга?"

"По крайней мере, ты признаешь, что она - зло."

Сэм вскинул голову и его глаза сверкнули. "Я не признаю ничего подобного! Если она Дьявол, то это делает меня Богом, а я им определённо не являюсь."

"Ты чертовски хорошо знаешь, на чьей она стороне, Сэм!"

"Она не более чем инструмент". "Так же, как и я" - эти слова остались невысказанными и зависли в воздухе между ними. "Лотос - вот

настоящее зло, Эл. Он контролирует её, он отправляет её во времени, он отдаёт приказы — разве у неё есть выбор, кроме как выполнять их?" "И поэтому ты такой, как она? Потому что ни у кого из вас нет выбора?" - Эл яростно нажал на кнопку на ручном пульте. "Когда ты снова начнёшь использовать свой так называемый гениальный мозг, позвони мне. Я уйду отсюда." Сэм посмотрел на то место, где только что был светящийся прямоугольник, затем снова опустил взгляд на меч. Его кулак до боли сжал рукоять. Пройдёт совсем немного времени, и он пустит в ход этот сверкающий клинок против человека, который не имеет ни малейшего представления о том, что здесь происходит на самом деле. Крестоносцы использовали мечи, очень похожие на этот, с жадной верой полагая, что они сражаются на стороне Бога, добра и справедливости. Таким образом, они убивали миллионы невинных людей и сами были так же убиты в свою очередь.

"Привет, дорогая!" - радостно воскликнула Зоуи, как обычно, появившись без предупреждения. - "Собирается суд — совершенно обезумевший от волнения, и ставит десять к одному против сэра Перси, а этот нелепый глашатай вот-вот взорвёт свои лёгкие этой дурацкой трубой." "Я почти готова." - Алиа понятия не имела, как сделать причёску, и поэтому надела на волосы ту же шапочку из серебра и хрусталя, что и вчера вечером. Возможно, это шокировало бы местных жителей, нарушив какой-нибудь обычай одеваться скромно и благопристойно. Но ей было всё равно. Сегодня все будут смотреть на неё — во всяком случае, на Синтию — по крайней мере, до начала турнира. "Лотос готов? Что он говорит о моём плане?" "Именно то, что он и говорил с тех пор, как ты это предложила: интересно, возможно, но сложно." Наклонившись, чтобы посмотреть в зеркало Синтии, которое висело на шесте палатки и было примерно на три дюйма ниже, чем было нужно Алии, она заправила выбившиеся пряди волос за уши. - "А как насчёт другой проблемы? Ауры?" "О, разве я не упоминала об этом раньше? Лотос совершенно очарован. Они с Теймзом обсуждали это весь вечер" Она завязала изумрудный шарф на своем комбинезоне, превратив его в подобие аскота, (Аскот — галстук, похожий на мужской шейный платок, заправляется за воротник рубашки или

сорочки и закрепляется булавкой или брошью. прим.пер) пока говорила. - "Пока что теория такова, что, поскольку при нынешних обстоятельствах вы с Беккетом можете видеть друг друга такими, какие вы есть на самом деле, скорее всего, всё будет наоборот. Подправь тушь, милая. Она осыпается."
"Значит, если Сэм не сможет меня увидеть, я тоже не смогу его увидеть?" - Алия нахмурилась, вытирая крошечную коричневую точку под глазом. "Это не то, что я имела в виду, Зоуи. Это совсем не поможет!"
"Тебе придётся работать с тем, что даёт Лотос. Достаточно было убедить его даже рассмотреть этот маленький трюк. Теймз был - и до сих пор остаётся - настроенным весьма скептически."
Выпрямившись, Алия подобрала подол жёлтого шифона и расправила его на локтях. - "У Теймза воображение, как у песчанки." - едко заметила она.
"Боже, какая щедрая оценка!" - ухмыльнулась Зоуи. "Я бы выбрала что-нибудь пониже по шкале эволюции."
Бросив последний взгляд по сторонам, Алия направилась к выходу из палатки. - "Я готова. Надеюсь, вы с Лотосом тоже готовы."
"Алия, дорогая, над этим..."
"Над этим следует получше поработать. Я знаю!" - нетерпеливо перебила Алия. "Сделайте это!"

[ГЛАВА 14]

Квантовый скачок можно рассматривать как гигантскую игру "Давайте притворимся" — "с определённой точки зрения". Я притворяюсь, что проживаю несколько дней в жизни других людей, перенимаю их лица и голоса, притворяюсь, что могу выполнять их работу, и каким-то образом всё заканчивается хорошо. Или, по крайней мере, лучше, чем было.
Но на этот раз я почувствовал себя мошенником. Не то чтобы кто-то собирался поймать меня на этом - кто-то уже поймал. Нет, всё, что я говорил и делал в роли Филипа Ларкина, было ложью. Хуже того - эта ложь была, направленная на самого себя.
Эл был прав. Этот скачок никогда не был связан с возможностью вернуться домой. Так не бывает, как бы мне этого ни хотелось. Но хотя этот скачок начинался не из-за меня, как только появилась Алия, всё изменилось. Теперь это касается нас двоих. И всё это неправильно. Филип Ларкин помог мне воплотить мою мечту в реальность, хотя сам об этом не подозревал. Я в долгу перед ним за это. Я должен помочь ему. Я должен сделать так, чтобы он жил...

...чтобы он мог помочь мне вернуться домой.

Корыстный и эгоистичный. Я своего рода Белый Рыцарь.

Неудивительно, что Эл со мной не разговаривает.

Палаточный лагерь был пуст. Ярмарка опустела, а те киоски, которые не были разобраны, были закрыты ставнями. Никто не хотел пропустить грандиозную битву. Король

Стеффан и Королева Элинор прибыли с подобающей помпой и заняли свои троны. Придворная знать окружила их на королевском помосте. Члены Малой Лиги взволнованно столпились на скамьях. Развевались вымпелы, ставки делались быстро, и глашатаю потребовалось три мощных удара в рог, чтобы утихомирить всех.

Роджер разминался в стороне от поля, возле стойки с оружием. Сэм с минуту наблюдал за ним, прекрасно понимая, что это повторение вчерашнего утреннего поединка. Сейчас

он знал о фехтовании не больше, чем двадцать четыре часа назад, плечо всё ещё ныло, а меч и кольчуга, казалось, весили больше, чем когда-либо. Добавление щита — ещё десять или двенадцать фунтов металла, которые нужно было таскать с собой, несмотря на защиту, которую он мог обеспечить, — сделало жизнь Сэма почти невыносимой.

Его тело помнило приёмы из различных дисциплин боевых искусств, но если он когда-либо и изучал какое-либо оружие, похожее на меч, то забыл об этом. Ему разрешили вспомнить то, что ему нужно было знать? Слабое утешение, когда Роджер был нетерпелив, желал этого и более чем способен был оторвать ему голову, если бы захотел.

Сэм обошёл дальний конец поля, подальше от трибун, и нашёл место для разминки прямо напротив Роджера. Сосредоточившись на упражнениях, которые должны были растянуть плечи, подколенные сухожилия и спину до нужной гибкости, он старался, насколько мог, не отвлекать свой взгляд и разум. Он не хотел ни видеть, ни думать, ни чувствовать.

Глашатай снова протрубил в трубу, привлекая внимание Сэма. По центру поля к помосту прошествовал небольшой парад рыцарей в кольчугах. Они были похожи на команду высшей лиги по какому-то диковинному контактному виду спорта, которую представляли собравшимся на стадионе болельщикам. Если бы это был футбол или бейсбол, у Сэма был бы шанс.

Но хотя, в конечном счёте, речь шла о победе и поражении, это была не игра.

Он сказал себе, что должен победить ради Филипа. Фундаментальная честность, унаследованная с каждой частицей ДНК и впитанная с каждым вдохом солнечного света Индианы,

подсказывала ему, что его мотивы были далеко не такими чистыми. Он мрачно задавался вопросом, почему это было так ужасно с его стороны - хотеть победить и ради себя самого.

"Ваши Милостивые Величества! Милорд, дамы и господа!" - взревел глашатай. - "Начинается последний день Летнего Турнира!" Сэм вытащил меч Филиппа и начал рубить ветер — и свои собственные чувства — едва отреагировав, когда рядом раздался знакомый металлический свист. И так, Эл вернулся, не так ли? Мальчишка, который убивал драконов на лестнице приюта, ни за что не пропустил бы это средневековое безумие. Несправедливо, совсем несправедливо. Что с ним такое? Неужели Алия настолько глубоко поколебала его веру, что он обиделся на самого близкого друга, который у него был в этом мире?

Сэм не был уверен, знал ли Эл на самом деле, как высоко его ценят и почему. Сквозь дыры в его памяти просачивались образы Эла во всех его обличьях. Мастер манипулирования скупыми комитетами Конгресса; собутыльник, когда Сэм впадал в уныние; главный пинок под зад, когда Сэм впадал в депрессию; торжествующий партнёр, когда одерживалась победа над темпераментной технологией. Уязвленный и нуждающийся в помощи дух, в те первые месяцы их дружбы; позже - доверяющий Сэму, Эл проявлял это доверие со всей щедростью своей непостоянной итальянской души. Он был для Сэма вторым отцом и старшим братом, умным инженером и сорвиголовкой, лётчиком и отважным воином, Адмиралом в белых униформах, и безоговорочным поклонником красивых женщин - и каким-то образом, несмотря на их бесчисленные различия в стиле, индивидуальности и опыте, самым дорогим другом Сэма как в этой жизни, так и в любой другой.

В этой жизни и ещё примерно в сотне других.

Но теперь это было нечто большее. Гораздо большее. Когда Сэм использовал нервные клетки Эла наравне со своими собственными, создавая Зигги, он действовал инстинктивно. Исследования — если бы он удосужился их провести — могли бы подтвердить, что Эл был самым подходящим сотрудником Проекта для этого, но именно инстинкт подсказывал Сэму испытать его в первую очередь. И только его. Зачем оставлять лучшее напоследок, когда ты знал, что оно стоит прямо перед тобой?

Слава Богу, что у него имелся этот инстинкт. В дополнение ко всему, чем он был раньше, Эл стал спасательным кругом; вспомогательной памятью для человека, который в ней особенно нуждался; советчиком, совестью, а иногда и оводом. Он был единственной постоянной фигурой в этом безумном, иногда пугающем, но всегда волнующим приключением.

И всё же, если бы Сэма попросили определить, что именно сделало Эла таким важным для него в эту минуту, он бы сказал, что это потому, что на протяжении всего Проекта "Квантовый Скачок" Эл ни разу не поколебался в своей вере в то, что всё получится. До того, как начались скачки Эл всегда верил, что деньги будут найдены, проблемы будут решены и вся грандиозная схема сработает. Теперь, когда Сэм прыгал в гигантском пинболе Времени, Эл всем своим существом верил, что то, что они с Сэмом делают, было важнее их обоих.

Сэм нуждался в этой вере. Своей у него оставалось не так уж много.

То, что Алиа сказала прошлой ночью, было всего лишь тем, что чувствовал сам Сэм. Его сомнения, его страх, гнев и обида. Было плохо, что он не осознал свой эгоизм, жалуясь Элу. Хуже того чувства как слушать, как она всё это говорит было чувствовать стыд и страх и отталкивать от себя единственного человека, который мог бы ему помочь.

Но Эл всегда был рядом. Какими бы ни были его тревоги, огорчения и личные переживания, он всегда был рядом. Это было единственным, что оставалось неизменным.

"С позволения ваших величеств," - провозгласил глашатай Оуайн, - "Первыми на ристалище, к чести и славе, выйдут сэры Невилл Острый Меч и Кавалер де От-Рослин!"

Сэм заметил Алию, стоявшую сбоку от помоста. Полуденное солнце отражалось от хрустального головного убора, высветив серебряные нити, пробивавшиеся сквозь её длинный жёлтый шарф. Она была идеальной средневековой дамой, окружённой любопытными и восхищенными, улыбающейся и изображающей лёгкое огорчение из-за того, что оказалась в центре всего этого внимания.

Сэм с трудом мог смотреть на неё.

"Зигги предложил несколько вариантов, Сэм."

У него также не хватило смелости взглянуть на Эла. - "Каких?"

"Мы были правы. Если ты выиграешь этот поединок, то Филип, с вероятностью в сто процентов, останется жив. Они с Синтией снова будут вместе. Но Конденсатор Ларкина будет изобретён с опозданием на год — с нашей точки зрения."

"А Роджер?"

"Если он победит, то с вероятностью в сто процентов эта штукавина будет в наличии, когда она понадобится нам". Элу не нужно было добавлять, что при этом Филип умрёт.

"Я не это имел ввиду. Что будет с Роджером?"

"Не уверен, но Зигги утверждает, что с вероятностью в девяносто процентов он продолжит свою писательскую карьеру."

Таким образом, если бы Сэм победил в поединке, то все жили бы долго и счастливо.

"Что касается шансов на то, что ты на самом деле победишь старину Роджера...ну, если только одной из причин, по которой ты не спал прошлой ночью, не была тренировка с мечом..."

"В принципе, я так и думал." - кивнул Сэм.

"И на что рассчитывает она." - краем глаза Сэм заметил, что Эл бросил на Алию взгляд, полный неприкрытой ненависти. - "Она наслаждается этим. Она может разрушить жизнь Филипа и устроить пикник на обломках. Сэм, ты должен победить."

Сэр Невилл сразил Кавалера изящным приёмом владения мечом, который Сэм и не надеялся повторить. Оба молодых человека подошли к возвышению, чтобы поклониться королевской чете, и сэр Невилл получил свои почести. Глашатай вызвал ещё пару бойцов.

"Если я выиграю," - пробормотал Сэм, - "То Алия проиграет. И какое бы наказание ей ни грозило в случае неудачи, в некотором смысле ответственность за это буду нести я. Потому что я буду причиной её неудачи."

"Ответственность? Сэм, она сама выбрала..."

"Нет, Эл." - Сэм огляделся, пряча выражение праведного гнева в тёмных глазах. И упрямо продолжил. - "Она застряла во времени. У неё нет выхода."

"Послушай меня. Чёрт возьми, послушай! Забудь о своем дурацком комплексе спасателя! Это ей ничем не поможет!"

"Я думал, что должен исправлять жизнь людей."

"А её единственная цель - всё портить."

"Она чувствует то же, что и я, Эл - усталость и злость - мы говорили об этом прошлой ночью. Меня пугает, что, хотя то, для чего её послали, прямо противоположно тому, для чего я здесь, мы оба чувствуем одно и то же."

"Значит, блестящий белый костюм рыцаря время от времени пачкается грязью!" - насмешливо фыркнул Эл. "Значит, ты человек. Ну и что? Я знаю тебя, Сэм. Ты делаешь это только не потому, что следующий скачок может привести тебя домой. Ты делаешь это, потому что это правильно. Потому что ты не можешь просто стоять в стороне и не пытаться помочь."

Второй поединок продолжался ровно столько, сколько потребовалось одному из рыцарей, чтобы выпустить из рук меч. "Около трёх минут," - подумал Сэм, наблюдая, как он уходит с поля боя, в то время как его противник, подпрыгивая, взбежал на помост и поцеловал смеющуюся девушку.

"Алия тоже человек," - возразил Сэм, наконец повернувшись лицом к напарнику. - "Ты продолжаешь говорить, что она злая, но это не так. Она..."

"Ты с ума сошёл? Посмотри на неё!" - Эл обвиняюще ткнул пальцем в её сторону. - "Посмотри на неё такой, какая она есть, Сэм! Она разрушает жизни людей, чтобы заработать достаточно очков и вернуться домой! Алия ответственна за то, кто она есть и что она делает. Не Лотос. Алия. Она сама загнала себя в ловушку, заключив сделку с тем, что отправляет её сквозь Время, — сделку с Дьяволом. И она знает, что он никогда не выполнит свою часть сделки." Ещё один звук горна послужил сигналом для дюжины детей, дочерей и сыновей членов Лиги, которые вышли на поле с дальнего конца. Одетые как пажи, в королевские цвета — пурпурные плащи и белые чулки — они несли что-то похожее на раскрашенные линейки с флагами различных дворян. Старшей девочке было около десяти лет, младшей - не больше пяти; её синий флаг с единорогом был выше её роста. Гордые родители под всеобщие аплодисменты показывали на своих отпрысков. Король и королева поприветствовали каждого ребёнка по имени и раздали сладости в знак королевской благосклонности.

"Сэм..." - голос Эла теперь звучал по-другому, мрачно и тихо. - "Расскажи мне, что ты помнишь о своём брате."

Испугавшись, Сэм нахмурился. "О Томе? А что с ним?"

"Просто скажи мне."

Он на минуту задумался, потом улыбнулся. Шествие с флагами напомнило ему об этом.

"Я помню, как мы все поехали в Аннаполис на его выпускной — вступление в должность, как, наверное, вы это называете на флоте.

Мама всё время повторяла, что не может

поверить, что такой деревенский парень, как Том, собирается стать моряком."

Назначение в Аннаполис и карьера в Военно-Морском Флоте всегда были мечтой Тома. То, что это также облегчило финансовое бремя фермерской семьи, отчаянно пытавшейся

дать образование многообещающей дочери и поразительно блестящему второму сыну, Сэму пришло в голову гораздо позже — после того, как он увидел стоимость обучения в

каталогах Массачусетского Технологического Института и Калифорнийского Технологического Института.

"Что ещё?" - спросил Эл.

"Папа был так горд, что я думал, он лопнет. В тот вечер за ужином он называл Тома "Адмиралом";" — внезапно Сэм усмехнулся. "В то время как Кэти флиртовала с соседом

Тома по комнате, а ведь ей было всего одиннадцать лет!"

Эл наблюдал за ним из-под полуприкрытых век. "Это хорошее воспоминание, Сэм. Вся семья вместе."

"А почему ты спросил?"

"Потому что 8 апреля 1970 года твой брат Том погиб во Вьетнаме."

Сэм почувствовал, как мир уходит у него из-под ног. Горе было мгновенным и почти таким же давним, как и он сам, агония была свежей, как свежая рана, и старой, как детский шрам, который так до конца и не зажил. Это было так, словно он впервые узнал о трагедии, с которой пытался справиться большую часть своей жизни.

"Нет!" — закричал он. "Том вернулся после своей поездки и...и..." - голос и память подвели его.

Эл покачал головой. - "В оригинальной истории Том был убит."

"Нет!"

Эл неумолимо продолжил: "Но ты перенёлся в тот день в 1970 году. Благодаря тебе Том не умер."

"В-В-Вьетнам..."

Река, джунгли и невероятная жара. Приятный ветерок лопасти вертолета. Женщина-фотограф с жёстким характером— Милли? Нет, Мэгги, её звали Мэгги. Мимо со свистом

проносятся пули. Он пробирался через рисовые поля и бежал так быстро, как только мог, потому что Том был в опасности...Том...

"Ты изменил историю, Сэм."

Голос Эла прервал воспоминания, прежде чем он смог понять, что же, по его внутренним ощущениям, было важным, что-то жизненно важное было в фотографии Мэгги и...Эле?

"Я изменил историю?" - Сэм потряс головой в тщетной попытке прийти в себя.

"Там, где я нахожусь, в 1999 году, дочь Тома только что сделала его дедушкой."

На мгновение Сэм просто потерял дар речи. Наконец он выдохнул. - "Том? Дедушка?"

"Во второй раз. В прошлом году у жены его сына родился маленький мальчик. Сэмюэль Джон Беккет". Он не дал Сэму времени отреагировать на это, не говоря уже о том,

чтобы прийти в себя, и продолжил: "Этот новорождённый - маленькая девочка. Оливия Кейт Макферсон. На прошлой неделе Том прислал фотографии. У неё его глаза и седая прядь в волосах, точь-в-точь как у тебя."

Хваленый мозг Сэма, которым он так гордился, превратился в кашу. - "Как у м-м-меня?"

Эл кивнул, а его худощавое лицо было настороженным, как у охотящегося ястреба, хотя тон был нарочито небрежным. - "Конечно, в свои две недели от роду она поседела

настолько преждевременно, насколько это вообще возможно. Но Том говорит, что в семье Беккетов это проявляется очень часто."

"Это у нас от папиной бабушки," - услышал Сэм свой голос и провёл дрожащей рукой по волосам. Седина? Когда же это случилось?

Да и какое это имело значение? Том был жив, и у него были внуки — новорождённые, которые появились на свет после того, как Сэм вошёл в Квантовый

Ускоритель. Воспоминания, которые он не мог забыть, потому что их у него никогда не было, чтобы он мог их помнить.

Вдруг, как назло, ему захотелось рассмеяться. "Боже мой, не могу поверить! Том — дедушка!"

"Да, это так," - сказал Эл. - "Но если бы тебя там не было, Том был бы мёртв. Его дети и их дети никогда бы не появились на свет." -

проницательные тёмные глаза

смотрели прямо на Сэма и удерживали его поражённый взгляд. - "И это та сделка, которую ты заключаешь с каждым скачком, мой друг."

Голос глашатая разорвал повисшую между ними тишину подобно раскату грома. - "Если Вашим Величествам будет угодно, то вскоре начнутся состязания лорда Раннульфа и сэра Персиваля!"

Эл указал на турнирное поле. Сэм двигался к нему как лунатик.

Я был неправ, сказал он себе. Квантовый скачок - это не тот сон, от которого я когда-нибудь проснусь. Но, в некотором смысле, Эл тоже неправ. Это не сделка с Богом. Это невероятный дар.

Том жив, у него есть дети и внуки.

Но дело не только в нём. Дело во всех людях, которым я пытался помочь. Во всех жизнях, которые оказались правильными, а не неправильными.

Что-то начало в нём зарождаться, какая-то смесь эмоций, которым он с трудом мог подобрать названия, переполняла его разум и разрывала сердце. Пока глашатай перечислял особенности каждого испытания, Сэм в последний раз повернулся к Элу.

"Знаешь что?"

В ответ с опаской: "Что?"

Сэм с трудом сдерживал свои чувства. "Когда-нибудь, когда я снова проснусь в своей постели и увижу своё отражение в зеркале, моей первой мыслью будет не то, что я наконец-то дома."

"Нет?" - приподняв брови спросил Эл, по-прежнему оставаясь настороженным.

"Нет," - ответил Сэм, улыбаясь во весь рот. "Я буду гадать, что же в моей жизни пошло не так, что меня послали это исправить!"

[ГЛАВА 15]

Донна поставила поднос с завтраком на зеркальный столик, деликатно закрывая Филипу вид на лицо Сэма.

"Доброе утро, доктор Ларкин. Надеюсь, вы любите омлет со шпинатом и тосты на закваске."

"Здравствуйте, доктор Элиси. Звучит неплохо. Спасибо."

Он неуверенно улыбнулся ей, и ей пришлось взять себя в руки, чтобы не вздрогнуть. Это была улыбка Сэма, та самая застенчивая и печальная улыбка, что была на его лице,

когда она увидела его в первый раз. Если бы на лице Филипа Ларкина было что-то похожее, Синтия Маллой просто обязана была бы отреагировать на это. Бог свидетель,

Донна никогда не могла устоять перед этим.

Филип взял вилку и принялся за еду. - "С доктором Беккетом всё в порядке?"

"С ним всё отлично. А как насчёт вас?"

"Я всё ещё кое-что не могу вспомнить, но...Я бы хотел, чтобы вы позволили мне поговорить с вашим компьютером. Этот ноутбук быстрее всех, которыми я когда-либо пользовался, но у него по-прежнему есть ограничения. Если бы я мог добраться до главного мейнфрейма..." (Мейнфрейм — большой универсальный высокопроизводительный, отказоустойчивый сервер со значительными ресурсами ввода-вывода, большим объёмом оперативной и внешней памяти, предназначенный для использования в критически важных системах с интенсивной пакетной и оперативной транзакционной обработкой. прим.пер)

"Мне очень жаль. Если вас это как-то утешит, Зигги так же, как и вы, расстроена правилами. Она тоже очень хочет поговорить с вами. Но вы же понимаете, почему этого не может произойти."

"Человек, который слишком много знает о будущем, может представлять опасность для прошлого". Филип прожевал, проглотил и сделал глоток капучино. "Дилемма капитана Кирка." (Джеймс Тиберий Кирк — персонаж научно-фантастического телевизионного сериала «Звёздный путь: Оригинальный сериал» и его многочисленных продолжений. Адмирал Звёздного флота. прим.пер)

"Капитана?...А!" - Донна улыбнулась. - "Да, я помню этот эпизод. И, знаете, у меня есть любимая теория, которой я хотела бы поделиться с вами. Как вы думаете, есть ли в нашем поколении учёные, которые не являются фанатами "Звёздного пути"?"

Филип ухмыльнулся и покачал головой. - "Если они и есть, я не хочу с ними работать. Снимали ли они ещё фильмы после того, как спасли китов? Нет, думаю, этого вы тоже не можете мне сказать. Или если Джордж Лукас наконец снимет остальные фильмы по "Звёздным Войнам"!"

"Не задерживайте дыхание," - посоветовала Донна. Она отпила из своей чашки чая. "Знаете, доктор Ларкин, большинство людей хотят знать о личных вещах. Они спрашивают о своём будущем. Семье, друзьях, работе..."

Пожав плечами, он вместо ответа откусил кусочек колбасы.

"Вам, должно быть, любопытно. Всем всегда любопытно."

"Вы не можете мне сказать, так какой смысл спрашивать?"

Это было разумное отношение. Донна часто считала, что, возможно, им следовало бы рассказать больше правды большему числу

людей. Те, кто догадывался об основах, и те немногие, кому, рассказывали, как Филипу, например, справлялись с этим довольно хорошо. Она подозревала, что это результат увлечения научной фантастикой в нынешнем веке.

Раскрытие достаточной части правды, чтобы развеять все страхи, безусловно, было бы более милосердным, чем позволять людям изводить себя дикими домыслами. Сценарий

"инопланетных захватчиков" — очень популярный среди гостей — определённо относился к научной фантастике. Другие считали себя жертвами секретной правительственной группы по проведению допросов, мафии, не очень смешных розыгрышей весьма изобретательных "друзей", международных террористов и/или буйного помешательства.

Знание даже основ проекта "Квантовый Скачок", вероятно, не имело бы значения. До сих пор никто не возвращался в прошлое с неповреждёнными воспоминаниями. Зигги

посвятила весь свой банк памяти тщательному поиску доказательств обратного, но никто не обратился к газетам, не написал книгу и не стал гостем ток-шоу. Компьютер

пришёл к выводу, что даже если бы они и помнили, то были бы слишком смущены, чтобы говорить об этом, или слишком боялись бы, что их назовут тем, чего они, вероятно, наполовину боялись: чокнутыми.

Теория Донны заключалась в том, что во время обратного перехода Сэм поделился достаточным количеством воспоминаний о скачке, чтобы человек мог функционировать, а

любые сбои списывались бы на стресс. К счастью, в файлах Зигги никогда не было данных по поводу серьёзных проблем. Один или два человека обращались к своим врачам по

поводу провалов в памяти, но медицинские записи показывали, что все обследования не выявили никаких проблем.

С другой стороны, произошёл один ужасный скачок, когда человек в теле Сэма сохранил гораздо больше от Сэма, чем обычно, — достаточно, чтобы сбежать из штаб-квартиры

Проекта и заставить броситься Эла в отчаянную погоню. Едва не случившаяся катастрофа научила их, что сокрытие информации - это, в конце концов, лучшая

политика. Всегда существовал шанс, что Сэм превратится в ещё одного Ли Харви Освальда.

Поэтому Донна с сожалением, потому что ей нравился Филип Ларкин, ответила: "Нет, я не могу вам сказать."

"Я так и думал". Он быстрыми, точными движениями намазывал масло на кусочки теста на закваске. Донна улыбнулась про себя. У Сэма была привычка всё намазывать и

оставлять крошки на кровати.

"Кроме того," - продолжал Филип, - "Время - это в значительной степени иллюзия, если задуматься. Мы навешиваем на него ярлыки, называем прошедшим, настоящим или

будущим, как будто это время глагола. Но это искусственные термины для нашего удобства. В тот момент, когда я говорю "сейчас", это уже в прошлом. То, где я нахожусь — я имею ввиду, здесь — на самом деле является будущим, насколько я понимаю. И если вы хотите серьёзно поразмыслить над этим, разве прошлое не становится настоящим, когда вы начинаете его вспоминать?"

Донна почувствовала, как её брови приподнялись. На самом деле было жаль, что они не могли позволить ему поговорить с Зигги, которая обожала подобные размышления о времени.

"А как насчёт того, чтобы заглянуть в будущее?" - говорил Филип. - "Официальная наука насмехается над этим, но исследования всё равно проводятся. Видят ли экстрасенсы

будущее таким, каким оно есть сейчас, или как будто они вспоминают прошлое?"

Донна подумала о Тэмлин, которая воспринимала прошлое как настоящее. Которая увидела сквозь ауру Сэма его собственное лицо. Которая любила его и была любима им.

"Вы читали "Достаточно времени для любви" Роберта Хайнлайна?" - внезапно спросила она, уверенная в ответе.

Филип на мгновение растерялся, затем кивнул. - "В том-то и дело! Всё, что у кого-то есть, - это сейчас, в эту минуту. Никаких гарантий на завтра. И ты должен

использовать сегодняшний день по максимуму, потому что..."

Он остановился, словно услышав, что только что сказал. Лицо Сэма нахмурилось, и морщины на его лице стали более отчётливыми, чем запомнилось Донне. Со временем аура

менялась; было несколько случаев, когда она обнаруживала, что со дня на день Сэм обретал достаточно уединения — и знаний — для того, чтобы попытаться подстричь свои

волосы. (Невозможность увидеть себя в зеркале делала процесс в лучшем случае рискованным.)

Долгое отсутствие Донны в этой комнате помешало ей заметить небольшие изменения. Поэтому она с удивлением увидела, что седина в его волосах стала немного гуще, а крошечные морщинки в уголках глаз стали чуть глубже.

"Я никогда этого не делал," - усталое самобичевание Филипа разрывало сердце Донны. "Я находил время для всего, кроме самого важного."

"Ваша работа чрезвычайно важна". Это, вероятно, было самой глупой и покровительственной фразой, которую она могла сказать. Хуже того, это было эгоистично и

своекорыстно. Она мысленно дала себе пинка.

"Конечно, так и есть," - пробормотал он. - "А как же эта дурацкая книга? Я не могу написать ничего стоящего, я это знаю. Если бы я когда-нибудь показал рукопись

Синтии, она бы тоже это поняла. Она бы смеялась до самого Рождества."

Напомнив себе, что нужно действовать более деликатно, Донна сказала: "Думаю, если бы мужчина когда-нибудь написал книгу, в которой я была бы героиней, я была бы польщена."

Филип опустил руку с вилкой на стол с такой силой, что зазвенели чашки. "Но Синтия не такая, как Аликс! Чем больше я писал, тем больше убеждался, что граф де Сент-Жуньен никогда бы не влюбился в такую умную и независимую женщину, как Аликс, — в том виде, в каком я её описал, я имею в виду Синтию, - так что книга с каждым словом становилась всё хуже и хуже!"

"Что вы имеете в виду?" - спросила Донна, делая вид, что не понимает.

Он начал расхаживать по комнате. "Подсознательное физическое взаимодействие," - мысленно услышала Донна голос Вербины, наблюдая, как длинные ноги Сэма несут Филипа Ларкина из одного конца Зала Ожидания в другой.

"Синтия просто не вписывается в Средневековье!" - расхаживая взад-вперёд, туда-назад, размахивая руками и сверкая глазами, он говорил так быстро, что слова спотыкались друг о друга. "Я не мог этого сделать — сделать её кем-то, кем она не была, даже под другим именем, и — но, чтобы быть точным, наладить их отношения — я не мог сделать так, чтобы она подходила ему, и он не влюбился бы в неё так, как я её описывал — и отразить то время, каким оно было..."

"Аликс не может быть наделена властью," - закончила за него Донна. - "Освобождённой," - перевела она, и он снова кивнул. -

"Попытка втиснуть женщину двадцатого века в общество двенадцатого века привела к серьёзным последствиям, и очень сильно всё усложняет не так ли?"

Он открыл рот, но минуту или две не мог издать ни звука. Затем он выпалил: "Синтия не принадлежит этому времени — так же, как я не принадлежу этому месту или доктор Беккет не принадлежит тому месту, где я нахожусь. Находился."

"Так и должно быть," - добавила она.

Открытие озарило его лицо. "Всё, что у нас есть сейчас..."

"Да". Когда мы получим наше собственное "сейчас", Сэм? - подумала она.

"Доктор Элиси...?"

Его голос испугал её, но не так сильно, как мог бы. Сэм сказал бы "Донна".

"Какое-то время, со всеми этими технологиями...а вы, должно быть, знаете, как это всё привлекает таких, как я...и вы все были так добры ко мне и всё такое...Я

подумал, может быть...Я бы хотел остаться здесь."

"Это невозможно". И это было неправдой.

"Я знаю. Но мне бы хотелось, чтобы это было так". Худые плечи расправились. "Но я передумал."

"Да?"

"Да. доктору Беккету не следовало делать за меня то, что я должен был сделать сам. И мне тоже не следовало пытаться делать это в двенадцатом веке."

Когда вы вспоминаете прошлое, оно становится настоящим — что ж, возможно. Но что происходит, когда вы создаёте прошлое? Как это сделал Филип с "Леди Аликс"...может

быть, как делаю я, играя в доктора Ватсона, и как делает Сэм с каждым скачком?

"Когда я вернусь в свое время, я не просто извлеку из этого максимум пользы. Я воспользуюсь им наилучшим образом."

Ей хотелось закричать "Браво!". Но вместо этого она спрятала улыбку за чашкой чая.

"И что бы я ни забыл обо всём этом," — он махнул рукой на безликую комнату, - "Я надеюсь, что я запомню вас."

"Меня?" - удивлённо переспросила Донна.

Филип покраснел. — "Не то чтобы вы сильно похожи на Синтию — я имею ввиду, что она блондинка и ниже ростом, и она действительно красивая, но вы...ну, вы должны знать, насколько вы великолепны."

Она тоже поборола смущённый румянец.

"И я не имею ввиду, что вы не такая умная и всё такое прочее, потому что я знаю, что вы такая и есть, раз участвуете во всём этом, но..." - он покачал головой и

нервно рассмеялся. - "Мне лучше остановиться, я просто глубже себя закапываю! Что я хотел сказать, так это..." — он глубоко

вздыхнул. - "Есть ли какой-то смысл в том,

что, когда я увидел вас в первый раз, мне показалось, что я вас знаю?"

Смутившись, она ответила: "В этом...есть какой-то смысл, да."

"Я влюблён в Синтию," - заявил он, и его лицо покраснело ещё больше. - "Чем больше времени я провожу с ней, чем больше я с ней разговариваю, тем больше я её

люблю. Но...к вам я тоже испытываю чувства. Я этого не понимаю, но..."

Она воспользовалась цитатой Зигги. "Во время любого скачка происходит определённая степень слияния, в большей или меньшей степени зависящая от взаимодействия нейронов

и мезонов, когда они проходят мимо друг друга во время переноса."

Он, казалось, не заметил педантичности, перейдя сразу к сути вопроса. "Вы имеете ввиду, что у меня сейчас могут быть какие-то воспоминания, которые мне не

принадлежат? Воспоминания, которые принадлежат доктору Беккету?"

Всё, что она смогла сделать, это кивнуть, задаваясь вопросом, какими могли быть эти воспоминания, и сдерживаясь, чтобы снова не покраснеть.

"О," - задумчиво произнес Филип.

Собравшись с духом, Донна сказала ему: "Не беспокойтесь об этом слишком сильно. Доктор Беккет часто помнит обрывки из жизни других людей."

"О," - повторил он. И встретился с ней взглядом.

У неё закружилась голова. Любовь Сэма, выраженная глазами Сэма, через Филипа Ларкина? Чувствуя, что совершенно не готова к этому разговору, она непроизвольно направилась к двери.

"Мне очень жаль," - удручённо сказал Филип. — "Я просто...вы понимаете? Я имею ввиду, что он чувствует. К вам. Потому что я уверен, что точно это чувствую." - и с

этими словами он покраснел до самых мочек ушей Сэма.

"Да, я знаю," - пробормотала она. - "Он мой муж. Я его жена."

Филип радостно улыбнулся. "Правда? Это здорово!" - затем у него перехватило дыхание, и улыбка исчезла вместе с Сэмом. "Но он...как давно вы его видели в последний

раз?" - он машинально взглянул на зеркальный столик и побледнел. — "Боже мой, вы же видите его прямо сейчас, не так ли? Только это на самом деле не он."

Внезапно Филип четырьмя большими шагами пересёк комнату и схватил её за плечи.

Остаточное...физическое...о, не делай этого, Филип, пожалуйста! Не трогай меня так, как трогает меня Сэм...

Но она не могла отстраниться.

"Мой Конденсатор...если это то, из-за чего всё это пошло не так, я сделаю всё, что в моих силах, чтобы помочь вернуть его домой, клянусь Богом, я это сделаю."

"Я вернусь. Клянусь Богом, я вернусь...." - вспомнила она слова Сэма, сказанные им тогда.

Его лицо, лицо Сэма — тонкие морщинки вокруг глаз и лёгкая щетина на щеках, квадратный подбородок и острый нос, изгиб рта, полный тоски, и густая седина в волосах, которая означала, что прошли годы...

Донна закрыла глаза, и что-то прошептало: "Только в этот раз..."

Губы, которые она поцеловала, всего один раз и совсем чуть-чуть в крошечном фрагменте "сейчас", принадлежали Сэму.

По его телу пробежала дрожь. Она отступила, и он отпустил её. Она снова посмотрела на него.

Это был не Сэм. Нет, совсем не он.

Она заставила себя улыбнуться. - "Спасибо, Филип."

[ГЛАВА 16]

"Почему он смеётся?" - прошипела Зоуи.

Алия молча покачала головой.

Судя по выражению лица Роджера, он был так же озадачен, как и они с Зоуи, и вдобавок был зол. Нахмутив лоб, он что-то прорычал Сэму, когда они приблизились к королевскому помосту. Сэм оглянулся, удивлённый, как критически подумала Алия, не словами Роджера, а самим его присутствием. Как будто Сэм забыл о его

присутствию — и на самом деле вообще забыл о том, что всё это вообще существует. Смех сменился улыбкой, но в его глазах всё ещё плясала какая-то тайная шутка, когда он бросил взгляд на пустоту слева от себя. Нет, поправила себя Алия, не на пустоту; там должна быть голограмма. И сияющие глаза Сэма свидетельствовали о том, что он раскрыл тайну, которой владели только он и его друг Эл.

На самом деле, когда Сэм легонько хлопнул Роджера по плечу, у него был такой вид, словно он уже победил.

"Сейчас?" - спросила Зоуи.

"Ещё нет," - пробормотала Алия. - "Подожди."

Двое мужчин церемонно поклонились королевской чете. Когда глашатай подал знак, Алия поднялась по ступенькам и встала рядом с королевой Элинор. Она попыталась поймать

взгляд Сэма. Несмотря на всё внимание, которое он ей уделял, она чувствовала себя очень далёкой и отстранённой.

Он выглядел...не то чтобы безмятежным. Скорее...спокойным?

"Смирился с поражением," - вкрадчиво прокомментировала Зоуи.

Алия знала, что Зоуи ошибается. Она смотрела, как Сэм принял продолговатый щит и, круто повернувшись на пятках, зашагал по полю рядом с Роджером, и она снова и снова мысленно представляла его лицо. Что бы там ни было, с чем бы Сэм не смирился - например, с судьбой? - это явно не было поражением. Такая мысль никогда не придёт ему в голову.

"...ужасно глупо с их стороны," - говорила королева. - "Но я всё равно должна признать, что это довольно волнующе. Честно говоря, миледи, я удивляюсь, почему вы позволяете этому продолжаться."

Алия пожала плечами, затем запоздало вспомнила о своей персоне и сказала: "При всём уважении, Ваше Величество, вы думаете, что-нибудь могло бы их остановить?"

Королева печально улыбнулась. - "Я понимаю вашу точку зрения. Эти двое гордые, как Люцифер."

"Откуда ей знать?" - спросила Зоуи.

"И упрямые," - добавила Алия, хорошо зная характер Сэма Беккета.

"Что ж, вы, конечно, правы." - вздохнула королева Элинор. "Они злы и затаили обиду, но они также опытные бойцы, которые знают

правила. Я рада, что сегодня они оба пользуются щитами."

"По моему настоянию," - сказал одетый в коричневое аристократ, сидевший прямо за королевой. Алия узнала в нём человека, которого видела ранее у кузнеца мечей. "Пусть лучше они оставляют вмятины на стали, чем на черепахах."

Королева полуобернулась, чтобы кивнуть через плечо. - "Очень мудро с твоей стороны, Дункан. Но я не думаю, что нам стоит слишком беспокоиться. Никто из них серьёзно не пострадает, хотя я ожидаю, что у них будет немало синяков." - она звонко рассмеялась. - "Я надеюсь, господин лекарь, что у вас наготове припарки и микстуры. Чем вонючее, тем лучше, чтобы преподать им урок!"

"Да, этим двоим нужен психиатр, а не хирург." - фыркнул лорд Дункан, перебирая пальцами свою служебную цепочку, на которой, как теперь заметила Алия, был кулон с кадуцеем. (Кадуцей — жезл, обвитый двумя обращёнными друг на друга змеями, часто с крыльями на навершии жезла. прим.пер) - "Они сертифицированы. И вообще, что это за история с книгой, леди Синдария? Я думал, вы вступили в Лигу, потому что это дало вам возможность сбежать от подражателей Джудит Кранц." (Джудит Кранц (англ. Judith Krantz; урождённая Юдифь Блума-Гиттел Тарчер, англ. Tarcher; 9 января 1928, Нью-Йорк, США — 22 июня 2019) — американская писательница. прим.пер)

Алия одарила его скромной улыбкой. - "Я узнаю привлекательный объект, когда вижу его, Господин Лекарь."

"Я не могу представить сэра Персиваля в роли тайного автора любовных романов," - размышляла королева. "А что касается лорда Раннульфа...!"

Король Стеффан небрежно закинул колено на резной подлокотник своего трона. "Да, и никто из нас никогда не думал, что увидит бывшего графа Стонибрука в списке самых разыскиваемых людей Америки."

Рог глашатая протрубил в последний раз. - "Вызов и ответная реакция на вызов были официально объявлены и законно приняты, лорд Раннульф, король франков, сэр Персиваль Йоркский — начинайте!"

После недолгого обсуждения ставок, заключаемых в последнюю минуту, все с нетерпением подались вперёд, и битва началась.

Зоуи расхаживала под королевским помостом,

нанося удары по ручному пульта и яростно бормоча что-то себе под нос. Алия проигнорировала её.

Насколько Алия могла судить, оба мужчины сдерживались, проверяя друг друга и не желая переходить в наступление, пока не были установлены физические параметры друг

друга. У Роджера было преимущество в росте, весе и размахе рук, но Сэм, несмотря на недостаток сна, был быстрее. Это

напоминало вступительные движения величественного танца, почти что заигрывание мечей и щитов. Когда мышцы и темперамент разгорелись, Сэм начал действовать, принимая на себя роль агрессора, что удивило

Алию.

"Очень мило, очень мило," - рассудительно проговорил король Стеффан, словно начисляя очки. - "Хорошая тактика, Фил. Заставить его снова и снова поднимать этот

огромный тяжёлый щит и одновременно изнурять руку с мечом...о, хороший удар!"

"Мой повелитель!" - увещевала возмущённая королева. - "Предполагается, что вы должны быть беспристрастны!"

Его Величество бросил на неё полный отвращения взгляд и продолжил свои красочные комментарии. "Пролезай под его защитой — о, не повезло! Давай, Фил, двигай

задницей! Вот так! Разворачивайся и замахивайся!"

Каждый удар клинка о щит вызывал в толпе одобрительные возгласы и стоны сочувствия. Алия слышала, что голоса разделились поровну. Она держала рот на замке, просто

прикусив губу. Помада Синтии была ужасной на вкус.

Зоуи встала перед ней, загораживая обзор. - "Тебе лучше предупредить меня заранее. Лотос говорит, что это может произойти не сразу. Есть вероятность, что это вообще

не сработает. Алия, дорогая, ты действительно знаешь, что делаешь?"

Она ответила одним уничтожающим взглядом и повернулась вправо, чтобы лучше видеть.

"А теперь пригнись пониже," - пробормотал король. — "Развернись - Ха! Хороший удар по щиту! Держу пари, у этого парня застучали зубы!"

Солнечный свет обдавал обоих рыцарей в кольчугах ослепительным жаром, отражаясь от щитов и шлемов с плюмажами. (Плюмаж — украшение в виде перьевого опушки на головном

уборе из перьев в виде веера прим.пер) Каждый взмах меча превращался в струящуюся дугу света, каждое движение - в блеск

солнца и серебра. Алия предположила, что в каком-то варварском смысле, всё это было довольно красиво.

Земля под ногами, и без того по-летнему сухая и утоптанная другими участниками поединков, с каждым шагом двух мужчин начала вздымать маленькие облачка грязи. Они,

должно быть, уже вспотели, сказала себе Алия, им нужна вода, они дышат тяжелее и вдыхают только сухой пыльный воздух. На каждом из них было по меньшей мере сорок

фунтов металла — кольчуга, шлем, меч и щит — и всё это находилось в постоянном движении, когда они атаковали, защищались или принимали на себя удар. Она удивилась,

что кто-то из них мог стоять, не говоря уже о том, чтобы сражаться.

"Алия!"

Она вызывающе покачала головой, предвкушая свой момент, и её сердце бешено заколотилось, когда Сэм начал колебаться, но то ли она боялась за него, то ли боялась, что он проиграет слишком рано, она не могла сказать.

"У Лотоса есть фиксация!"

"Самое время, чёрт возьми," - яростно подумала она. Роджер отбросил Сэма назад несколькими звонкими ударами по щиту. Алия напряглась, не имея достаточных знаний в фехтовании, чтобы понять, в какую беду попал Сэм. Но внезапное молчание короля Стеффана предупредило её, что он обеспокоен. Внезапно кто-то вскрикнул, когда нога Роджера поскользнулась на относительно свежей траве. Он взмахнул руками, потерял равновесие и тяжело опустился на одно бедро. Каким-то образом он удержал свой меч, но щит вылетел у него из рук и отлетел футов на двадцать.

Сэм галантно отбросил свой собственный щит, чтобы сохранить равенство в битве.

"Благородный поступок, сэр Персиваль!" - воскликнула королева Элинор, когда толпа рёвом выразила одобрение поступку Сэма.

Алия решила, что все эти люди сошли с ума — за исключением практичного лорда Дункана, бормочущего что-то о рентгене и артроскопической операции на колене, и короля Стеффана, который откинулся на спинку трона, ворча: "Глупость какая-то получилась, Фил!"

Сэм доказал, что он такой же сумасшедший, как и все эти остальные люди, протянув Роджеру руку в перчатке и предложив помочь ему подняться.

"Да, да, да," - пробормотала Алия себе под нос.

Но Роджер отбросил его руку и, поднявшись на ноги, снова занёс меч.

"Они устали," - пробормотала королева. - "Они просто обмениваются ударами, пытаюсь перевести дух."

Она была права: движения были вялыми, атаки - нерешительными, а парирования - медленными. Толпа кипела от беспокойства и нетерпеливых предположений. Заключались пари, делались ставки, коэффициенты постоянно менялись. Алия сжала обе руки, кольца Синтии впились ей в пальцы, и она почувствовала на прикушенной губе каплю медно-красной крови.

"Подождите минутку," - сказал король. - "Они просто задают себе темп, вот и всё. В эту кольчугу, должно быть, вместятся человек сто десять..."

"Чёрт возьми, Алия!" - воскликнула Зоуи. "Лучше бы это сделать поскорее! Лотос не может вечно держать эту фиксацию!"

"Ха!" - закричал Его Величество. "Вот видите, опять началось!"

Трибуны затряслись от радостных криков, когда оба рыцаря набрали достаточно воздуха и сил, чтобы броситься друг на друга с новой силой. Сэм двинулся вперёд, опустив

меч, чтобы не напрягать мышцы рук и спины; Роджер пренебрёг лёгким путём и высоко поднял свой клинок. Какая-то часть

сознания Алии отмечала каждое движение, понимая, что, хотя оба они были злы, ни один из них ещё не отчаялся настолько, чтобы перейти в тотальное наступление. Теперь в звоне мечей звучала странная музыка, или, возможно, это обострившиеся до боли чувства Алии превращали каждый стальной лязг в призывающий звон, который отдавался в каждом нерве. Скорее, пожалуйста, скорее, шептала она себе, почти вздрагивая от каждого удара. Внезапно Сэм рванулся вперёд, проскользнув сквозь защиту Роджера. Он схватил противника за руку с мечом свободной рукой, изо всех сил стараясь удержать клинок в неподвижности. Алиа была уверена, что он просит Роджера прекратить это безумие сейчас же, прекратить ссору и обсудить их разногласия, пока они не причинили друг другу реального вреда. Губы Алии плотно сжались. На Сэма всегда можно было положиться, он всегда поступал разумно и рационально. Но то, что ему предстояло испытать, не имело ничего общего с рациональностью.

"Сейчас!" - закричала Алиа.

Королева Элинор, оглушённая криком на одно ухо, резко вздрогнула и обернулась — как раз в тот момент, когда Синтия потеряла сознание и упала в обморок.

Сэм услышал отдаленный крик Её Величества, но то, что он увидел и почувствовал, заглушило все остальные его чувства, вызвав яростное недоверие.

В одно мгновение перед ним был Роджер — высокий и массивный, с красивым лицом, покрытым потом за прорезями забрала, и мускулами, выпирающими под перчаткой

Сэма...

А в следующее мгновение Сэм уже смотрел на Алию — стройную и гибкую, её холодная бледная красота мерцала под серебряным шлемом, кости её запястья, несомненно, были слишком тонкими, чтобы выдержать вес меча.

Сэм, как громом поражённый, уставился в её безумный блеск глаз.

Её голос был мягким и насмешливым. — "Я же говорила тебе, Сэм, что ты больше не посмеешь ни к кому прикоснуться."

[ГЛАВА 17]

Сэм отшатнулся от Алии, словно её прикосновение обожгло его. Она подняла тяжёлый меч обеими руками, салютуя ему, а затем описала лезвием дугу, целясь ему в шею. Он отскочил в сторону, и сталь со свистом пролетела мимо.

"Как, чёрт возьми, она это сделала?" - потребовал ответа Эл.

Даже если бы он знал — а он этого не знал, — у Сэма не хватило дыхания, чтобы ответить. Он был слишком занят тем, что держался настороже, не теряя бдительности, причём во многих отношениях.

"Отличная работа, Зоуи!" - Алия бросилась в пустое пространство рядом и упёрлась обеими ногами в вытопанную траву, отмечая себе место. "Передай Лотосу мои поздравления!". Она с силой ударила Сэма по левому бедру, смеясь за забралом.

Сэм занёс свой клинок вперёд и вниз, чтобы заблокировать удар, и лязг от удара отдался эхом по всем его рукам.

Как ни странно, они были довольно равны в фехтовании. В момент полного безумия Сэм подумал, не смотрели ли они одни и те же боевики с Эрролом Флинном, когда были

детьми. (Эррол Лесли Томсон Флинн — голливудский актёр австралийского происхождения, кинозвезда и секс-символ 1930-х и 1940-х годов. прим.пер) Или, может быть, тот

фильм "Звёздные Войны" — и вдруг он кое-что понял о том, как пользоваться этим массивным мечом. Не пытайся стать олимпийским чемпионом по фехтованию, идиот! Стань

Люком Скайуокером!

На данный момент, однако, Дарт Вейдер в образе стройной фигуры Алии имел преимущество перед ним: она была свежа и расслаблена, и Сэм знал, что она сильнее, чем

кажется. Но, конечно, вес доспехов, шлема и меча замедлил бы её продвижение. Ему потребовалось две очень долгие минуты и дюжина быстрых и ненадёжных парирований,

чтобы понять, что ничто не сможет её остановить, кроме холодного нокаута. Но перемена в его отношении к мечу начала приносить свои плоды. Относись к нему как к

световому мечу — при таком солнечном свете он почти такой же яркий.

"Иди туда и поймай её, Сэм!"

Мечи снова встретились, скользя друг по другу, пока рукояти не соприкоснулись и не сомкнулись, как у влюблённых. Сэм уставился в сверкающие голубые глаза, сверкающие, как лазеры, внутри шлема.

"Что ты собираешься делать, Алия?" - выдохнул он. - "Хочешь пронзить меня насквозь? Ты не убьёшь меня. Ты не можешь убить меня. Чего бы ты ни хотела, ты не хочешь умирать."

Огонь в её глазах опасно вспыхнул. — "Я хочу того же, чего и ты, Сэм, - быть свободной."

Из всего, что он когда-либо слышал от неё, это было единственное, чему он верил безоговорочно. Он боролся, чтобы удерживать мечи неподвижно между ними, пока она

тянула и толкала с возрастающей яростью, пытаясь сломать его защиту.

Быть свободными. Они хотели одного и того же, но пришли к этому желанию с совершенно противоположных сторон. А может, и нет. Разве они оба не хотели избавиться от одиночества? От страха, что никогда не вернутся домой?

"Я - это ты, а ты - это я, Сэм Беккет."

Нет. Какие бы эмоции они ни разделяли, он и она были разными.

Щёки Алии пылали, а губы сжались от напряжения за стальной решёткой забрала, похожей на решётку клетки, подумал Сэм, и у него закружилась голова. Каково было бы оказаться в ловушке, как оказалась в ловушке она, переместиться в чью-то жизнь, зная, что тебе придётся разрушить её или столкнуться с угрозой быть уничтоженным самому?

Должно быть, она увидела жалость на его лице. - "Меня тошнит от тебя, от твоего самодовольного благородства..."

"Это говоришь ты или Зоуи?" - выдохнул он, заставляя её отступить на шаг, затем на другой.

Он угадал правильно; внезапная задержка дыхания выдала её. Но она мгновенно пришла в себя, выкрикнув: "Или ты убьёшь меня, или я убью тебя!"

И в её безумных глазах он увидел, что она на самом деле имела в виду: "Ты можешь освободить меня, Сэм..."

"Нет! Только не так!" - выпалил он, не заботясь о том, выдаст ли он её Зоуи или нет. Он не мог позволить ей скатиться за грань безумия, бурлящего в её

глазах. - "Никто из нас не должен умереть, Алия! Я могу помочь тебе, я знаю, что могу..."

В её глазах вспыхнула надежда. Но затем её шея изогнулась, она посмотрела направо, и ужас исказил её черты. "Не вмешивайся в это! Я справлюсь с ним, чёрт возьми!"

"Алия! Не слушай её! Посмотри на меня, позволь мне помочь тебе..."

Не в этот раз.

Что-то, о чём он читал - и с чем ему пришлось столкнуться несколько раз, и всякий раз он при этом испытывал стыд, - ожило в её глазах. Жажда крови, боевой азарт, состояние, близкое к берсеркерскому, когда мозг не знает ничего, кроме потребности убивать. Хотя, возможно, в ней самой это была ещё и потребность умереть. Как бы то

ни было, для Алии было уже слишком поздно, её хрупкое равновесие было утрачено.

Сэм отцепил рукояти и отскочил назад. Меч стал вдвое тяжелее, чем был раньше, и с каждой минутой его вес, казалось, удваивался.

Пот заливал глаза, спутывал волосы,

ладони в кожаных перчатках стали скользкими. Он должен был продержаться достаточно долго, чтобы измотать её. Алия не была

Роджером - широкоплечим, опытным, ловко

владеющим мечом. Сэм мог бы победить, даже если бы не был Люком Скайуокером.

"Она правша, Сэм, а это значит, что её защита слева слаба!"

Но теперь она сражалась как безумная, её губы были растянуты в оскале, и низкое кошачье рычание вырывалось из её горла при каждом взмахе меча.

"Сэм! Берегись!"

Но он должен был победить, потому что, если бы он это сделал, предсказания Зигги о Филипе, Синтии и Роджере сбылись бы, и он смог бы выпрыгнуть отсюда.

"Продолжай! Чёрт возьми, Сэм, не давай ей времени прийти в себя..."

И Алия снова его найдёт. Снова к нему прикоснётся.

"Вот так! Вперёд, Сэм!"

Если он выиграет, она проиграет. Но если выиграет она, то проиграют они все.

Его ноющие мышцы внезапно наполнились новой силой. "А Джедай чувствует, как Сила течёт через него," — услышал Сэм эту фразу эхом в своей голове и решил, что у него

начинается истерика. Но что бы это ни было, это дало ему энергию, которую он мог использовать. Он отражал каждый удар, принимая атаку на себя. Он рубил по её защите,

пока она не выронила меч, ударил ее плашмя по предплечью и вонзил тупой кончик меча в кольчугу, прикрывавшую её бедро. Она вскрикнула от боли, и он вздрогнул от

чувства вины. Я должен это сделать...у меня нет другого выбора...Прости меня, Алия...

Неудача была очевидна для неё. Она не могла победить. Она, должно быть, знала, что он сильнее. Сэм отчаянно попытался мысленно вернуться назад, внезапно став

настолько изумлённым, что едва не пропустил её неожиданный удар по рёбрам. Боже, меч стал таким тяжёлым. Его руки и спина так устали. Рёв толпы казался слабым и

отдалённым гулом, заглушавшим шум крови в ушах и резкий свист его собственного дыхания.

Она снова набросилась на него, он снова парировал, и она отступила ещё на несколько футов покрытой пылью земли. Она, должно быть, знала, что не сможет победить, что

рано или поздно она устанет. Так зачем она это делала? Зачем она переместилась в Роджера?

Она хотела, чтобы победил Сэм?

"Поверь в Силу, Люк..."

Он позволял ей отступать шаг за шагом. Несмотря на то, что она продолжала атаковать, её движения выдавали её недоумение по поводу его уступчивости. Она погнала его

через поле к деревянному забору. Уклоняясь от удара мечом, который едва не повредил ему сухожилия, он с силой ударился спиной о поручни. Сквозь пелену боли он

надеялся, что это треснуло дерево, а не его рёбра.

А потом она сделала странную вещь. Она позволила ему выбить у неё меч, хотя он даже не пытался. Она упала ничком, но не в

неловкой позе, а в прыжке, вытянув обе руки к козлам, на которых лежали ещё мечи и щиты. Когда она перевернулась, то схватила нечто, чего он никогда в жизни не видел. Деревянная рукоять, покрытая синей краской, железная цепь с прикрепленным к ней шипастым шаром — Сэм уставился на это, разинув рот. Люк никогда не сталкивался ни с чем подобным.

Алия глубоко дышала, улыбаясь страшной улыбкой. Жажда крови исчезла, сменившись чем-то ещё более расчётливым, ещё более смертоносным. Возможно, ещё более безумным.

"Сегодня утром я купила тебе подарок, Сэм."

"Вот дерьмо!" — закричал Эл. "Берегись, это же утренняя звезда!"

Бессмысленная идентификация — пока Алия не встала на колени и не начала вращать железную сферу над головой. Золотые шипы, похожие на звёзды, размылись по мере увеличения скорости, а затем кометой полетели к его колену.

Он едва успел отскочить в сторону. Шар с шипами ударился о дерево с такой силой, что расколол перила и раздробил бы ему коленную чашечку.

"Она убьёт тебя, Сэм!"

"Нет," - сказал бы он, если бы у него хватило дыхания. Она хотела, чтобы он поверил, что находится в смертельной опасности и что единственный способ выжить - это убивать.

Алия снова взялась за синюю ручку. "Утренняя звезда" взмыла вверх и закружилась, набирая скорость. Сэм стоял между ней и трибунами, так что никто не видел, что

"Роджер" угрожает убийством. Ещё несколько оборотов, и "утренняя звезда" ударит Сэма в левый бок и, вероятно, пробьёт кольчугу и рёбра до самого сердца.

Сэм метнул свой меч, как копьё, в цепь и в то же время нанёс удар ногой по руке, взмахнувшей смертоносным оружием. Алия вскрикнула от боли и рухнула набок. Лишённый инерции, утыканный шипами шар с глухим стуком упал на землю. Сэм тут же упал и распластался на сопротивляющемся теле Алии. Она на ощупь искала утреннюю звезду, глаза её были безумны от разочарования и страха. Тогда он понял, что был прав: на этот раз у неё не было надежды. Она потеряла равновесие на острие ножа и упала в кислотно-чёрный колодец.

И Сэм подтолкнул её к этому.

"Прекрати, Алия! Всё кончено!" - он схватил её, пытаясь скрутить руки. Кожаные перчатки делали его руки неуклюжими. Он не хотел снова причинять ей боль, но она не

испытывала подобных угрызений совести; она извивалась под ним, как дикое животное, молотя руками и ногами. Кулак врезался в его больные рёбра, и одна сторона тела почти онемела.

Она, извиваясь, частично высвободилась из-под него. "Тебе придётся убить меня, Сэм, чтобы остановить это!"

Ему удалось перевернуться на спину, увлекая её за собой, и он снова оттолкнулся коленом. Это сработало; она снова оказалась прижатой к нему, и он схватил её за руку.

"Это не выход!"

"Это единственный способ! Если я умру, я буду свободной, потому что ты останешься здесь и никогда больше не прыгнешь! Вот почему я это сделала, Зоуи..."

Это была ложь, и он знал это — и молил Бога, чтобы Зоуи этого не знала. Он сыграл свою роль так, как, по его мнению, и должно было быть, размышляя, смогут ли они

вместе убедить Лотоса. "Алия, я могу тебе помочь! Послушай меня!"

По внезапно исказившемуся от ужаса лицу Алии он понял, что это не сработало. Она была уже не в состоянии слушать, осознавать, понимать: она тонула в осознании своей

неудачи. Её тело с неистовой силой выгнулось под ним. Её пальцы царапали его шею, толстые перчатки скользили под кольчугой, так что она могла обхватить его обеими руками за шею и впиться большими пальцами в горло.

Воздух застрял в лёгких. У него закружилась голова. Откуда-то издалека он услышал разъярённый рев: "Я же чёртова голограмма, Живчик! Я ничего не могу сделать!"

Сэмюэль Джон Беккет, доктор медицины, точно знал, что с ним происходит. Кровоснабжение его мозга было перекрыто сонными артериями; доступ воздуха прерывался ещё до того, как он проходил через трахею; его гортань была повреждена и вскоре должна была быть раздавлена. Однако он этого никогда не почувствует; он потеряет сознание раньше.

"Филип!"

Краем своего туннельного зрения он увидел жёлтое пятно, которое то расширялось, то удалялось, а затем растворилось в сгущающейся темноте.

Внезапно он снова смог дышать. Было адски больно, а когда он рефлекторно сглотнул, стало еще больнее, но в голове прояснилось. В ушах зазвенел звук, похожий на звон железного храмового колокола. Он подождал мгновение, пока клетки его мозга наполнятся кровью, затем отодвинулся в сторону от обмякшего тела Алии.

Над ними стояла Синтия с застывшим от потрясения лицом, сжимая рукоять "утренней звезды" обеими руками. Сэм сорвал свой шлем, затем шлем Алии. Её щёки были красными и блестящими от пота. Длинные ресницы затрепетали, и Сэм с облегчением выдохнул. Она была всего лишь ошеломлена, в лучшем случае в полубессознательном состоянии, но невредима.

"Позови на помощь, скорее!" - прохрипел Сэм Синтии, обхватив голову Алии одной ладонью, а другой нащупывая пульс у неё на шее.

"Филип..."

"Быстрее, Синтия!"

Алия сглотнула раз, другой и, моргнув, посмотрела на него. - "Сэм?"

"Я здесь, Алия." - он откашлялся. - "Я здесь."

"Синтия отправилась за врачом Лиги, Сэм," - тихо сказал Эл. Затем неохотно спросил: - "С Алией всё в порядке?"

Да. И нет. Безумие исчезло из её глаз, оставив только усталую покорность судьбе. Он сделал глубокий вдох, от которого у него болезненно перехватило дыхание. Она знала, что её ждет, но была слишком измучена, чтобы даже бояться этого.

"Как глупо," - прошептала она. - "Я должна была догадаться. Я даже не могу умереть."

"Как ты могла подумать, что я убью тебя?"

Уголок её рта дернулся. - "То же самое только что сказала Зоуи. Прости меня, Сэм."

"Тебе не обязательно умирать, чтобы освободиться от Лотоса, Алия. Есть другой способ". Он убрал влажные от пота волосы с её лба.

- "Должен быть."

"Это то, чего Зоуи никогда бы не сказала". Её лицо изменилось, теперь оно стало серьёзным и сосредоточенным — и удивительно невинным, как у маленькой девочки. "Ты понимаешь? Знаешь почему, Сэм?"

"Да."

Она почти улыбнулась. Через мгновение она отодвинулась от него, опираясь на локоть. Она протянула руку и на мгновение коснулась его лица. - "Сэм? Твои глаза...они зелёные."

И он почувствовал, как в них навернулись слёзы. — "А у тебя...у тебя голубые глаза, Алия. И красивые..."

Невероятно, но она всё ещё улыбалась, когда её тело исказилось внутри доспехов, багровая радуга поглотила её, и Лотос забрал её обратно.

[ГЛАВА 18]

Кольчуга, снова облекшая своего законного владельца, звякнула, когда Роджер рухнул на траву. Сэм уставился на лицо мужчины, всё ещё видя перед собой лицо Алии. Почему она улыбалась? Не потому ли, что на этот раз надеялась заплатить смертью за свою неудачу? Он посмотрел на Эла с немым вопросом.

"Она исчезла," - сказал он, и больше ничего.

Бегущие шаги заставили Сэма взять себя в руки. Это вернулась Синтия в сопровождении нескольких придворных, которые громко желали знать, что произошло. Только один из них, одетый в простое коричневое платье и с тяжёлой золотой цепью, предпринял какие-либо действия. Он оттолкнул Сэма в сторону и опустился на колени рядом с лежащим без сознания Роджером. Быстро и профессионально он проверил пульс и зрачки.

"Он без сознания, но очнётся через минуту."

"Не благодаря вам, леди Синдария," - обвинил глашатай.

"Итак, Харви," - начал король.

"А что именно я должна была сделать?" - парировала она. - "Позволить им убить друг друга?"

"Не двигайся, ты." - пальцы испугали Сэма, ощупывая синяки и ссадины на его горле. Он отшатнулся, отталкивая руки.

"Я в порядке," - сказал он.

"Ты сумасшедший!" - закричала Синтия. Внезапная сила её ярости опрокинула Сэма на спину. Она была просто вне себя от ярости.

"Какого чёрта, по-твоему, ты творил? Филип, мы не в проклятом пятнадцатом веке! Сражаться из-за женщины - это варварство! Мне следовало дать вам обоим по голове! Я

никак не могу повредить мозги, которых у вас даже нет!"

Вербина Бикс назвала бы это реакцией на стресс, Эл назвал бы это временным помешательством. Зигги назвала бы это частичным системным расстройством из-за перегрузки. Но

что бы это ни было, Сэм сделал именно то, что, по мнению её светлости, было совершенно неправильно. Он начал смеяться.

"Синтия! Как же я рад тебя видеть!"

"Не смей смеяться надо мной, Филип Ларкин! И я больше никогда в жизни не хочу тебя видеть!"

Но он продолжал смеяться, когда усадил её на колени рядом с собой и крепко обнял — что было довольно неприятным процессом, ведь его кольчуга царапала её обнажённое

плечо, а её хрустальный головной убор - его щеку. Разрываясь между оправданным гневом и ошеломляющим удивлением от того, что Филип наконец-то начал что-то

предпринимать, Синтия потеряла дар речи.

У глашатая же таких трудностей не возникло. — "Это было крайне необычно, Ваше Величество, — весь вопрос о турнире и незаконное вмешательство леди Синдарии с использованием запрещённого оружия..."

"О, расслабься, Харви." - отмахнулся от него король Стеффан. "Они оба вели себя как полные болваны, но законом это не запрещено.

Глупость не является преступлением,

знаешь ли. Они оба будут хромать, как Квазимодо примерно около недели."

"Но они нарушили все правила рыцарского поведения! Они действительно пытались убить друг друга!"

"Что ж, у них ничего не вышло, не так ли? Вот что я тебе скажу — я переведу их обратно в оруженосцы второго класса и заставлю прислуживать за Главным столом на эти

Святки" (Святки — это период времени от Рождества (7 января) до Крещения (19 января) в православной традиции. В это время проводятся различные обряды и праздники,

включая колядки, гадания и другие народные традиции. Святки считаются временем веселья и радости, когда люди собираются вместе, чтобы отпраздновать рождение Христа и

наступление нового года. прим.пер). Когда глашатай открыл рот, чтобы возразить еще что-нибудь, его одарили грозным взглядом.

"Мы напоминаем вам, что

Мы - Короли."

"Как пожелает Ваше Величество," - вздохнул глашатай.

Королевская рука дружески хлопнула его по спине, отчего он едва не пошатнулся. "Хорошо. Рад, что ты смотришь на это с моей точки зрения, Харви. Давай вернёмся на

трибуны. Чёрт, мне нужно пиво!"

Сэм тем временем отпустил взволнованную и покрасневшую Синтию. И улыбнулся ей. Она выглядела так, словно с удовольствием вlepила бы ему пощёчину.

И Сэм наклонился и поцеловал её. Это казалось правильным решением; кроме того, ему уже достаточно надоело быть избитым за один день, спасибо.

"Чёрт возьми!" - внезапно воскликнул Эл. - "У тебя получилось! Храбрый рыцарь и прекрасная дева действительно женятся! Роджер напишет четыре продолжения и женится на

актрисе, которая играет леди Аликс в фильме — я же говорил, что он был влюблен в неё больше, чем в Синтию..."

"Дурак," - обвинила его Синтия.

Сэм снова обнял её. Через её плечо его взгляд упал на утреннюю звезду, лежащую в траве.

Вдруг всё это показалось знакомым.

Но нить его мыслей оборвалась, когда Роджер сделал слабые движения, похожие на плавательные и застонал. Синтия помогла ему сесть и озабоченно спросила вопросы, на

которые он повторил свой первый непонятный комментарий. Доктор ещё раз осмотрел его и ушёл, подтвердив безмолвный диагноз Сэма: огромное недоумение, но никаких

серьёзных повреждений. Утренняя звезда, конечно, не задела его. Сэм решил, что, должно быть, из-за шока, вызванного перемещением во времени, у него остекленели

глаза.

Взгляд Сэма вернулся к утренней звезде. Он уже видел её раньше — и не только тогда, когда она летела на него со смертоносной силой. Что-то было в выкрашенном в синий цвет дереве, тёмной цепи, заканчивающейся серым железным шаром, усеянным шипами....

"Вы двое и ваша дурацкая книга!"

На этот раз прерывание было красноречивым и громким. Когда аудитория, на которую она рассчитывала, собралась, хотя и была не в самой лучшей форме, Синтия, очевидно, решила, что ей интереснее ругаться, чем обниматься. Она оттолкнула Сэма от себя и он снова, скривившись, перевернулся на бок. "Вы знаете, а я вообще-то подумывала о том, чтобы предложить аванс? Двадцать тысяч баксов! За первый роман! Двадцать тысяч — но вы двое были так настроены поубивать друг друга, что я была уверена, что в конечном итоге это пойдёт на оплату ваших похорон! Христос на каяке, да я сама могу вас убить!"

Эл слушал и восхищался. "Кто-нибудь говорил тебе, что ты просто великолепна, когда злишься?"

Роджер оживился, но не от угрозы. "Сколько?"

"Двадцать штук". Когда он ничего не ответил, она стиснула зубы. "Хорошо, тридцать. Но это всё! Ни пенни больше!"

Роджер сглотнул, искоса взглянув на Сэма. "Ты выиграл поединок. Не знаю точно, как как ты это сделал, но ты это сделал."

Не имея ни малейшего намерения просвещать его, Сэм опёрся на локоть и прищурился в ответ. - "И что?"

Роджер откашлялся. "Согласно правилам Лиги, это означает, что ты будешь оправдан. Ты выиграл, значит, ты прав, а я - нет."

Синтия вскинула обе руки вверх, словно прося Божественного свидетельства этой нелепости.

"Так что это всё твоё," - закончил Роджер.

"Синтия," - медленно произнёс Сэм, - "Это книга Роджера. Он её написал."

"Это правда?" - обе её руки упали на колени. — "Тогда зачем вы... всё это... рыцарский турнир и испытания..." — она замолчала, собираясь с духом для новой тирады. Сэм поднял руку и прикрыл ей рот ладонью.

"Тише, ваша светлость," - ухмыльнулся он. - "Мы ведём переговоры."

Она вырвалась и свирепо посмотрела на него.

Роджер покачал головой. - "Ты возьмёшь половину, Фил."

"Пять процентов," - парировал Сэм. - "Ты проделал большую работу. И мы оба знаем, что я не умею составлять список покупок."

"Тридцать пять. Ты написал большую часть первого варианта. И это была твоя идея включить Синтию в книгу в роли леди Аликс."

Это полностью выбило Синтию из колеи. - "Так и было?"

"Угу," - ответил Сэм.

Неправильное признание.

"Так это ты сделал? Ты превратил меня в эту глупую, жеманную, безмозглую дурочку?"

"Только в моей версии," - объяснил Роджер. "Вот почему у Фила такая грубая версия — ну, по крайней мере, одна из причин." - внезапно он ощетинился, защищая женщину, которую любил. "И Аликс не дурочка! Она точно изображена и соответствует своей эпохе..."

"В двенадцатом веке, Синтия, ты была бы анахронизмом," - услужливо подсказал Сэм.

"И ещё кое-что," - подчеркнул Роджер, бросив на Сэма взгляд, который ясно говорил: "Лучше ты, чем я, приятель". "Я использовал только то, как ты выглядишь. Потому что ты выглядишь идеально. Но..." — он стиснул зубы, а затем сказал просто и честно: - "Но Фил хочет видеть тебя такой, какая ты есть." Сэм начал понимать, почему эти двое мужчин изначально стали друзьями. Если повезёт, то они ими и останутся.

"Ох," - вздохнула Синтия. Она прикусила губу, а затем выпалила: - "Ты собирался рассказать мне о леди Аликс, Роджер, или просто позволить мне выглядеть дурой, когда все, кроме меня, это увидят?"

"Ну..." - он снова сглотнул. - "На самом деле, если бы Фил ничего не сказал прошлой ночью...я бы тоже не сказал."

"И раз уж он это сделал, то и ты тоже решил. Мужчины!" - прорычала она, и Сэм увидел, как в их сторону готовится обрушиться очередной поток творческой ярости. Но мгновение спустя она одарила Роджера своей самой милой улыбкой. "Первое редакторское решение: никаких ветряных колокольчиков. Она может вязать носки, выращивать орхидеи или готовить пахлаву с фисташками, мне всё равно. Но никаких ветряных колокольчиков."

"Но... это же неотъемлемая часть её характера! И сюжета! Она..." — он ещё раз взглянул на сталь в шёлковой перчатке, вздохнул и покорно подчинился. - "Никаких ветряных колокольчиков."

Воспользовавшись паузой, Сэм повторил: "Пять процентов."

"Двадцать," - тут же ответил Роджер. - "Считай это гонораром агента."

"Обычный процент агента - десять," - заметила Синтия.

"Хорошо, десять." - кивнул Сэм.

"Пятнадцать," - возразил Роджер.

"Пять процентов от тридцати тысяч - это неплохая сумма, Сэм." - откашлялся Эл. "На полторы тысячи баксов можно купить много омель. Не то чтобы Филипу она понадобится..."

Сэм едва не задохнулся от смеха. - "Хорошо, хорошо, пятнадцать. Но я беру только десять. Мы используем оставшиеся пять процентов, чтобы устроить самую грандиозную рождественскую вечеринку, которую когда-либо видела Лига. Может быть, тогда Король Стеффан простит нас."

"Мне это нравится!" - немедленно согласился Роджер. — "Ужин, огромная ёлка, подарки для всех..."

"Омела..." - искоса взглянул на Синтию Сэм.

Она приподняла бровь. - "Ты думаешь, тебе это понадобится?"

"Мне определённо нравится эта леди," - объявил Эл.

Роджер стянул правую перчатку и протянул руку. - "Десять процентов аванса тебе, пять - Лиге. Согласен, Фил?"

"Согласен." - Сэм тоже снял перчатку. - "Знаешь, у меня такое чувство, что с этой книгой у тебя получится гораздо лучше, чем кто-либо думает. На самом деле, я вижу

список бестселлеров "Нью-Йорк таймс" в твоём будущем..."

Эл бросил на него предостерегающий взгляд, который Сэм беспечно проигнорировал.

"Два или три продолжения..."

"Я так и знала, - сказала Синтия. - "Ты слишком сильно ударил его по голове, Родж, и он потерял рассудок. Сначала он поцеловал меня, а теперь стал экстрасенсом."

"И контракт на съёмки в кино," - продолжал Сэм, - "И женитьба..."

"Если ты настаиваешь," - сказала Синтия.

Сэм моргнул, глядя на неё. Она встретила его пристальный взгляд своим.

"Моя мама всегда говорила мне максимально использовать свои возможности, и мужчина в состоянии временного помешательства, несомненно, кажется мне подходящей возможностью."

Эл тихо рассмеялся на заднем плане. - "Отличная работа, сэр Перси. Готов к скачку?"

Роджер осторожно поднялся на ноги. - "Только не подпускай её больше к стойке с оружием. Она действительно использовала эту штуку против меня?" - он указал на утреннюю звезду.

"Это привлекло твоё внимание," - парировала Синтия. - "Даже несмотря на твой толстый череп. Кроме того, я ударила тебя не так уж сильно."

"Ты оставила вмятину на моём шлеме!"

"Так я куплю тебе новый."

Сэм уставился на оружие, и его сердце внезапно бешено заколотилось. Теперь он понял, что в нём было ему знакомо. Деревянная рукоятка была выкрашена в тот же синий цвет, что и на рисунке Филипа; железный шар был такого же серого цвета, что и куб; золотые шипы были такими же, как и волнистые жёлтые линии.

Вся эта чёртова штука была точной копией Конденсатора Ларкина.

"Приготовься к скачку, Сэм."

Он покачал головой. - "Смотри." - он потянулся за ней и аккуратно положил на траву.

"На что смотреть?" - спросила Синтия.

Святой Грааль.

"Конденсатор," - пробормотал он, словно загипнотизированный. — "Когда это вращалось в воздухе — это было точной конфигурацией..."

"Вы можете в это поверить?" - воскликнула она. "От омель до свадьбы и до физики за две минуты! Думаю, я смогу с этим смириться."

"Если я просто продолжу смотреть на это..."

Озадаченный взгляд Эла переместился с Сэма на утреннюю звезду и обратно. Затем он понял. "Если ты будешь смотреть на это, когда Филип совершит обратный скачок...". Ручной пульт запищал. Эл издал радостный возглас. "Сработало, Сэм! Патент зарегистрирован в мае 1988 года, то есть на полтора года раньше, чем до этого! И представь себе — он отдал его нам бесплатно!"

"Фил? Ты в порядке?" - Роджер присел слева от него, а Синтия - справа.

"Всё отлично". Сэм продолжал смотреть на оружие, которое едва не убило его. На узор, который мог бы вернуть ему его собственную жизнь. Неужели всё сущее обладает двойственной природой, заключающей в себе свою противоположность?

За последний день Сэм увидел обе стороны своей души.

И души Алии.

"Хорошо, Зигги, я иду," - сказал Эл, обращаясь к ручному пульту, и Сэм поднял взгляд. - "Нет, не смотри на меня, смотри на эту штуковину! Зигги говорит, что у нас важный посетитель, и ты можешь сам догадаться, кто это," — закончил он с ухмылкой.

Сэм улыбнулся в ответ. Ему не нужно было гадать, он знал это наверняка. Переведя взгляд на утреннюю звезду, он почувствовал знакомое покалывание в теле. Он сжал руку

Синтии, мысленно пожелав всего наилучшего ей и Филипу. Ещё мгновение, и он окажется где-нибудь в другом месте, в другом времени...

И он подумал, как всегда, что, может быть, когда-нибудь скоро...он вернётся домой.

[ГЛАВА 19]

Она была там, когда это произошло: внезапное напряжение его тела, резкий подъём головы, лёгкое недоумённое хмурое выражение, застывшее на долю секунды, прежде чем

слабый проблеск сине-белого света замерцал, как огни Святого Эльма, а затем исчез.

"Сэм?" - подумала она, как всегда. "Сэм, на этот раз ты вернулся домой ко мне?"

Сидевшее на скамье тело в белом костюме обмякло. Донна и Сэмми Джо бросились вперёд, прежде чем оно успело опрокинуться. Поддерживая его между собой, они ждали, пока зелёные глаза сфокусируются и в них появится осмысленное выражение.

"Сэм," - бездумно подумала Донна. "Пожалуйста."

"Всё в порядке, с вами всё в порядке, вы в безопасности," - говорила дочь Сэма. "Просто расслабьтесь, успокойтесь. Вот так, медленно дышите."

Плечи напряглись, затем расслабились. Женщины осторожно отпустили его, увидев, что он может сидеть прямо без посторонней помощи, и отступили. Он откашлялся, сглотнул и огляделся.

"Вы можете назвать мне своё имя?" - спросила Сэмми Джо мягким тихим голосом с лёгким южным акцентом.

Он озадаченно посмотрел на них обоих. — "Я...Я Джош," - медленно произнёс он, словно не был в этом совсем уверен. - "А вы кто?"

"Меня зовут Сэмми Джо," - ответила она, бросив быстрый сочувственный взгляд на Донну. "А это доктор Элиси. Вы в полной безопасности, Джош. Просто расслабьтесь. Могу я вам что-нибудь предложить? Кофе?"

"Да-да. Пожалуйста. С сахаром, без сливок."

Пока Сэмми Джо исполняла рекомендованную Вербиной вступительную часть, посвящённую использованию небольших социальных ритуалов для отвлечения и успокоения, Донна отошла в сторону и незаметно включила свой наручный браслет.

Джош медленно опустил спину к стене. Одна рука поднялась, чтобы убрать волосы с глаз — что было жестом Сэма.

И тут он закричал: "Моя рука!"

"Всё хорошо, я вам обещаю," - сказала Сэмми Джо. "Всё в порядке."

Он смотрел на правую руку Сэма так, словно она принадлежала незнакомцу, что, в общем-то, так и было. Донна и Сэмми Джо наблюдали, как он левой рукой коснулся правой, слегка удерживаясь за большой палец.

Когда он попытался прикоснуться к нему, указательный палец прошел прямо сквозь иллюзорную ауру.

Джош закричал.

"Зигги, немедленно отправь доктора Бикс в Зал Ожидания. У нас ещё один Посетитель." - торопливо проговорила Донна в переговорное устройство, вмонтированное в наручный браслет.

Некоторое время спустя Джошу дали успокоительное, и Вербина узнала достаточно о его прошлом, чтобы Зигги смогла помочь Элу оказать помощь Сэму. Джошуа бен Аврам (урождённый Джошуа Абрамсон 11 апреля 1949 года, в настоящее время ему восемнадцать лет) потерял большой палец правой руки в результате несчастного случая в израильском кибуце, куда его семья эмигрировала в августе 1965 года. (Кибуц в Израиле — это небольшая коммуна, чаще всего сельскохозяйственная, имеющая общее имущество и пропагандирующая равенство труда и потребления. Слово «кибуц» (иногда — "киббуц") означает "собрание". прим.пер) Зигги была не особенно откровенной, но простая арифметика означала, что была большая вероятность того, что Сэм оказался в самом эпицентре Шестидневной войны 1967 года. (Шестидневная война — война на Ближнем Востоке между Израилем с одной стороны и Египтом, Сирией, Иорданией, Ираком и Алжиром с другой, продолжавшаяся с 5 по 10 июня 1967 года. прим.пер)

Скачки Сэма редко переносили его за пределы Соединённых Штатов. Конечно, у него были скачки во Вьетнам, археологические раскопки в Египте и кое-что ещё. Но Кто-То или Кто-То всегда проявлял достаточно доброты, чтобы Сэм оказывался в ситуациях, когда он был знаком с языком и культурой. Доброты или практичности.

Донна прошла по короткому коридору в Диспетчерскую. Она надеялась, что Эл вернулся, чтобы рассказать ей, что происходит. Она надеялась, что юный Джош бен Аврам не владел ивритом или идиш в совершенстве; ни то, ни другое не входило в число лингвистических достижений Сэма. Она надеялась, что Сэм сможет приспособиться к тому, чтобы не пользоваться правой рукой. Она молила Бога, чтобы он не оказался в самом эпицентре войны.

Но где ещё мог бы находиться молодой израильтянин в такое время? Джош достиг призывного возраста. Даже если он не умел стрелять из винтовки или водить танк, ему могли поручить другие обязанности, не менее важные и опасные. Донна могла бы сразу же вспомнить с полдюжины таких обязанностей. Размышляя о возможных вариантах, она почти не заметила, как впереди из-за угла коридора появился высокий, худощавый, лысеющий мужчина.

"Филип!" - удивлённо воскликнула Донна. Мало того, что никто не сказал ей, что он приедет в Нью-Мексико, так еще и меньше часа назад она разговаривала с его более молодой версией. На этот раз она немного поняла из того, что Эл время от времени бормотал в своих воспоминаниях.

"Как дела, Донна?" - улыбнулся Филип Ларкин в знак приветствия, ускоряя шаг. Они обменялись короткими объятиями. "Выглядишь, как всегда, великолепно."

"Лжец. Что ты здесь делаешь? Ты привёл Синтию и детей?"

"Они в доме у Роджа и Надин в Пасадене". Они направились по коридору в Диспетчерскую. "У Синтии есть рукопись, которую, как

она думает, Надин захочет купить — у неё теперь своя продюсерская компания. А Родж отправился в Диснейленд". Он злобно ухмыльнулся. "С ним мои трое детей, его близнецы и только он один, чтобы присматривать за ними."

"Ты жестокий и порочный человек, Филип Ларкин, и я не знаю почему ты мне так нравишься". Она, конечно, прекрасно это знала. В некотором смысле, он был очень похож на Сэма, и они прекрасно ладили друг с другом.

"Где Сэм?" - спросил Филип.

"Я как раз собираюсь это выяснить". Она положила руку ему на сгиб локтя. На мгновение она задумалась, стоит ли рассказывать ему о последнем скачке Сэма. Но на самом деле, ей не нужно было ему ничего говорить. В каком-то смысле, он уже это знал. Когда он впервые приехал в Нью-Мексико, в его глазах промелькнуло внезапное узнавание, за которым тут же последовало недоумение. Хотя тогда она этого не понимала, теперь поняла.

Донне нечасто доводилось своими глазами увидеть эффект изменений, которые внёс Сэм. Она подумала, что в любой момент, когда ей снова захочется пожалеть себя, она вспомнит об этих двух Филипов Ларкинов.

"О, чуть не забыл," - сказал он. "Я опоздал на день, но всё равно с днём рождения."

Донна улыбнулась, поблагодарила его и коснулась жёлтой розы, приколотой к её волосам.

"После того, как я связался с Зигги, я поговорил с Тиной о оборудовании," - продолжил Филип. "Думаю, мы можем сделать некоторые точные настройки на основе того, над чем я работал в Нью-Йорке."

"А Конденсатор?"

"Сегодня днём мы разберём резервную копию и проведем кое-какие тесты." - он остановился перед дверью Диспетчерской, посмотрел по сторонам, чтобы убедиться, что они одни, и слегка сжал ладонями её плечи. "Донна...Я сделаю всё, что в моих силах, но, честно говоря, я не уверен, что проблема в Конденсаторе."

Каждый раз, когда он приезжал, он говорил почти одно и то же.

Она ответила привычной фразой: "Если что-то можно найти, Филип, я уверена, что ты это найдёшь."

Но к этому времени они оба уже знали, что неконтролируемые скачки имели мало общего с Конденсатором Утренней звезды.

[ЭПИЛОГ]

Он снова стал самим собой.

Застывший во Времени; вспоминая, зная и наблюдая, как двойные истории разворачиваются вокруг него, как альтернативные дубли киноплёнки, неправильные из которых скользят на пол монтажной комнаты.

Итак. Вы всё исправили, доктор Беккет?

Да.

И, помогая им, вы помогли и себе тоже?

Да.

Заплатили за добро, которое вы сделали сами, сделав добро для них?

Да.

Когда вы научитесь?

Он слегка нахмурился, ища голос, который раздавался одновременно из ниоткуда и отовсюду.

Что бы вы сказали, если бы вам сказали, что вы строите теорию, исходя из ошибочного предположения?

Ошибочного?

Вы берёте на себя ответственность за жизни других людей - даже за жизнь Алии.

Да.

За жизнь всех людей, кроме вашей собственной.

Шок заглушил даже воспоминания.

В этом и заключается ошибка.

Он ничего не понимал.

Алия выбрала свою судьбу. Она продолжает выбирать, хотя верит в эту истину не больше, чем вы.

Но...но она была в такой же ловушке, как и он.

Именно так. Она разделяет ваше заблуждение. Но Адмирал понимает.

Он порылся в памяти и услышал, как Эл сказал что-то о выгодной сделке.

Мы заключаем сделку с самими собой. Мы сами выбираем свою судьбу, доктор Беккет. Мы выбираем работу, к выполнению которой стремимся разумом и сердцем.

Но это не могло быть правдой. У него не было ни контроля над своими скачками, ни выбора, ни даже представления о том, кому нужна помощь — так как же он мог знать, где и когда он был нужен?

Знание отличается от информации.

Да, конечно. Это была дихотомия разума и сердца: что он знал против того, что он знал.

Это можно описать такими терминами. Когда вы знаете всей своей сущностью, что то, что вы делаете, - это ваш выбор...

Тогда он сможет вернуться домой?

Если вы сами себе это позволите.

Он всё ещё не понимал.

Образ "Белого Рыцаря" вам импонирует.

Ну...да, он должен был это признать. Эл называл это его комплексом бойскаута.

Иными словами, вам легче быть нужным, чем нуждаться. Надеяться на свою правоту, а не бояться, что вы ошибаетесь. В этом ваша большая сила. Это также ваш большой недостаток.

Но он не мог изменить то, каким он был создан. Он не мог перестать хотеть помочь — так же, как не мог перестать хотеть вернуться домой.

Однажды вы поймёте. Когда вы поверите, что решение вернуться домой не эгоистично, а бескорыстно. Когда вы осознаете, что вы нужны, по крайней мере, не меньше, насколько нуждаетесь сами. Когда вы поверите, что ваша ценность как личности, по крайней мере, так же велика, как и ваша ценность для других людей.

Когда в его собственной жизни что-то пошло не так, и он должен был это исправить? Когда спасённая им жизнь может оказаться его собственной?

Хорошая интерпретация, как и любая другая...с определённой точки зрения. Но не в этот раз, доктор Беккет.

Воспоминания улетучились, свет ослепил его, и он совершил квантовый скачок...

